

Р2 МА
1-73

А. Котовщикова

ЕСЛИ ПОСТАРАТЬСЯ

44 коп.

А. Котовщикова

ЕСЛИ ПОСТАРАТЬСЯ

Рисунки Л. Селизарова

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ ЛЕНИНГРАД 1970

В сборнике «Если постараться» мы перендаём две повести Аделаиды Александровны Котовщицовой: «Ох, уж эта Зойка» и «Пять плюс три».

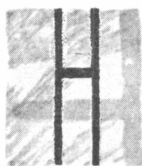
Жизнь первоклассницы Зойки полна неожиданностей и радостных, и огорчительных. Девочке во всём хочется быть похожей на своего старшего брата Глеба. Но Глеб мальчик серьёзный, уравновешенный, и Зойке трудно приходится с её строптивым характером.

Герой повести «Пять плюс три» второклассник Матвей Горбенко увлечён математикой — сколько с ним происшествий случилось из-за хитрых задачек, примеров, и особенно из-за цифр, с которыми он играл и понарошку, и всерьёз. В жизни мальчика тоже произошло много важных событий.

Обо всём вы узнаете, прочитав эту книгу.

ПОРОСЯЧЬЕ УГОЩЕНИЕ, ДЯДЯ ЮРА И СОРВАНЕЦ

а веранде, на краешке стола, красовалось блю-
дечко с розовой каёмкой. На блюдечке — грудка тёмно-лило-
вых слив.

Зойка выскочила из комнаты и видит: дядя Юра, длин-
ный, голый до пояса, в одних спортивных брюках, стоя читает
газету. В одной руке газету держит, а другую протянул и —
хватить сливу, да в рот.

— Ты зачем ешь поросёнкино? — закричала Зойка. —
Думаешь, студент, так тебе всё можно?

Дядя Юра сморщился и выплюнул сливу в открытое
окно веранды, в сад.

— Фу! А как же свинячья еда на людском столе ока-
залась?

— Я на минутку поставила. Сейчас понесу Ваське в са-
рай. Для лучшего знакомства.

— А, так тут свиньи ещё не касались? — дядя Юра пре-
спокойно забросил себе в рот две сливы подряд.

— Одна свинья уже прикоснулась! — с возмущением вы-
палила Зойка, схватила блюдечко двумя руками и отскочила
с ним в сторону.

— Ничего-о себе! — дядя Юра покачал головой. — Если
ты, Зайка, в шесть лет такая нахалка, то что же
с тобой будет потом?

— А ты зачем маленького поросёнка объеда-
ешь? — сердито, чтобы скрыть смущение, пробур-
чала Зойка и с блюдечком в руках побежала в сад.

Сарайчик был заперт. Хозяйка дачи, как вид-
но, уже кончила кормить Ваську и ушла. В сарай-
чике глухо и сыто похрюкивало. Немножко Зойка
послушала и побрела прочь.

Значит, напрасно она пожалела для дяди
Юры слив. Да ещё и обругала беднягу. Зойка
кинулась к дому. Но веранда была пуста. Дядя
успел куда-то уйти.

Зойка быстро съела сама все сливы, а блюдечко кинула на стол. Ему бы встать, как полагается, а оно вдруг покати-лось, на краю стола секундочку поколыхалось, словно разду-мывая, что ему делать, и брякнулось на пол.

— Это что разбилось? — слышался в глубине комнаты голос бабы Веры.

Зойка сошмыгнула со ступенек в сад. Густые кусты сире-ни скрыли её в один миг.

Через застеклённую стенку веранды она хорошо видела бабу Веру. Вздёрнув очки на лоб, баба Вера озиралась по сторонам.

— Что там? — спросил голос бабы Любы. И она тоже вышла, повязанная фартуком. На плече у неё висело кухон-ное полотенце, а на лбу прицепилась веточка укропа.

«Баба Люба, у тебя висюлька, а ты не чувствуешь», — чуть-чуть не сказала Зойка, но удержалась.

— Не пойму, что здесь звякнуло, грохнуло? — сказала баба Вера.

— Да вон же осколки на полу. — Баба Люба нагну-лась. — Ой, моё любимое блюдце!

— Наверно, кошка столкнула, — сказала баба Вера. — Вечно эти кошки по столам скачут.

Пыхтя, баба Люба подбирала черепки. Она была очень полная, и ей было трудно нагибаться.

— А дети где? — спросила она.

— В саду гуляют, — ответила баба Вера уже из ком-наты.

Баба Вера была, наоборот, худая и проворная, но очень рассеянная. Уходя, она уронила носовой платок и не заме-тила. Баба Люба, кончив собирать остатки любимого блю-дечка, подобрала платок своей сестры и тоже ушла.

Зойка вылезла из укрытия и отправилась искать Глеба. Настроение у неё сделалось прескверное. Одни неприятности кругом! Не удалось угостить поросёнка, обнахалила дядю Юру, а теперь он, чего доброго, не захочет с ней возиться и играть в бадминтон, заставила бабу Любу шарить по полу, подбирая осколки блюдечка, разбитого, может быть, кошкой. Может быть! А главное, куда-то девался Глеб.

Когда бежала за сливами для поросёнка, Зойка видела Глеба недалеко от калитки. Он играл в мячик с Гришей. Гриша жил на соседней даче и дружил с Глебом. Но теперь мальчиков возле калитки уже не было. Неужели Глеб посмел удрать на улицу без неё? Когда им вообще одним на улицу не разрешается. Особенно ей. Глебу до водяной колонки можно. Всё-таки он на год старше. Дальше колонки ему тоже нельзя. Там вскоре начинается шоссе, по которому ездят автобусы и всякие машины.

А что же она будет делать без Глеба по утрам, когда они вернутся в город? И зачем мама её родила на целый год позднее, чем Глеба? Страшная несправедливость! Вот теперь Глеб пойдёт в школу, а она нет. В последнее время он зафасонил — прямо терпеть невозможно. На каждом шагу твердит: «Ты ещё маленькая. Я пойду в школу, а ты не пойдёшь!» Это — когда он ещё только собирается стать школьником. А когда на самом деле станет — тогда что будет? Вот убежал куда-то и её не дождал. Безобразие!

В задумчивости Зойка вышла за калитку и медленно поплелась вдоль забора. Под ногами шуршали листья. Вон сколько нападало с деревьев. Одни красные, другие жёлтые, а третьи пополам: зелёные с коричневым. Красивые. Пусть Глеб сделает для неё гирлянды из этих листьев. И пусть набьёт ими матрасик для куклы. Так ведь пропал куда-то!

Зойка поворошила ногой листья, подняла голову. И сразу сделала строгое лицо, прищурилась, прикусила нижнюю губу. В нескольких шагах от неё стоял босой, в одних трусах мальчишка лет девяти и насмешливо улыбался. Это был Сорванец из дачи напротив. Наверно, у него было какое-нибудь имя, но Зойка его не знала, потому что все три бабушки — и баба Вера, и баба Люба, и баба Маня, когда приезжала из города, — называли его Сорванцом.

— Ты что ищешь? — спросил Сорванец.

— Глеба, — простодушно ответила Зойка.

Сорванец прыснул:

— Пф... ф... разве твой брат такой крошечный, чтобы в траве затеряться? Ростом, что ли, с перочинный ножик? — И захохотал во всё горло.

Зойка обиделась. Презрительно оглядела мальчишку.

— А у тебя все ноги в гадостях!

Сорванец перестал хохотать и устался на свои загорелые, исцарапанные ноги. Нагнулся и снял с левой ноги что-то чёрное, извилистое.

— Подумаешь, одиндохлый головастик прицепился!

Зойка вздёрнула подбородок.

— А тебе нужна тысяча?

— Вот хорошо бы тысячу головастиков иметь! — вздохнул Сорванец. — Разве ты не хотела бы? Только и это не головастик, — рассматривая снятое с ноги, сказал он с сожалением. — Из всех головастиков давно лягушки повывелись. Это просто такая пиявочная водоросль. Потому что я купался в пруду. Хочешь, покажу, как я ныряю?

Можно ли играть с Сорванцом? Одной. Без Глеба. Неизвестно. А идти на пруд, кроме как с бабушками и с папой, с мамой, нельзя. Это уж точно. Даже с дядей Юрой — сомнительно. С дядей Юрой почти наверняка не пустят на пруд: он увлечётся купаньем, а про детей забудет. А уж с Сорванцом на пруд!!!

Щёки и уши стали у Зойки пунцовыми. Она почувствовала, что сейчас погибнет. Потому что сделает что-то ужасное. Настоящее преступление. Ей стало страшно. И в то же время сердце у неё сладко замерло.

Дрогнувшим голосом Зойка сказала с отчаянной решимостью:

— Да, я хочу посмотреть, как ты ныряешь!

Сорванец схватил её за руку, и они побежали. И через пять минут очутились на берегу заросшего осокой прудика.

«А вот пусть Глеб меня не бросает, — стоя под развесистой ивой, мстительно думала Зойка. — Какой герой, батюшки, этот Сорванец! А Глеб пусть не удирает от меня! Хоть он и будет школьником, а я — нет. И я не виновата, что такая неудача: на год позднее родилась. Из такого смелого, как этот Сорванец, даже космонавт может когда-нибудь получиться!»

Уже четыре раза, Зойке напоказ, Сорванец плюхался в пруд. С размаху разбивая своим телом зелёную тину, он

исчезал, и некоторое время его совсем не было видно. Зойка таращила испуганные глаза на воду, на осоку и прибрежные кусты. Но вот Сорванец выныривал, ловкими взмахами рук достигал берега и вылезал, шумно дыша и отплёвываясь. Кончив плеваться и, едва переведя дух, он гордо спрашивал:

— Видишь?

Не в силах выразить словами своё восхищение, Зойка молча усиленно кивала несколько раз подряд. С последним её кивком зеленоволосая, облепленная тиной голова Сорванца и его ноги, сплошь в пиявочных водорослях, мелькали в воздухе в новом потрясающем прыжке. Никогда в жизни Зойка не видела ничего более захватывающего.

Сколько времени так продолжалось, она не знала. Наконец, в полном изнеможении Сорванец повалился на траву. Зойка присела на корточки возле него.

— Ты будешь великим человеком! — сказала она проникновенно.

Сорванец так удивился, что полежал с открытым ртом, разглядывая Зойку, как что-то невиданное. Потом предложил:

— Хочешь, я научу тебя плавать?

— Когда я вырасту, — подумав, торжественно сказала Зойка, — я непременно буду плавать в прудах, в озёрах, в морях и океанах. Тогда ты меня научишь.

Вдруг Сорванец дрыгнул ногами и сел:

— Чего это народ бежит? Случилось, что ли, чего?

Зойка повернулась лицом к дороге. Вот так зрелище! Быстро шёл дядя Юра в своих неизменных спортивных брюках, но уже в рубашке. За ним бежал Глеб. За Глебом — соседский Гриша. За Гришей спешила баба Вера, на ходу повязывая косынку. За бабой Верой подскакивала кошка Резвушка. Та самая, которая, по всей вероятности, разбила блюдо.

Зойка, а за ней Сорванец припустили навстречу всей этой компании.

— Что случилось? — закричала Зойка.

Дядя Юра издал какой-то неразборчивый клич, набежал на Зойку, подхватил её на руки и завопил:

— Вот она! Вот она!

И вслед за ним все, как по уговору, закричали:

— Вот она! Вот она!

— Ой, ну что у вас случилось? Что случилось? — нетерпеливо спрашивала Зойка, сидя на руках у дяди Юры и пригладивая ему вспотевшие волосы надо лбом. — Куда вы все помчались?

— Слушай, я высеку тебя! — сказал дядя Юра. — Не дожидаясь из города мамы. Просто по собственному почину.

— За то, что я тебя... тогда? — виноватым ласковым голосом спросила Зойка.

— Я не знаю, что было «тогда». У тебя секунды не проходит без проделок. Зато я знаю, что было теперь!

Подбежала баба Вера и, охая, стала обнимать Зойку прямо на руках у дяди Юры. А за ногу Зойку дёргал Глеб.

Сверху вниз глядя на него, Зойка крикнула:

— Ты куда девался?

— Я?! — воскликнул Глеб. — Я в саду играл, за сараем. А ты куда девалась? Ты-то! Ты-то!

Баба Вера шлёпнула Зойку. Сильно, но нисколько не больно, потому что попала по руке дяди Юры. Помахав в воздухе ушибленными пальцами, она накинулась на Сорванца:

— Ты зачем её увёл? Вот нажалуюсь твоей матери!

Сорванец смотрел на всех с любопытством, а тут он захолопал глазами и пустился наутёк.

— Он вообще очень храбрый, — сказала Зойка. — Это он на всякий случай...

— Вера Ивановна, — широко шагая, сказал дядя Юра семенившей за ним бабе Вере, — я считаю, что Зою на всякий случай необходимо отстегать прутом. Как вы думаете?

— Ты это что — серьёзно? — Зойка слегка дёрнула его за волосы.

— А как поступают с бессовестными детьми? — вопросом на вопрос ответил дядя Юра.

Дома Зойка окончательно догадалась, что вся суматоха произошла из-за неё. Глеб искал её в саду. Не нашёл и сказал бабушкам, что Зойка пропала. Потом кто-то на улице сказал бабе Любе, что Зойка бежала куда-то, уцепившись за руку Лёньки-Сорванца...

Так Зойка узнала, что у Сорванца в самом деле есть имя. Этого храбреца зовут, оказывается, Лёней.

И ещё она узнала, как скучно сидеть одной в комнате, когда все гуляют в саду. Конечно, преступление Зойка сделала большое. Недаром, соглашаясь посмотреть, как Сорванец нырнёт, она чувствовала, что погибает. Но и наказали её здорово: запретили выходить из комнаты до самого вечера.

— Можно, я буду с ней сидеть? — попросил Глеб. — Мне не хочется гулять.

— Нельзя, — переглянувшись, хором сказали баба Вера и баба Люба. Баба Люба поцеловала Глеба в голову. Баба Вера поправила на нём рубашку. Потом обе повторили: — Нельзя, Глебушка.

— Но ведь она ещё маленькая, — сказал Глеб. — Она ещё в школу не пойдёт. Это я виноват, что за ней не присмотрел. Я-то ведь в школу пойду. Меня вместе с ней надо наказать.

Дядя Юра захохотал. А Зойка громко заревела. Чтобы не расстраиваться от Зойкиного рёва, обе бабушки ушли из комнаты. При этом они, как видно, на всякий случай, заперли Зойку на ключ. А Глеб дядя Юра увёл в кино на детский фильм. Глеб не хотел идти в кино без Зойки, но бессовестный дядя Юра его уговорил.

От жалости к себе Зойка решила умереть — пусть знают! Она легла на кровать, крепко зажмурила веки и лежала тихо и неподвижно, дожидаясь, когда перестанет существовать на этом свете. Старалась-старалась не дышать, да и заснула. И проспала до самого ужина. К ужину её разбудили, и никто её уже не бранил, наоборот, обе бабушки щупали ей голову: не горячая ли?

Зойка старательно кашляла и говорила слабым голосом: — Простудилась я на этом пруду, пока храбрый Сорванец-Лёня нырял...

— Розог! Розог! — кричал дядя Юра.

Но никто на него не обращал внимания, все беспокоились о Зойкином здоровье.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ НА СВЕТЕ!

Полдень, как известно, двенадцать часов дня, а полночь — двенадцать часов ночи. Так вот, в полдень, а, конечно, не в полночь, поднялся сильный шум.

Дети сидели на веранде за вторым завтраком. И вдруг приехали из города баба Маня и деда. Они — мамы родители. И дяди-Юрины тоже. А баба Вера — папина родительница. А баба Люба — её сестра и папина родная тётка.

Как было не подняться шуму? Во-первых, Глеб и Зойка выскочили из-за стола и повисли на шее у деда. Во-вторых, их обоих крепко обняла баба Маня. В третьих, все бабушки восклицали сразу:

— Ах, какая радость! Как хорошо, что вы приехали! Мы давно собирались вас навестить! Мы так без вас соскучились!

А самое главное: баба Маня, не успев ещё выпустить из своих рук детей, стала без передышки воспитывать дядю Юру:

— Почему ты ходишь без рубашки? Наверно, все рубашки грязные, мог бы и сам постирать, Вере Ивановне и Любове Ивановне и без тебя хватает дела, воду-то ты им носишь? А брюки-то, брюки на что похожи!

— Мама, всё в порядке! — уверял дядя Юра.

Но баба Маня не слушала и продолжала его воспитывать: и похудел-то он, и вид у него дикий, нестриженный, нечёсанный и ободранный, и не занимается-то он, наверно, ни сколько, а только приключенческие книжки читает.

Зойке даже жаль стало своего дядюшку, и она громко сказала, перебив бабу Маню на полуслове:

— Как тебя, дядя Юра, аппендицит-то подвёл! Был бы ты сейчас на студенческой стройке.

Все засмеялись, хотя что смешного в аппендиците? А дядя Юра вздохнул:

— Твоя правда, Зайка. Если б не сделали мне летом операцию, я бы сейчас был на какой-нибудь студенческой стройке, а не прокисал на даче.

— Зоя, а ты зачем бабу Маню перебила? — нахмурился дедушка. — Перебивать старших не годится.

Зойка удивилась. Все три бабушки очень часто делали ей замечания: «Не вертись, не болтай без конца, не приставай, не перебивай» — да мало ли что ещё. А деда почти никогда не делал замечаний. Что это с ним?

— Она же маленькая, — вступился Глеб. — Она в школу ещё...

— Молчи, вечный защитник! — сказала баба Вера и посмотрела вопросительно на дедушку: — Сергей Никанорович, ну, как? Неужели удалось?

— В основном договорились, — с таинственным видом ответил дедушка. — Теперь надо показать самого ребёнка.

— Какого ребёнка? — спросила Зойка. — Кому показать?

— Любопытному на днях прищемили нос в дверях, — сказал дедушка. — Каша у вас давно остыла. Полный беспорядок.

Глеб и Зойка уселись доедать кашу. Потом все вместе ели огромный арбуз, который привёз дедушка. А потом дед вдруг потребовал, чтобы Зойка принесла книжку и почитала ему вслух.

— Так сейчас же не вечер, — недовольно сказала Зойка. — Сейчас надо идти гулять. В лес.

— Если дедушка велит, слушайся! — в один голос сказали баба Вера и баба Люба и почему-то вздохнули.

Зойка притащила из комнаты «Мойдодыра». Но дедушка сказал:

— Больно ты, матушка, хитра. Это ты наизусть знаешь. — Он вытащил из кармана пиджака газету. — Прочитай заголовок вот этой статьи. Что здесь написано?

— Ну, зачем я буду читать про «Уборка — ударный фронт»? — приглядевшись к заголовку, сказала Зойка. — И про хлопок мне неинтересно.

Дядя Юра хохотнул в кулак.

— Поди отсюда! — велела баба Маня. — Рубашку постирай!

— Давайте я почитаю, — предложил Глеб. — Ей очень не хочется.

— Сейчас ещё скажи, что она маленькая, — сердитым голосом проговорил дедушка. — Портишь ты сестру, Глебушка, всё хочешь жизнь ей облегчить. Зоя, карандаш и бумагу принеси.

— Я тебе вечером чёртиков нарисую, — пообещала Зойка. — Самых-самых хороших. А сейчас гулять пойдём.

— Так ты считаешь, что карандаш только для того и существует, чтобы чёртиков рисовать? — Дедушка взглянул на ручные часы. — Успеет на двухчасовой. Полчаса на электричке, да там ещё минут десять-пятнадцать ходу... Оденьте её почище. Руки ей не забудьте отмыть.

— Как? Прямо сейчас повезёшь? — ахнула баба Маня.

— Вот просто сейчас? — заволновалась баба Вера.

— Некогда откладывать, август на исходе, — сказал дедушка. — Поторапливайтесь, дорогие дамы, прошу вас!

Недоумевающую Зойку живо умыли и переодели в чистое платье.

Напрасно она спрашивала:

— Куда мы поедem с дедой? Куда? А Глеб почему не едет?

— Не приставай! — отвечали ей. — Там увидишь.

Зойка и опомниться не успела, как очутилась на скамейке в электричке рядом с дедушкой. За окном стоял на перроне Глеб. Он держался за руку дяди Юры, одетого в чистую белую рубашку, и растерянно махал Зойке.

Внезапно у Зойки набежали на глаза слёзы.

— Глебочку оставили! — всхлипнула она. — Везёшь меня куда-то, ничего не говоришь. Что делается на свете, не пойму!

— Ну-у... — Дедушка обнял Зойку за плечи. — Не будешь же ты плакать, такая большая девица? Просто мне надо по делу в ту школу, в которой будет учиться Глеб. И я решил тебя прихватить с собой. О чём тут говорить-то? Смотри, какие домики красивые!

Зойка вытерла глаза, посмотрела в окно и сразу разведалась. Ехать вдвоём с дедушкой — ведь это такое редкое удовольствие! Жаль только, что Глеба с собой не прихватили.

СЛУЧИЛОСЬ НЕВЕРОЯТНОЕ

Огромное здание. И всё в окнах. Окна, окна, окна. А в них стёкла. Кажется, что все стены сделаны из стекла. Счастливый Глеб: в такой красивой школе будет учиться!

Прежде чем открыть входную дверь, дедушка сказал:

— Не вздумай там болтать. Молчи и внимательно слушай. И отвечай на вопросы. А сама ни о чём не спрашивай. Поняла?

— Я поняла, — кивнула Зойка. — Молчать и ничего не спрашивать.

— Да, и отвечать на вопросы, если тебя о чём-нибудь спросят.

Широкая-преширокая просторная комната. За загородкой вешалки. Пустые. Ни одно пальто не висит.

— Это тут Глеб будет раздеваться, когда в школу придёт? — шёпотом спросила Зойка.

— Да, это гардероб. А вообще вся эта передняя называется вестибюль.

— Ладно, — сказала Зойка. — А почему?..

Но дедушка сжал её руку в своей и приложил палец к губам. Они подошли к двери, на которой висела табличка с надписью: «Директор». Дедушка постучал.

— Войдите, — отозвался женский голос.

Они вошли.

За столом сидела седая женщина в тёмном костюме.

— Здравствуйте, — сказал дедушка. — Вот привёл свою внучку.

— Присядьте, пожалуйста, — сказала женщина.

Дедушка сел в кресло у стола. Зойка уселась в другое кресло, напротив.

— Девочка, встань! — велела женщина. — Это я твоего дедушку попросила сесть. А дети в присутствии учителей не садятся без разрешения. И надо здороваться. Твой дедушка поздоровался, а ты — нет.

Зойка соскочила с кресла и крикнула:

— Здравствуйте!

Дед укоризненно покачал головой.

— Не надо так громко, — спокойно сказала женщина и обратилась к дедушке: — В детсаду она у вас не была?

— Не была, — ответил дедушка. — К сожалению.

— Подойди ко мне, девочка, — сказала женщина. И когда Зойка обошла стол и встала перед ней: — Как тебя зовут?

— Зойка, — ответила Зойка.

— Не Зойка, а Зоя. А фамилия твоя как?

Зойка подумала:

— Наверно, Платонова. Ведь Глеба фамилия Платонов. Ему, знаете, уже букварь завернули в цветную бумагу и написали: «Букварь Глеба Платонова». А я его сестра. Значит, у нас одинаковая фамилия.

— Зоя! — строго сказал дед.

Зойка повернулась к нему:

— Что, деда?

— Не говори так много.

— Ой, забыла! — Зойка двумя руками зажала рот и сквозь пальцы громко прошептала: — Не буду!

Женщина взяла со стола журнал и протянула его Зойке:

— Попробуй прочесть, что написано на обложке.

— Это «Наука и жизнь», — сказала Зойка. — В этом номере есть про Кукошу, попугая, очень смешное. Нам баба Люба читала. Этот попугай, знаете, умел говорить...

— Зоя, умерь фонтан своего красноречия! — сказал дедушка и смущённо добавил: — Читать умеет.

— А сколько будет, если к двум прибавить один? — спросила женщина.

Зойка пожалала плечами:

— Что же тут прибавлять? И так ясно, что будет три. А Глеб у нас умеет считать до ста.

— А ты?

— А я всегда забываю, что после двенадцати будет тринадцать, — призналась Зойка. — Говорю двенадцать, а потом сразу четырнадцать. Как нарочно.

Женщина улыбнулась.

— Ну, ничего. Ещё запомнишь, что после двенадцати надо говорить тринадцать. Так, значит, семь лет ей исполнится через...

— Пять месяцев, — сказал дедушка.

— Многовато не хватает. И ростом маленькая.

Брови у Зойки сами собой нахмурились. Дядя Юра вечно называет её «коротышка» и «кубышка». Потому что она маленькая — Глеб на целую голову выше — и довольно толстая. Виновата она, что ли, что у неё аппетит хороший?

— Но, принимая во внимание все обстоятельства... — продолжала женщина и вдруг спросила: — Зоя, ты хочешь учиться в школе?

Зоя взглянула на женщину с упрёком и с возмущением: такая славная на вид, а дразнит её!

— Хоти не хоти, — выпалила Зойка сердитым дрожащим голосом, — а если я на год позже родилась? — Губы у неё скривились, она шмыгнула носом.

— Не вздумай плакать! — поспешно сказал дедушка и объяснил: — Она так завидует брату, что тот пойдёт в школу, просто беда!

Если бы дедушка не запретил ей плакать, может быть, Зойка и удержалась бы. А от дедова запрещения — и поплакать нельзя! — ей стало так себя жаль, что она разревелась в три ручья.

— Ну, перестань! — женщина положила руку ей на голову.

И тут случилось невероятное.

Поглаживая Зойкины волосы, женщина сказала:

— Теперь Зоя не будет завидовать брату. Потому что она тоже станет школьницей. Мы запишем Зою Платонову в школу.

Поражённая Зойка сразу перестала плакать.

— Деда, правда? — прошептала она.

— Ну конечно, правда, — весело сказал дедушка. — Скажи Марье Николаевне спасибо!

— И мне тоже купят ранец? — недоверчиво спросила Зойка.

Дедушка встал с кресла:

— И ранец, и книги, и тетради. Спасибо, Марья Николаевна, огромное спасибо!

— Ранец! Ранец! Ранец! — Зойка запрыгала в восторге, но вдруг застыла на месте, воскликнула испуганно: — А директор-то позволит?

— Ну что ты, Зойка, в самом деле, — сконфузился дедушка. — Разве ты не видишь, что перед тобой директор? Извините её, Марья Николаевна, совсем она у нас ещё глупенькая.

Зойка воззрилась на седую женщину в тёмном костюме:

— А как я могу видеть? На лбу же не написано.

Марья Николаевна засмеялась и покачала головой.

У деда покраснелись щёки. Он дёрнул Зойку за руку:

— Говори спасибо — и до свидания! Мы столько времени отняли у Марии Николаевны.

За что он рассердился, Зойка не поняла и поэтому с недоумением в голосе сказала:

— Спасибо и до свидания.

На столе зазвонил телефон. С трубкой, прижатой к уху, директор приветливо покивала им головой. Дедушка поклонился и за руку потащил Зойку к двери.

ОЖИДАНИЕ

Она тоже пойдёт в школу!

Зойка ходила по квартире притихшая, не болтала, не приставала, а всё думала: чудо какое, она тоже станет школьницей! Двадцать раз в день она открывала свой — свой! — ранец и перебирала в нём букварь, «Родную речь», задачник и тетрадки. Доставала пенал, открывала его и смотрела на карандаш, ручку и резинку. Никогда в жизни не видела она такого восхитительного карандаша, такой распрекрасной ручки и такой замечательной резинки. Налюбовавшись сама, она показывала книги, пенал и ранец кошке Резвушке и кукле Ларисе, спрашивала их строго:

— Вы-то понимаете, что я в школу пойду?

С Глебом Зойка говорила покровительственным тоном:
— Когда мы с тобой, я и ты, пойдём в школу, уж я не позволю тебе баловаться по дороге!

Глеб смотрел на неё растерянно.

За обедом Зойка уронила на пол котлету, и баба Вера рассердилась на неё. Глеб сказал по привычке:

— Она же маленькая! Она в школу ещё... — И замолчал.

И не говорил ни слова, пока баба Вера отчитывала Зойку за неаккуратность. Зойке даже странно стало, что Глеб её не защищает.

Во дворе и в сквере Зойка всем детям и взрослым, знакомым и незнакомым, сказала, что она тоже пойдёт в школу. Если бы ей позволили, она сообщила бы о таком необычайном событии по радио. Всему Ленинграду сообщила бы, всему Советскому Союзу и всему миру: «Я пойду в школу! Я тоже пойду в школу!»

Целый день она повторяла про себя эти чудесные слова.

Плохо было одно: до первого сентября всё ещё оставалось несколько дней. И никак они не кончались. Просто терпенья не хватало дожидаться. Уж Зойка и спать ложилась пораньше, и вставала не сразу, валялась в постели, пока ей не приказывали вставать, — всё для того, чтобы время быстрее прошло.

Не кончались дни, не кончались, да вдруг и кончились.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Детей-то сколько! Целая огромная толпа. Весь этот вес-тибюль, как назвал его дедушка, забит детьми. Белые передники, цветы в горшках, букеты цветов в руках у ребят — всё пестреет, мелькает, сливается. И шум неразборчивый, гул над всем стоит. Зойке стало как-то смутно, вроде немножко страшно. Она вцепилась в руку Глеба и вместе с ним поднялась по лестнице.

В классе расселись за парты. Тоже много ребят, но всё-таки не столько, как внизу. Учительница полная, пожилая.

Стоит у стола. Немного на бабу Любу похожа, только моложе и не такая толстая. Ну, и лицо, конечно, другое. Нос не такой.

Объяснила учительница, что надо вставать, когда тебя вызывают. И потом садиться тихонько, крышкой парты не греметь.

— Сейчас я с вами познакомлюсь, — сказала она. И стала по очереди называть фамилию и имя каждого из ребят.

Одни сразу вставали, а других по два раза приходилось окликать: «Иванов Петя! Петя Иванов!» — тогда только вставал.

«Я уж так не сделаю. Я сразу встану», — подумала Зойка.

Вот вызвали Глеба. Он поднялся и сказал:

— Здесь.

Издали Зойка с удовольствием на него смотрела. Когда вошли в класс, учительница их быстро рассадил по двое, и Зойка оказалась на парте не с Глебом, а с каким-то незнакомым мальчиком.

Когда Глеб встал, Зойка сказала соседу по парте:

— Это мой брат!

— А кто там громко разговаривает? — спросила учительница. — В классе нельзя разговаривать, надо сидеть молча и слушать.

Многие ребята повернулись и посмотрели на Зойку. Зойка закрыла рот ладошкой.

Ещё вызывали ребят. Долго. Ведь их было очень много. Зойка внимательно разглядывала картину на стене, чёрную большую доску, окна.

Все подоконники заставлены цветочными горшками. Там и бегония Глеба стоит. А её букет астр на столе учительницы в банке с водой.

Сидевший рядом с Зойкой мальчик прошептал:

— Да где же эта Платонова? Не пришла, может?

И тогда Зойка услышала:

— Платонова Зоя!

И увидела, что учительница смотрит на неё.

— Это я Зоя Платонова, — сказала Зойка, вспомнила, что надо встать, и вскочила. Крышка парты так и гроыхнула.

— Почему же ты не отзываешься? — сказала учительница. — Я тебя в третий раз вызываю. Надо слушать внимательно. Садись.

Зойка смущённо села. И как она пропустила, что её вызывают? Посмотрела на Глеба. А тот сидит с красными щеками.

Учительница дала им по листку бумаги. И все стали рисовать, кто что хочет. Зойка нарисовала чёртика, который дёргал кошку за хвост. Мальчик рядом с ней заглянул на её рисунок и хихикнул. Сам он нарисовал какую-то длинную колбасу и сказал, что это подводная лодка.

Собирая рисунки, учительница на каждом листке писала фамилию рисовавшего. Все встали, потому что в коридоре заливался звонок. Построились в пары, вышли в коридор и походили там немножко. Опять зазвенел звонок. Все ребята вернулись в класс и снова сели за парты. Учительница показала им большую печатную «А» и большую печатную «М» и объяснила, что звуки обозначаются буквами. У каждого звука есть своя буква, а у каждой буквы свой звук.

Ребята достали из кассы букваря большие «А» и «М» и, держа их над головой, хором тянули:

— А-а-а...

А потом хором тянули:

— М-м-м...

Зойке понравилось мычать. Она подумала, что они похожи на стадо двуногих коров, вообразила себя коровой и с удовольствием замычала:

— М-м-у-у!

Ребята засмеялись.

Учительница сказала строго:

— Зоя!

Зойка сейчас же перестала мычать. И они сложили в кассе слово «мама». И все встали и сделали маленькую гимнастику. И учительница прочитала им коротенький рассказ о том, как дети ходили в лес за грибами. И зазвенел звонок. И они построились в пары и пошли вниз, в раздевалку.

«Раздевалкой» назвал вестибюль мальчик, который сидел с Зойкой на одной парте. Его звали Андрюша Колотуш-

кин. Странная фамилия. Но Зойка столько наслушалась на первом уроке фамилий, что уже не удивлялась. Даже Скворода была у одного мальчика фамилия. Вова Скворода. Так что уж Колотушкин, или Габер, или Пичужкина — это не так удивительно.

В раздевалке Зойку и Глеба ждала баба Люба. Всю дорогу до дома Зойка болтала без умолку. Глеб слова не мог вставить.

— Намолчалась ты, как видно, — сказала баба Люба.

— А в классе нельзя разговаривать! — важно сказала Зойка.

НЕ ТУТ-ТО БЫЛО

На другой день Зойку повели в школу в чёрном, а не в белом переднике. И без цветов.

На первом уроке писали карандашом в тетрадях палочки. Зойка живо накатала три строчки палочек. Андрюша Колотушкин ещё и первую строчку не дописал.

— Вон у меня сколько! — шёпотом похвасталась Зойка. — А у тебя-то как мало!

И вдруг услышала над своей головой голос учительницы:

— Зоя Платонова, куда ты так торопишься? Надо писать по линейкам, а ты как написала? Одна палочка короткая, другая длинная. Вот Андрюша очень хорошо пишет, аккуратно.

Учительница взяла у Зойки карандаш, вывела в её тетрадке несколько ровных палочек и велела писать так же, не залезая за линейки.

Зойка шумно вздохнула и стала писать, то и дело заглядывая в Андрюшину тетрадку: не вылез ли Андрюша за линейки?

На перемене два мальчика из другого первого класса сильно подрались. Что-то они отнимали один у другого и тузили друг друга кулаками. Это было очень интересно, но, к сожалению, быстро кончилось: чужая учительница разняла драчунов.

После звонка ребята опять тянули нараспев «ма-а-ма-а». Потом по классу нёсся звук «у-у», потому что учили букву «У». Под это «у-у» по классу прыгали тысячи солнечных зайчиков. Они сбивались в стаи и растекались по учительскому столу и по полу. Но особенно весело им было на оконных стёклах. Зайчики там плясали, дразнились и звали на улицу каждого, кто на них посмотрит.

Зойка зевнула. Банты на головах у девочек и в их косах она давно все рассмотрела: почти все банты коричневые, как у неё самой, только у трёх девочек тёмно-зелёные. За стеклом по карнизу расхаживал голубь сиреневого цвета и тоже учил звук «м-м». «Ма-ма» и «у-у» у него не получались. покормить бы его крошками, может, тогда получится. А вдруг этот голубь, как попугай Кукоша, научится говорить? У них во дворе тоже есть голуби, надо попробовать обучить их разговору... Хорошо бы сейчас, не откладывая. Да что тут вообще сидеть без конца?

Зойка встала, вежливо сказала учительнице:

— До свиданья!

И пошла к двери.

— Ты куда? — с удивлением спросила учительница.

— Домой пойду, — сказала Зойка. — Мне надоело.

В классе стало тихо-тихо. Все ребята вылупили на Зойку глаза. Наверно, удивились, что она пошла без ранца.

— Мой ранец пусть Глеб принесёт, — сказала Зойка. — А дорогу я найду сама очень даже хорошо. Нам и улицу переходить не надо. Правда, Глеб?

Зойка посмотрела на Глеба. Он сидел красный, как мак. На лице у него был ужас.

— Сядь на место, Зоя Платонова, — сказала учительница. — И запомни: уходить из школы, пока не кончатся уроки, нельзя. Садись!

Зойка села на своё место. Андрюша Колотушкин смотрел на неё так, будто всё лицо у неё было раскрашено зелёной и голубой краской или нос стал длинный, как у Буратино.

Учительница спросила:

— Что будет, если каждый ученик вздумает уйти из класса, когда ему захочется?

Ребята засмеялись.

— Видишь, Зоя, — сказала учительница, — всем даже смешно стало. Потому что дети ничему бы не научились, если бы стали уходить посреди урока. Никогда так не делай.

Тут раздался звонок.

К Зое, весь красный, подскочил Глеб.

— Как ты могла такое сделать? Ведь это школа, класс!

— Ну и что? — сказала Зойка. — А если мне правда надоело слушать без конца «ма» да «у»? Тебе-то, что ли, весело?

— Не всё же «ма» да «у» мы будем учить. Мне интересно, что дальше будет. Особенно по арифметике.

Дома Глеб и словом не обмолвился об этом происшествии. Зойка сама выпалила, доедая компот:

— Так хотелось домой уйти, просто ужас, как хотелось. Да не тут-то было! Я уже близко от двери была и до свиданья уже сказала. А учительница говорит: «Садись на место».

— Как? — ужаснулась баба Вера. — На уроке ты сказала до свиданья и отправилась к двери? Да как тебя в угол не поставили за такое самоуправство? Неслыханно!

— Ну что я сделала? Что? — оправдывалась Зойка. — Убить, что ли, кого хотела?

— С ума сойти, что ты говоришь! — воскликнула баба Вера.

Баба Люба немножко фыркнула, сделала строгое лицо и сказала:

— Ох, уж эта Зойка! Вечно с ней что-нибудь...

Разве с бабушками столкуешься? Зойка взяла кусок хлеба, вышла во двор, приманила голубей и стала учить их говорить «ма-а-ма-а». Но голуби оказались тупицами. Все крошки съели, а два простых звука-буквы не выучили.

БАНТИКИ

Писали уже не просто палочки, а «элементы». Элемент — это палочка с изгибом, с такой закорючкой. Чтобы было красивее, Зойка ко всем закорючкам пририсовала бантики. На

парте она в этот день сидела одна: Андрюша Колотушкин заболел гриппом.

Зойка хотела раскрасить бантики и уже достала из ранца коробку с цветными карандашами. Но в эту минуту к ней подошла учительница.

Теперь Зойка твёрдо знала, что зовут её Надежда Васильевна.

— Это что за художество? — сказала Надежда Васильевна. Она взяла Зойкину тетрадку, подняла её высоко и показала всему классу: — Смотрите, дети, какие элементы у Зои Платоновой! Из линеек они вылезли, зато каждый элемент принарядился — нацепил бантик.

Класс так и грохнул. От смеха ребят стёкла зазвенели. Зойка расплакалась от обиды.

— Ты не плачь, — сказала Надежда Васильевна. — А пиши всё снова. Пойми, Зоя, мы учимся. Ведь очень скоро мы начнём писать буквы. А ты тратишь время на бантики, а простые элементы писать не умеешь.

Было это на последнем уроке. После звонка Надежда Васильевна отвела первый класс в раздевалку. Погода стояла тёплая, почти все пришли без пальто. Глеб и Зойка уже сами приходили в школу и сами возвращались домой — ждать никого им было не надо. Поэтому Глеб сразу повёл надутую, зарёванную Зойку вон из школы. Но хоть и быстро он выводил её из раздевалки, крепко держа за руку, двое мальчишек, Сергеев и Желехов, успели к ней подскочить и крикнуть с двух сторон в уши:

— Бантики! Бантики!

Всё расстояние от школы до их двора Зойка прошла молча, опустив голову и надув губы. Вернее, не прошла, а протаскилась вслед за Глебом. По лестнице на второй этаж Глеб её почти волок, а она упиралась.

На звонок открыла баба Люба.

— Пришли наши первоклашки, — сказала она весело и ласково, как всегда. — Ну, как ваши де... — И осеклась, поспешила за ними.

Молча Глеб тянул по коридору упиравшуюся Зойку, втащил её в комнату, там отпустил, наконец, её потную руку,

плюхнулся на диван, не снимая ранца, отвалился на спинку и вздохнул:

— Уф-ф!

А Зойка осталась стоять, вся набычившись. Лицо у неё было сердитое, упрямое и грязное. Развязавшийся бант повис до самого подбородка, но она его не поправляла.

— Что случилось? — испуганно воскликнула баба Вера и скорей поставила на буфет тарелки, которые держала в руках: она накрывала на стол.

— Что? Что такое? — вторила ей баба Люба.

— Обиделась, — кратко объяснил Глеб.

Зойка с размаху села на пол и оглушительно заревела. Бабушки совсем переполошились:

— Да что это? Господи! Что за напасть такая?

Но вот обе замолчали, прислушиваясь.

Сквозь рыдания у Зойки стали вырываться слова:

— Не пойду я больше в школу-у! Не пойду-у! Я думала, школа хороша-ая! А там... смеются! Дураки! Нельзя-а-а... бантик нарисовать, подумаешь! Не хочу! Не пойду! Про-отивная школа! А-а-а!

Баба Вера решительно приступила к Глебу:

— Расскажи всё толком!

Глеб рассказал.

Ревела Зойка целый час, не стала обедать вместе со всеми. Потом, когда немножко утихла, баба Люба её умыла и накормила отдельно. А баба Вера пошла к соседям названивать по телефону папе, маме и дедушке.

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

Вечером папа, мама, баба Вера и баба Люба уселись вокруг обеденного стола. Зойке и Глебу велели сесть на диван рядом с дедушкой.

Папа строго посмотрел на Зойку:

— Так ты, значит, не хочешь ходить в школу?

Плотно сомкнув губы, Зойка замотала отрицательно головой.

— Но ведь ты так хотела! — огорчённо сказала мама.
— Хотела, а теперь — ни за что! — буркнула Зойка.
— Дедушка хлопотал, — вздохнула баба Вера. — Как это неудобно!

Откинувшись на диване, дедушка обиженно засопел.

— Скоро мы получим квартиру, — сказал папа. — Тогда Глеб будет ходить в школу в том районе. Но Зойку не удастся отдать в детсад. Никто её не возьмёт: ей через несколько месяцев семь лет будет.

Папа с мамой снимали комнату в ожидании квартиры, а дети жили у бабушек.

— Послушай, Витя, — сказала папе баба Люба. — Если даже вы получите жилье, то зачем вам сразу забирать детей? Оба вы целые дни заняты. Вам же трудно будет.

Папа Витя работал инженером и писал диссертацию, а мама Машенька кончала медицинский институт.

— Сколько времени вы уже отдуваетесь за нас, — виновато сказал папа.

Зойка внимательно посмотрела на бабу Веру и бабу Любу и сказала:

— Они не отдуваются. Они просто дышат.

— Молчи, когда говорят старшие! — накинулся папа на Зойку. — Сокровище растёт!

Мама встала, подошла к дивану, раздвинула Зойку и Глеба, села между ними и обняла за плечи обоих сразу: Глеба одной рукой, Зойку — другой. И сказала жалобно:

— Только и мечтаю о том, чтобы жить вместе со своими обезьянками!

Зойка стала целовать маму и утешать её:

— Что же делать, мамочка, если всё не помещается! Подумай сама! — Она широко обвела рукой вокруг себя: — Телевизор, бабы наши, ты с папой, папины чертёжные доски, которые и тронуть нельзя, кошка, твои медицинские учебники, горшки с цветами, шкаф, Глеб, его большая деревянная лошадь, буфет с посудой, все наши игрушки...

— Всё равно всё не перечислишь, — усмехнулся дедушка.

— Ой! — воскликнула Зойка. — Главное-то я и забыла перечислить. А я-то сама!

— Ах, ты, значит, главная? — от возмущения папа даже со стула вскочил и зашагал взад-вперёд по небольшому пустому месту возле стола. — Да ты самая последняя спица в колеснице, вот ты кто! Фитулька!

— Ну, зачем ты унижаешь ребёнка? — сказала мама. — Она, не подумав, сболтнула.

— Ничего я не унижаю. Больно много о себе воображает. Посмеялись над ней в школе, подумаешь! Да надо мной в детстве сколько раз смеялись. А я сам громче всех хохотал.

— Что-то не верится, — сказала мама. — Это она в тебя такая обидчивая.

— Ещё бы! Как раз! — насмешливо отозвался папа.

Дедушка похлопал рукой по дивану:

— Дети, перестаньте! Маленькие слушают.

«Какие маленькие?» — подумала Зойка, вдруг сообразила, что дедушка назвал «детьми» папу с мамой, и очень удивилась.

Глеб, который сидел, прислонившись к маминому плечу, звонко сказал:

— Она и правда маленькая. И пусть не ходит в школу, если не хочет. На будущий год пойдёт.

Все посмотрели на Глеба. На минуту в комнате стало тихо. Потом папа сказал:

— Ты так думаешь?

— Да, я так думаю — твёрдо сказал Глеб.

Слезинки повисли на Зойкиных ресницах.

— А на будущий год... — Она всхлипнула. — На будущий год... ты второклассником будешь...

— Второгодником Глеб, конечно, не станет, — заметил дедушка.

— Мы вот как сделаем, — предложила баба Вера. — Завтра Зоя в школу пусть не идёт. А Глеб скажет учительнице, что у неё болит голова. А потом решим.

— У меня не болит голова, — сердито сказала Зойка и чихнула.

— Нет уж! — заявил папа. — Не будет Глеб врать, ни за что не позволю! Пусть он скажет учительнице правду. Что заболела Зойка капризами.

— Да как он такое скажет? — заговорили разом мама и обе бабушки. — Ему же неудобно такое говорить. Выдумает то же, Витя!

Сердито глядя на папу, Зойка чихнула три раза подряд. Баба Люба поднялась со стула:

— Спать, спать, спать! Никогда дети так поздно не ложатся. Завтра утром всё сообразим.

Спала Зойка беспокойно, ворочалась и хныкала во сне. В шесть часов утра баба Люба поставила ей градусник. Оказалось, тридцать семь и четыре. Не пришлось Глебу врать: у Зойки начался небольшой грипп. Наверно, заразилась от своего соседа по парте Колотушкина.

С КАКОЙ БУКВЫ НАЧИНАЕТСЯ ЯЩЕРИЦА?

Четвёртый день Зойка сидела дома. Температура у неё была нормальная, насморк прошёл. Но врач сказал, что несколько деньков нельзя выходить на улицу.

Тихо было в комнате. Баба Люба уходила в магазин и по всяким делам. Баба Вера в кухне готовила обед. Зойка одна возилась в своём уголке. Она усаживала куклу Ларису на кукольный диванчик и строгим шёпотом спрашивала её:

— Так ты не хочешь ходить в школу?

— Не хочу! — сердито отвечала Лариса.

— Но ты же так хотела!

— Я думала, что школа хорошая, — отвечала Лариса. — Что там весело. А школа плохая, противная.

— Подумаешь, посмеялись над тобой, — говорила Зойка Ларисе. — Да надо мной в детстве сколько раз смеялись, а мне и ничего. Воображуя ты и фитулька, вот ты кто!

— А я всё-таки не хочу, — отвечала Лариса, но голос у неё был какой-то неуверенный.

В половине первого приходил из школы Глеб. Они обедали. Глеб подробно описывал, как они ходили гулять в сквер и учительница очень интересно рассказывала им про осень.

— Ну и пусть! — бормотала Зойка.

А на уроке арифметики рисовали цветные квадратики. Зойка пожимала плечами.

— Ну и пусть!

Когда Глеб садился за уроки, Зойка тоже вынимала тетради из своего ранца и усаживалась за стол рядом с ним. Глеб показывал ей, что задано, и она тоже делала уроки. Потом она списывала и срисовывала в свои тетрадки всё, что Глеб делал в школе.

Немножко странные получались тетрадки, какие-то наоборотные: сперва в них домашнее задание, а потом классная работа. Но зато ничего не пропущено. Зойка тщательно следила, чтобы всё у неё было так, будто и она тоже побывала в школе.

На четвёртый день утром Зойка вышла в коридор. Скучно как! В кухню к бабе Вере, что ли, пойти? Не любит она, когда Зойка вертится под ногами. Но лучше пусть немножко побранят, чем одной сидеть.

Внезапно одна из дверей распахнулась, пулей вылетел пятилетний Павлик и с размаху ткнулся головой Зойке в живот.

— Авария! — вскрикнул он. — Падай! Ты теперь задавленная. Я же паровоз!

— А почему ты не в детсаду? — спросила Зойка.

— Я болен карантином! — важно объявил Павлик. — У нас Митюшка заболел. У него, кажется, ветрянка.

— Только год ему — и уже ветрянка, — посочувствовала Зойка. — У нас с Глебом давно была, но всё-таки не в год.

Потом подумала: «Павлик болен карантином, а я капризами». И сказала:

— Иди ко мне играть!

— А мне новые кубики подарили, — похвастался Павлик. — Ба-альшая такая коробка.

— Тащи в нашу комнату свои кубики! — велела Зойка.

Коробка и правда была большущая, но принёс её Павлик без труда: кубики оказались из картона, очень лёгкие.

— Да это буквенные! — обрадовалась Зойка. — Сейчас научу тебя читать.

На каждой грани кубика была написана буква и тут же нарисована картинка.

— Звуки обозначаются буквами, — объясняла Зойка. — Ты видишь, тут нарисован арбуз? Скажи: а-ар-буз!

— А-арбуз! — повторил Павлик.

— А-ар-буз начинается со звука «а» — и тут напечатана буква «А». С какого звука начинается слово, такая и буква напечатана, понял? Ну, какая это буква?

— «А», — сказал Павлик. — Я давно эту «А» знаю, безо всяких звуков.

— Но ты так и каждую букву сможешь понять. Ведь нарисовано. Вот, например, «с-с», потому что нарисована собака. Вот барабан нарисован. Какая это буква? Б-б-барабан.

— «Б», — сказала Павлик.

— Молодец! А это какая буква? — Зойка показала на ящерицу.

— «И», — сказал Павлик.

— Почему «И»? Почему «И»?! — закричала Зойка.

— Конечно, «И», — упорствовал Павлик.

— Глупый какой! — возмутилась Зойка. — Ещё спорит! Ты что, не видишь, что здесь нарисовано?

— Идовитая животная нарисована, — решительно ответил Павлик. — Значит, «И»!

Зойка опешила, помолчала, потом проговорила недовольно:

— А может, эта ящерица вовсе и не ядовитая, а простая?

— Давай лучше в войну играть, — сказал Павлик. — Или нет, давай в транспорт. Ты будешь автобус, а я такси грузовое.

— Не хочу я быть автобусом. Учи буквы! И сиди смирно, не скачи всё время. Ты же на уроке!

Павлик потянулся и сказал:

— Мне надоело.

— Ах, вот ты какой... — вдруг Зойка покраснела, секундочку подумала и выговорила торопливо и строго: — Если всем так сразу надоест и все уйдут, то что же это будет? Дети ничему не научатся.

Она решила насильно заставить Павлика учить буквы и даже прикинула мысленно, в какой угол его поставить, если не будет слушаться, но тут мама Павлика позвала его кушать.

Под вечер к ним зашёл детский врач.

— Митеньку мы помещаем в больницу, — сказала она бабушкам. — Павлик посидит на карантине. А тебе, Зоянька, можно уже выходить, ты здорова. Ветрянка у вас обоих была, так что карантина на вас нет.

Как только врач ушёл, Зойка спросила:

— Баба Люба, воротничок от формы у меня чистый?

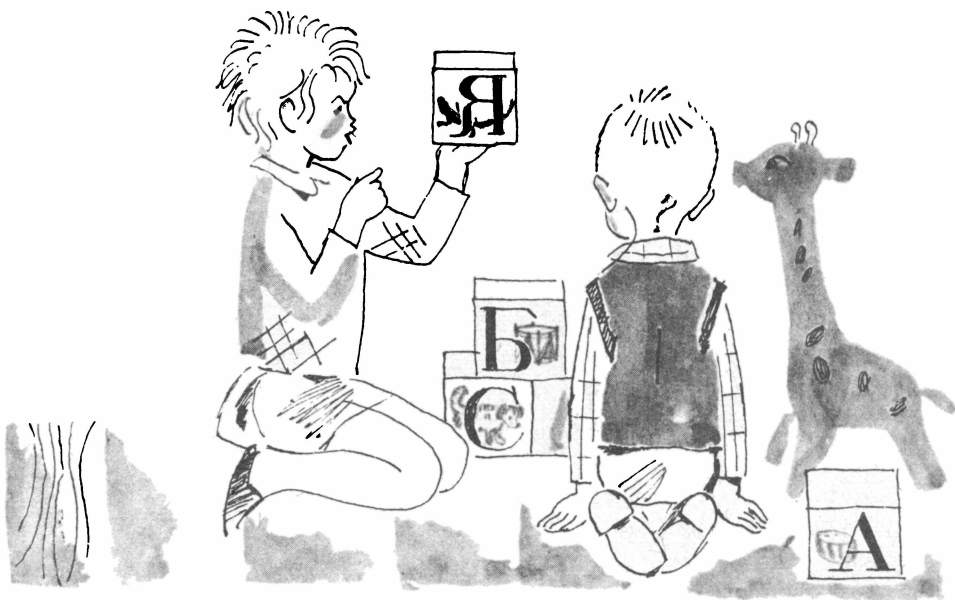
— А что? — сказала баба Люба.

— Так ведь я же завтра в школу пойду.

Таким спокойным, даже равнодушным тоном Зойка это сказала, что бабушки переглянулись удивлённо.

Баба Вера покачала головой:

— Ох, уж эта Зойка!

ОТЛИЧНИЦА

В школу Зойка явилась с таким независимым видом, что, посмотрев на неё, Надежда Васильевна слегка приподняла брови. Зойка бросала косые взгляды на ребят, особенно на мальчишек, и на лице её было ясно написано: «Попробуйте меня тронуть — не обрадуетесь!»

Но никто и не думал над ней смеяться. Все давно забыли про бантики.

На уроках Зойка сидела теперь чинная, подтянутая. Андрюша Колотушкин спросил её о чём-то на арифметике. Не поворачивая головы, Зойка шепнула, еле пошевелив губами:

— На уроке не разговариваю.

Андрюша заморгал и вздохнул. Зойка на него и не взглянула.

Писала Зойка аккуратно-аккуратно, выводила каждую букву.

Через два дня Надежда Васильевна её похвалила:

— Вот как ты хорошо научилась писать. Молодец!

За классную работу Зойка получила пятёрку. А у Глеба за эту же работу стояла четвёрка.

— Я тебя научу хорошенько закруглять буквы, — снисходительно пообещала Зойка. — Они у тебя слишком острые.

Обе бабушки только диву давались, какая Зойка стала отличница. Мама с папой тоже радовались её пятёркам.

Не только учебники, но и все тетрадки Зойкины были завёрнуты в бумагу, на каждой тетрадке наклеена в левом углу красивая картинка. А внутри тетрадок не было ни одной помарочки, ни одной кляксочки. Промокашки вложены аккуратно, в учебники всунуты разрисованные закладки. Смотреть любо-дорого.

Всё-всё Зойка делала, как «велели». Если Глеб между примерами по арифметике пропустит одну строчку, а не две, Зойка его десять минут ругает. Вот до чего дошло!

Дядя Юра, когда приходил, от изумления стучал себя кулаком по коленям:

— Неужто Зайка у нас педанткой стала? Никогда бы не подумал!

В октябратской звёздочке Зойка была санитаркой.

— Уж теперь с грязными руками не походишь, — посмеивалась баба Вера. — Тому, кто у других руки проверяет, ходить грязнулей было бы совсем стыдно.

Какая там грязнуля — Зойка каждый палец отмывала.

Подружилась она с Ирой Козловой. Ира тоже была отличницей. Всегда чистенькая, аккуратная, она говорила тоненьким, вежливым голоском:

— Эти мальчишки так себя ведут! Смотреть невыносимо. Я с мальчишками ни за что не играю.

— И я с мальчишками теперь не буду играть, — заявила Зойка, с завистью посматривая на ровный, как ниточка, пробор на Ириной голове. Вот уж этого Зойке не достигнуть. У Иры гладкие, волос к волоску, косички. А у Зойки целая копёшка светлых кудрей. На самой макушке бант. Ниточный пробор на такой голове не приладишь, как ни старайся. Зато Зойка отводила душу, вслед за Ирой ругая и презирая мальчишек:

— Такие они — фу! Им бы всё драться и возиться. Вчера иду по коридору, а Тимошкин и Сковорода у меня под ногами валяются. Как глупые какие-то!

— Ужасно! — соглашалась Ира. — Правда, есть у нас в классе один мальчик очень хороший.

— Кто же это? — недоверчиво спрашивала Зойка.

— Твой брат, — почему-то со вздохом отвечала Ира. — Он очень славный.

— Чем же Глебка славный? — удивлялась Зойка. —

Вообще-то он, конечно, ничего. Но чтобы славный — не замечала.

— Привыкла, потому и не замечаешь. А как он о тебе заботится, например. Прошлый раз ранец твой из школы нёс, я видела.

— Сунула ему в руки, вот и нёс. Не выбросить же ранец? У ранца ляпка оторвалась, на спине не держался. Как я его потащу с оборванной ляпкой?

Странно было Зойке, что Ира, такая аккуратница, хвалит Глеба. Ведь он частенько делает что-нибудь не так: то в тетрадке намажет, то забудет в ранец бумагу положить цветную, когда завтра урок труда, и Зойка должна ему напоминать.

Напоминать-то Зойка напоминала, но при этом «пилила» Глеба.

— Ты что это его пилишь? — спросила. как-то баба Люба.

— Надо, вот и пилю, — непреклонно ответила Зойка.

Сказать по правде, Зойкины замечания так и сыпались на голову Глеба. Глеб Зойкины приказы исполнял, но, случалось, поглядывал на неё с недоумением.

Постепенно все в доме привыкли, что Зойка — круглая отличница, и перестали этому удивляться. Зойке приходило на ум, что не мешало бы иной раз и удивиться её пятёркам и чистеньким-пречистеньким тетрадкам. Но даже дядя Юра безо всякого удивления спрашивал:

— Ну, как поживаешь, педантка?

Вечно он придумывал какие-то глупые и непонятные слова и при этом хохотал.

Так длилось долго... трудно сказать, сколько времени. Во всяком случае, давно наступила поздняя осень, а потом зима. Несколько раз выпадал и таял снег. И опять белели крыши и тротуары. Прошли ноябрьские праздники, промелькнули коротенькие осенние каникулы. Почти все ребята в классе уже научились читать. Только Вова Сковорода и ещё четыре мальчика и три девочки еле-еле читали по складам. От собственной лени.

Так оно всё и шло. А потом...

Где-то Зойка слышала, что понедельник считается тяжёлым, то есть, значит, трудным днём. Глупости какие! Гораздо хуже оказалась среда. Именно в среду, на уроке чтения, Зойка повернулась к Андрюше Колотушкину и спросила шёпотом:

— Тебе не хочется залезть под парту? И проползти под всеми партами? Будто ты лесной уж.

Андрюша польщённо улыбнулся: ещё бы, примерная Зойка заговорила с ним на уроке. Подумал и ответил:

— Застрянешь где-нибудь. Ног очень много, не протиснуться будет.

— Если постараться, то можно пролезть, — возразила Зойка и мысленно полезла под партами, ловко лавируя между ногами ребят.

От этого занятия ей стало легко и приятно. Точно она была связана невидимыми верёвками, а теперь её распутали. Она улыбнулась во весь рот. А на улице-то солнышко! После школы сразу побежим гулять.

В очень хорошем настроении, не подозревая, какие беды её подстерегают, Зойка прогуливалась по коридору. Ира Козлова позвала её, но Зойка, сама не зная почему, не подошла к Ире. Только подмигнула ей и пошла в другую сторону.

Она ходила, чуть-чуть припрыгивая, и думала ни о чём. Ей просто было весело. Может быть, какая-нибудь определённая и даже особенная мысль и пришла бы Зойке на ум, но вдруг кто-то потянул её за рукав. Зойка глянула, а это Вова Скворода собственной персоной со всеми своими кляксами на пальцах и на носу, со взъерошенными отросшими волосами, по которым уже недели две тоскуют парикмахерские.

— Посмотри, что у меня есть! — без всякого смущения сказал патлатый Скворода, хотя прежде, может, раз или два всего подлезал к Зойке с разговорами и притом безуспешно. Но такая уж это выдалась странная среда.

Слегка удивлённая приятельским тоном Сквороды, Зойка весело спросила:

— Что же у тебя есть?

— Мировая штука!

— Это какая — мировая?

— А вот такая! — Вовка разжал кулак. На ладони у него лежал маленький хорошенький значок. Зойка такого никогда не видела. На значке — вытянутая фигурка с луком и стрелами в руке.

— Это какой значок? — спросила Зойка. — Физкультурный?

Сковорода презрительно присвистнул, тихонько, конечно, чтобы не услышали учителя или дежурные пионеры из седьмого класса.

— Что там — физкультурный! Иностранный значок. Не простой. Ты бы хотела полу-

чать одни пятёрки? Даже и не уча уроки?

— А у меня и так... — начала Зойка. — Не уча уроки, ты говоришь? Так не бывает.

А про себя подумала: «Всё учи да учи уроки — надоело ведь!»

— Ещё как бывает-то! Не выучишь — тебя просто не вызовут. Это волшебный значок. Талисман называется.

— А письменные уроки как же? — спросила Зойка. — Тетрадки ведь забирают на проверку.

— Письменные, если и кое-как сделаешь, всё равно пятёрку поставят.

— Значит, ты теперь будешь круглым отличником, — сказала Зойка. — Уроки ты часто не учишь, а уж двоек у тебя теперь не будет.

— Видишь ли... — Сковорода почесал затылок. — Мне на двойки наплевать. Я, может, скоро перееду в другой город. Купи у меня значок! У тебя деньги есть?

Ой, как захотелось Зойке иметь значок!

— Двадцать копеек на завтрак у меня есть. — Зойка грустно вздохнула. — А талисман твой, наверно, дорого стоит?

— Конечно, он стоит тысячи. Ведь он не простой какой-нибудь. Но тебе я, уж так и быть, отдам его за двадцать копеек.

Как раз прозвенел звонок. Зойка побежала в класс, скорей достала из пенала двадцать копеек и скорей-скорей отдала их Сквороде. Она очень торопилась: боялась, как бы Вовка не передумал.

— Только никому не говори и не показывай, — отдавая значок, предупредил Скворода. — Нельзя о талисмани болтать. И показывать его нельзя. Покажешь — силу потеряет.

— Никому не покажу, — сказала Зойка и осторожно опустила необыкновенный значок в карман своего передника.

Талисман подействовал сразу. Надежда Васильевна раздала ребятам домашние тетради, взятые на проверку, и у Зойки красовалась пятёрка. На арифметике её вызвали к доске. И опять она получила пятёрку.

Надежда Васильевна сказала довольным тоном:

— Зоя Платонова радуется своим успехам.

«То ли ещё будет! — подумала Зойка, садясь на место. Теперь у меня иногда бывают четвёрочки, а вот как перестану учить уроки, и четвёрок не будет — одни пятёрки!»

На большой перемене всегда завтракают. В столовой Зойка, как обычно, встала в очередь возле Глеба. В школе только за завтраком они теперь бывали вместе. Сидели они на разных партах, а на переменах Зойка ходила с Ирой Козловой, а Глеб с какими-то мальчиками.

Приблизились к прилавку. И вдруг Зойка сообразила... Батюшки! А чем же она заплатит за молоко и за булочку? И за пирожок?

— Глеб, — жалобно сказала Зойка, — а у меня денег нет... А есть так хочется...

Как ей не хотеть есть, если она на уроке чтения под всеми партами пролезла?

— Разве тебе забыли дать? — удивился Глеб. — Нам ведь вместе давала баба Люба на завтрак.

— Да, но ведь я... — Зойка смутилась: говорить про значок нельзя — силу потеряет. — Ведь я... потеряла свои двадцать копеек.

— Растяпушка, — сказал Глеб. — Ну, ничего, мы пополам съедим завтрак.

Он получил стакан молока, булочку и пирожок и всё это отнёс на столик. Они сели.

— Ты сначала ешь, — сказал Глеб. — А потом я.

Мягкая вкусная булочка. Зойка её живо умяла, запивая молоком.

— Теперь ты молоком запивай, Глебушка. А то ты только пирожок жуёшь. С чем он у тебя?

— С повидлом. Откуси.

— Правда, с повидлом, — кивнув головой, еле выговорила Зойка с набитым ртом.

— Допивай молоко-то, — сказал Глеб. — А то ещё подавишься, растеряха.

На уроке Зойка то и дело совала руку в карман передника и щупала значок. Но хоть и левой рукой щупала, правой-то надо было писать — тетрадка как-то скривливалась. Хорошо, что из-за талисмана у неё всё равно будут одни пятёрки. А то буквы тоже заметно скособоились.

Домой Глеб мчался бегом. Зойка еле за ним поспевала.

— Куда ты так торопишься? Гонятся за тобой, что ли?

— Есть очень хочу, — признался Глеб.

Тогда Зойке вспомнилось: Глеб откусывает пирожок. Всего один раз...

— Ой, я, кажется, весь твой завтрак съела?

— Не умру, — бодро ответил Глеб на бегу. — Ты же не нарочно потеряла деньги.

Под зимним пальто значок в кармане передника было не нащупать. Зойка только погладила сверху то место пальто, под которым был карман.

После обеда дети сразу сели за уроки. Всё равно гулять нельзя: холодина на улице.

Зойка небрежно писала цифры. Глеб заглянул в её тетрадку.

— Как ты намазала! Ай! — Он даже головой покрутил. — Что это с тобой? Давай, Зай, переписывай!

— И не подумаю, — равнодушно сказала Зойка. — Мне грязь в тетрадке нипочём. Всё равно пятёрка будет.

— За мазню-то? — Глеб вытаращил глаза. — Ты что?

— Обязательно будет пятёрка, — сказала Зойка. — Потому что... — Она тяжело вздохнула, поёрзала на стуле.

Нет, это просто невыносимо! Неужели одному-единственному человеку и то нельзя сказать? Родному-то брату? Наверно, если родному брату, то всё-таки ничего...

— Глебочка, — тоненьким-тоненьким от волнения голосом быстро проговорила Зойка. — Я тебе сейчас что-то покажу...

Она побежала к шкафу, куда уже повесила баба Люба их школьную форму — они всегда переодевались, придя из школы, — нащарила в кармане передника значок. Вернулась к столу.

— Только помни, Глебка, это тайна! — Зойка раскрыла сжатый кулак.

И вот значок уже в руках у Глеба.

— Какой странный! — воскликнул Глеб. — Где ты такой взяла?

— Нашла! — брякнула Зойка и густо покраснела. Ей стало стыдно и неприятно. — То есть я не нашла, а... мне его дали... в общем, он мой! И ты знаешь...

— Вы что рассматриваете, ребята? — раздался весёлый голос.

Обернулась Зойка, а за их спиной дядя Юра. В короткой зимней куртке, а волосы мокрые: это он под снегом разгуливает без шапки. Как же его бабе Мане «пижоном» не ругать? В руках у дяди Юры большая сетка с апельсинами.

— Дядя Юра, какой это значок? — живо спросил Глеб. — Может, спортивный?

— Это мой! — закричала Зойка. — Не смей показывать!

Но было уже поздно. Бросив сетку с апельсинами на стол, дядя Юра вертел в руках значок.

— Очень симпатичный. Это иностранный, охотничий. Ви-

дите, тут Диана с луком? Редкий значок. Я таких ещё не видал. Откуда он у вас?

— Это Зойкин,— сказал Глеб.— Кто-то ей дал.

Зойка тянулась к значку обеими руками, но дядя Юра высокий — разве дотянешься?

— Я думаю, это чешский,— рассматривая значок, рассуждал дядя Юра.— Кто ж тебе, Зайка, его подарил?

— И ничего не подарил! Отдавай сейчас же! Его нельзя смотреть! Я его купила. Он тысячи стоит, а я... за двадцать копеек.

— Как?! — Глеб посмотрел на Зойку с подозрением.— Где же ты взяла двадцать копеек? Ты же их потеряла!

Щёки у Зойки стали как два спелых помидора.

— Я тебе соврала... Потому что этот значок — талисман. И этого говорить никому нельзя. Вот! Отдавай, дядька Юрка, я его сейчас же спрячу!

— Бери, бери! — Слукавым огоньком в глазах дядя Юра протянул Зойке значок. — А в чём он та-

лисман? От каких злых сил защищает? Ты знаешь, что такое талисман?

— Знаю. И не твоё дело! — отрезала Зойка. — И нечего смеяться. Всегда ты смеёшься, когда не надо.

— А я не знаю, — сказал Глеб. — Кажется, в сказках читал... Что это талисман, а, дядя Юра?

— Талисман — это предмет, который приносит счастье, какую-нибудь удачу.

— Вот, вот, — сказала Зойка, зажимая в кулаке значок.

В это время вошли обе бабушки: баба Вера из кухни, баба Люба — с чердака, с охапкой высушенного белья.

— Юрик, давай я тебя обедом накормлю, — сказала баба Вера. — Сегодня компот вкусный.

— Спасибо, я кормленный, — ответил дядя Юра. — Компот, безусловно, вещь! Но я очень тороплюсь. Меня пригнали забросить мимоходом апельсины. Это вам, детки, баба Маня с дедой прислали. Желаю всем удачи! Зайка, помни: люди гибнут за металл!

Дядя Юра захохотал и убежал. Такой уж он бегучий: всегда торопится.

Детям дали по апельсину. Глеб очистил сперва Зойке, потом себе. Они съели апельсины. А потом поссорились.

— Как ты могла мне соврать? — шёпотом упрекал Глеб.

Зойка сидела на корточках в кукольном уголке и рывками переставляла там мебель, кое-как рассаживала кукол. Глеб стоял над ней, широко расставив ноги, всем своим видом укоряя сестру.

— А ты как смел показать дяде Юре значок? Я же только тебе! И то неизвестно, можно ли...

— Но как ты могла наврать?

— А как ты мог показать значок? Его нельзя показывать. Он ведь талисман!

— Да почему он талисман? Никогда не смей врать, слышишь, Зойка?

— А потому что талисман! Я ведь только тебе, а ты...

— Дети! — окликнула баба Люба. — Вы что перекоряетесь? Из-за чего?

Зойка замерла. Сейчас Глеб расскажет про двадцать

копеек — и пойдут расспросы... Ничего она не будет объяснять! Ничего! Хоть пусть её зарежут. Она просто заревёт из всех сил, чтобы отстали. Зойка усиленно заморгала и горлом издала лёгкое «Хы-хы!», приготовилась к рёву.

Но реветь не понадобилось.

— Мы просто так, — сказал Глеб. — Немножко поспорили. Неважно...

Он взял из шкафа книжку и уткнулся в неё. Лицо у него было расстроенное. На Зойку он не смотрел.

ВСЁ ИДЁТ КУВЫРКОМ

Вот какой Глеб противный! До самой ночи с Зойкой не разговаривал, рассердился на неё за враньё. Ну, и сердись на здоровье! Сам-то ты как поступил? Нельзя никому показывать значок, а ты его дяде Юре прямо в руки дал! И пусть бы сердился, Зойка и сама на него сердится. Но как он смел не напомнить ей, что им задано стихотворение?

Тем ребятам, которые совсем хорошо умеют читать, Надежда Васильевна часто задаёт дополнительно к урокам выучить наизусть какое-нибудь стихотворение. Она говорит, что учить стихи очень полезно; это тренирует память и улучшает речь. И всегда Зойке нравится учить стихи. Заучиваются они легко и быстро, а говорить их вслух приятно. Вызовут тебя, а ты громко так, на весь класс, отчётливо, с выражением...

Но на этот раз Зойка и думать забыла про стихотворение. Где там, если столько всего случилось!

Вспомнила о стихах она только в классе, когда Андрюша Колотушкин спросил её:

— Ты стишок выучила?

Стишок? Вот так штука! Впрочем, особенно Зойка не беспокоилась. Ведь у неё есть талисман. Раз не выучила, Надежда Васильевна её не спросит.

И надо же такому случиться! Как раз её-то Надежда Васильевна и вызвала. Самую первую.

— Сейчас Зоя Платонова прочтёт нам наизусть стихотворение.

Зойка молча стояла, опустив голову.

— Ну, что же ты, Зоя? Начинай!

— Нет, — сказала Зойка.

— Что значит — нет? — в голосе учительницы послышалось недоумение.

— Вы сегодня не должны были меня вызывать...

— Это почему же?

Зойка ещё ниже опустила голову.

— Потому что.

— Что за ответ! Ты ведь не дошкольница. Это дошкольники, когда не знают, что сказать, отвечают: «Потому что». А всё-таки почему я не должна была тебя вызывать? — Надежда Васильевна подождала. — Не хочешь говорить?

— Потому что я не выучила стихотворение.

— Почему не выучила?

— Забыла.

— Очень плохо. Если бы ты сказала мне об этом перед уроком, то я бы спросила тебя завтра. Разве ты не знаешь, что о невыученных уроках надо предупреждать?

— Знаю.

— Знаешь, а всё-таки не предупредила, не сказала мне перед уроком. И ещё говоришь почему-то, что я не должна была тебя вызывать... Придётся поставить тебе двойку. Садись. После уроков останешься и при мне выучишь стихотворение.

После звонка к Зойке подбежал Глеб.

— Я никак не думал, что ты забыла про стихи, — сказал он виновато.

— Отстань! Не напомнил мне! — Зойка повернулась к брату спиной.

К Зое подошла Ира Козлова и ревниво спросила:

— Ты о чём вчера шепталась с этим Сковородой? Думаешь, я не видела?

Ещё и эта пристаёт!

— Просто так... — Зойка поскорей отошла от Иры.

Завтракала она в этот день, можно сказать, одна. Стояла в очереди за молоком и булочками с другим первым классом, затесалась в их ряды.

Не раз она искала глазами Вову Сквороду. Но тот почему-то всё время оказывался за спиной у других ребят. Из-за чьей-нибудь спины тянулся, поглядывая на Зойку. А стоило ей взглянуть ему в лицо, как он начинал всматриваться в потолок или в пол.

Но Зойка была настойчивая. В конце большой перемены она настигла Вовку в коридоре и ухватила за локоть. Скворода пытался увернуться и удрать. Но Зойка, хоть и маленького роста, была плотная и сильная. А Скворода, хоть и длинный, был худ, как щепка. Вырваться ему не удалось.

— Почему талисман не действует? — в упор спросила Зойка.

Скворода отвёл глаза и хихикнул:

— А я почём знаю? — Вдруг хлопнул себя ладонью по лбу: — Постой! А ты никому его не показывала?

Зойка смутилась и отпустила локоть Сквороды.

— Н-немножко показывала... А потом сами посмотрели...

— Ну вот! Ну вот! — радостно закричал Скворода. — Я же тебе говорил, что нельзя показывать: силу потеряет. А теперь сама виновата!

И поскольку Зойка его уже не держала, Вовка Скворода скачками унёсся прочь. А Зойка уныло поплелась в класс.

Когда кончился последний урок, учительница повела всех ребят в раздевалку. Всех, кроме Зойки. Зойка осталась сидеть за своей партой.

Оглянулась по сторонам. Класс какой стал большой. И тихий, пустой. За окном валит сырой снег. Чёрная доска будто озябла: висит холодная-прехолодная. И ни капли ей Зойку не жаль. Никому её не жаль. Глебу-то хорошо: пошёл себе домой, сейчас пообедает вкусно и примется сказки читать...

Вернулась Надежда Васильевна.

— Ну, Зоя, учи стихотворение. Выучишь — и пойдёшь домой.

Зоя надула губы.

— Не буду учить.

— Что значит «не буду»? Все, кому задано, выучили, а ты почему-то не будешь?

— Не хочу сейчас. Потом выучу.

— Зоя, не упрямься! Учи стихотворение.

— Не буду. Совсем не буду. Ни сейчас, ни потом.

— Но почему? Нехорошо так, Зоенька!

Зойка исподлобья взглянула на учительницу.

— Вы меня не должны были сегодня вызывать. Потому что я забыла выучить.

— Должна или не должна вызывать — это моё дело. Но какие странные у тебя рассуждения! Почему ты считаешь, что я не должна была тебя сегодня спрашивать?

— Потому что не должны... — упрямо сказала Зойка.

— Ну вот, заладила повторять какую-то глупость. Учи сейчас же!

Надежда Васильевна достала из Зойкиного ранца «Родную речь», раскрыла её на той странице, где было стихотворение, и положила перед Зойкой:

— Учи! — Сама села за свой стол и занялась проверкой тетрадей.

Зойка посмотрела в окно. Крупными хлопьями всё падает и падает снег. Кажется, что уже наступил вечер. Если бы не было зажжено электричество, в классе были бы сумерки. Доска вроде не такая холодная, вроде немножко согрелась. Наверно, оттого, что недалеко от неё сидит Надежда Васильевна. Но всё равно доска такая же равнодушная. Злая, чопорная, как Золушкины сёстры, когда сами на бал уезжали, а Золушку дома бросали. Одну. Никогда прежде Зойка не думала, что классной доске, да и вообще всем на неё, Зойку, наплевать. Глеб уже, конечно, самую интересную сказку успел прочесть. А ведь сам во всём виноват. Если б Глеб не показал дяде Юре значок, может, ничего бы и не случилось. Но неужели так уж сразу и кончилась чудесная сила значка? Совсем мало, что ли, её было в талисмানে? Конечно, дядя

Юра долго его держал в руках... Одному-то родному брату немножко показать — это бы ничего. Противный Глебка! А на стихотворение она и смотреть не станет. Не будет его учить, да и всё! Ира пятёрку за эти стихи получила. Встала и сразу:

В поздний вечер буря
За окном шумела...

Как там дальше? Зойка скосила глаза на раскрытую книгу. А, да:

Мать, качая сына,
тихо песню пела.

Нечаянно она прочла следующие строчки:

— Ах, уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет
сладко в колыбели.

Там, значит, буря шумела, и ёлки качались, и снег, наверно, падал густой-прегустой. Темно от него сделалось вокруг. Темнее, чем сейчас за окном. А мать просит бурю, чтобы не будила её маленького сына:

— Ах, уймись ты, буря!
Не шумите, ели!

А то вдруг он проснётся. Ещё испугается спросонок... Надежда Васильевна кончала проверять тетради. Зоя Платонова смиренно сидела на своём месте. В классе было тихо. Приглушённо доносился лёгкий гул голосов: в четвёртых классах ещё шли уроки.

Внезапно Надежда Васильевна сильно вздрогнула: наказанная первоклассница заревела басом:

— У-у-у...

— Что такое? — Надежда Васильевна вскочила и подошла к Зойке. — Что случилось?

— Я-а-а, — плакала Зойка, — нечаянно-о выучила... стихот... тво... рение! А теперь... теперь мне его нарочно не забы-ыть!

Надежда Васильевна рассмеялась.

— Только и всего? Как ты меня напугала! Я думала, что тебя кто-нибудь укусил страшным образом.

— Кто же... мог меня... у-укуси-ить? — прорыдала Зойка.

— Ну, не знаю. Хорёк из живого уголка, может, убежал, в наш класс потихоньку забрался и в тебя вцепился. Подвинься-ка! — Надежда Васильевна села на парту рядом с Зойкой. — Тесновато мне тут... А ну, погляди на меня! —

Она приподняла за подбородок Зойкину голову. — Что с тобой, девочка? Я ведь вижу, что ты два дня сама не своя. Всё что-то оглядываешься, думаешь о чём-то... С тобой что-нибудь произошло?

Зойка всхлипнула:

— Всё равно не скажу!

— Упрямство в тебе сидит, ох, как основательно, — промолвила Надежда Васильевна. — Сидит и держит тебя, как

рыбку на крючке. Ну что ж, не говори. — Она вздохнула. — Не говори, не говори!

Совсем близко от себя Зойка видела лицо Надежды Васильевны.

Слёзы застилали Зойкины глаза, и лицо немного расплывалось. А всё равно было видно, какое оно доброе, немножко в морщинках.

Точно и не учительница примостилась рядом с Зойкой на парте, а баба Люба, например.

И будто с бабой Любой Зойка заговорила сердито и откровенно:

— Не скажу, потому что и так уже сила у талисмана ослабела. А если говорить о нём, и совсем исчезнет. Дотла. Потому что Глеб показал дяде Юре, а нельзя же было! Вот как плохо всё получилось!

— Да, досадно, — задумчиво согласилась Надежда Васильевна. — А хороший вообще талисман? Большой?

— Маленький. Это такой значок. Может быть, чешский. Охотничий, с богиней Дианой и с луком. Скворода мне его продал за двадцать копеек. Глебка даже без завтрака остался и очень рассердился, что я соврала. А теперь-то ему хорошо, дома сидит, читает себе...

— Если талисман маленький, то какая же в нём может быть большая сила?

— Ну как же! И не будешь уроки учить, а всё равно пятёрка. Потому что когда не выучишь, так тебя не спросят. А спросят, когда хорошо выучишь.

— Понимаю... — Надежда Васильевна улыбнулась мягко и необидно. — Дурочка ты моя! Вова Скворода просто подшутил над тобой. Он ведь известный выдумщик. Никакой волшебной силой предметы не обладают. Это только в сказках бывает.

Зойка недоверчиво покосилась на Надежду Васильевну.

— Не-ет, наверно, он всё-таки волшебный, этот значок.

— Уверяю тебя, Зоенька, что всё это выдумки. Уж поверь мне! Ну, складывай книжки, сейчас домой пойдём. Мне всё равно мимо твоего дома идти, я тебя провожу.

За дверью шумела перемена. Ещё один урок кончился.

Надежда Васильевна и Зойка спустились в раздевалку.
— Ой, посмотрите! — удивлённо воскликнула Зойка.

Возле одной из стен вестибюля прохаживался Глеб. В пальто и в шапке-ушанке, с толстым ранцем за спиной, он шагал в одну сторону, круто поворачивался и шагал в другую сторону. Выбрасывал вперёд руку в рукавике, и с губ его срывалось:

— Кх! Кх! Кх!

Ясное дело, стрелял в каких-то фашистов.

Зойка подбежала к нему:

— Ты что это здесь делаешь?

Глеб живо обернулся.

— Тебя жду. — Лицо у него стало несчастное. — Ну, как ты там? Плакала?

Зойка строптиво повела плечами.

К ним подошла Надежда Васильевна.

— Видишь, Зоенька, какой у тебя брат верный, — сказала она. — Цени это! Ну, бегите, ребятки, домой. Заждались вас, наверно. Я думала, Глеб давно дома, предупредил. И помни, Зоя, о чём я тебе говорила!

Беспокоиться бабушки ещё только начали. Они думали, что просто в первом классе дополнительный урок.

Про Зойкины беды Глеб, по обыкновению, ничего не сказал.

Обо всём он охотно рассказывал, только молчал, если Зойке случалось что-нибудь натворить. Чтобы Зойку не бранили.

Снимая форму, Зойка решила достать талисман и хорошенько его рассмотреть: изменился он или нет, раз сила в нём пропала?

Пошарила в глубине кармана... Что такое? Вывернула карман, а в нём пусто. Нет значка. Потерялся? Когда? Утром был, она проверяла. Может, он потерялся ещё до того урока, на котором Надежда Васильевна вызвала её читать стихи?

Вот и неизвестно теперь, отчего всё так получилось. Оттого ли, что талисман силу потерял, или оттого, что талисмана просто уже не было у Зойки? Пойди догадайся!

СКОЛЬКО ЖЕ КРУГОМ ГЕРОЕВ?

Без конца Глеб играл в войну. И с мальчишками во дворе, и дома, сам с собой. Крепкая, ловкая фигурка его так и мелькала перед Зойкиными глазами, когда Глеб скакал, вертелся и палил во все стороны из своего ружья. Только и раздавалось:

— Кх! Кх! В самого главного врага попал! Кх-кх! Тра-та-та! А это из пулемёта...

Глеб восхищался военными: какие они герои! Сильные, умные, смелые, всех врагов могут побороть!

Как-то вечером Зойка рассердилась на брата за то, что он не захотел прийти в гости к её куклам. Она уже приготовила всё для угощения. Настоящий кекс, который дала ей баба Вера, крошила и разложила по маленьким тарелочкам. «Морс» — воду, подкрашенную вареньем, — в кукольные чашечки налила. Принарядила своих дочек и усадила их за стол. Словом, всё-всё было готово, а Глеб ринулся в какое-то сражение отбивать попавшего в засаду героя-разведчика. Глебу было не до гостей.

— И всё ты про героев! — капризно сказала Зойка. — И в книжках только про битвы выискиваешь. Хотела бы я увидеть хоть одного живого героя.

— Живого героя? — воскликнул Глеб. — А дедушка? Ты что, не знаешь, что дедушка в гражданскую войну сражался вместе с будёновцами? Ему семнадцать лет было, и он на коне скакал. А в эту войну, в Оте-че-ственную, он был майором, потом полковником. У дедушки орден есть и медали.

— Знаю, знаю, — сказала Зойка. — Ты же вечно заставляешь его рассказывать, как я могу не знать? А кроме дедушки, я ни одного героя не видела живого. Только на картинках, в кино и по телевизору.

Баба Вера, сидя в кресле под торшером, вязала для дяди Юры толстые спортивные носки. Чтобы ему тепло было на лыжах кататься. Она сдвинула очки на лоб и посмотрела на Зойку.

— Так ты, кроме дедушки, ни одного героя не видела? А между тем герой постоянно возле тебя, совсем рядышком.

— Где? — изумилась Зойка. — Что ты такое говоришь? Глеб перестал сражаться и стоял, прислушиваясь.

— А баба Люба? — сказала баба Вера. — Она самый настоящий герой. У неё тоже есть медали: и «За победу над Германией», и «За отвагу», и «За боевые заслуги», и ещё какая-то, забыла сейчас...

— Почему-у? — Зойка в себя не могла прийти от удивления.

— Но ведь наша баба Люба на войне вытащила из-под огня десятки раненых. Она была сандружинницей, потом медсестрой в полевых госпиталях. Под пулями, под снарядами ползала, перевязывала раненых, тащила их на себе.

— Я в кино видел, как военные медсестры спасают раненых! — с воодушевлением сказал Глеб.

А Зойка спросила с недоумением:

— Ползала по земле? Такая толстая?

Баба Вера вздохнула:

— Так разве она тогда такая была? Любаша была стройная, красивая. Это после тяжёлого ранения у неё сердце совсем испортилось.

— Но как же она нам ничего не рассказывала? — спросил Глеб. — И почему она медали не надевает? Хоть по праздникам? Как дедушка.

— Очень уж она у нас скромная, — ответила баба Вера. — Любочка вообще про себя не любит говорить. И ты, Глебушка, пожалуйста, её не расспрашивай. Ведь она тебе про военные подвиги рассказывает...

— Да! — закивал Глеб. — Про солдат, про военных! А про себя-то саму? Я даже не знал, что баба Люба на войне была.

— Так она и всегда про других. И — для других. У нашей бабы Любы, ребятки, столько было тяжёлого в жизни. Вот сейчас её дома нет...

— В Филармонию с бабой Маней пошла, — вставила Зойка.

— ...так я вам говорю про неё. А при ней и обмолвиться нельзя. Не может она вспоминать. У Любочки мужа на фронте убили, так же, как и вашего другого дедушку, папу

вашего папы, а сынишка её погиб в бомбёжке вместе с бабушкой, моей и Любиной мамой. Ой, да не будем об этом... — Баба Вера вытащила из кармана фартука носовой платок и высморкалась, потом сняла очки и протёрла их, потом вытерла глаза.

Дети стояли молча и растерянно смотрели на слезинки, бегущие по извилистым морщинам на бабушкиных щеках.

Зойка кинулась к бабушке и прижалась к её плечу:

— Не плачь!

Глеб погладил бабушку по седой голове.

— Баба Вера, — осторожно спросила Зойка, — о каком сынишке ты сказала?

Баба Вера откашлялась и проговорила тихонько:

— У бабы Любы был сынишка, чудесный карапуз, три года ему было, когда началась война. Славик. Сейчас бы ему уже двадцать семь лет было, старше дяди Юры.

— Бомба в него попала? — сдавленным голосом спросил Глеб.

Баба Вера кивнула и опять взялась за носовой платок.

— А папа наш воевал на фронте? — спросила Зойка.

Неожиданно баба Вера фыркнула в платок. На глазах слёзы, а сама смеётся.

— Скажешь тоже! Как мог твой папа воевать, когда он в то время был малышом? Как Глеб!

— Я большой! — Глеб выпрямился, встал по стойке «смирно».

— Да, да, конечно, ты большой, — согласилась баба Вера. — Папа был тогда немножко помладше.

— Немножко помладше, значит, такой, как я, — сказала Зойка. — А я тоже большая, школьница, а ты говоришь — «малыш».

— Но на фронт-то вас с Глебом ещё не взяли бы.

Глеб стоял в глубокой задумчивости.

— Баба Вера, послушай... — проговорил он медленно. — А я ведь не знал, совсем не знал! Она была тяжело ранена... куда?

— В грудь... Чуть не умерла...

— А потом что? — спросил Глеб.

— Потом поправилась, выходили её врачи. И стала работать медсестрой в больнице. И туда же поступила работать медсестричкой ваша мамочка. И ваша мама как-то пришла к бабе Любе в гости. И познакомилась с вашим папой.

— Нас тогда ещё не было? — спросила Зойка.

— Нет, — ответила баба Вера. — До того, как Витя познакомился с Машенькой, вас ещё не было. А сейчас вы живо отправитесь спать. Вот и весь вам мой сказ!

Куклы вместе с Зойкой быстро съели всё гостевое угощение. Потом пришлось идти умываться.

В эту ночь Зойке снилась красивая, как царевна в сказке, девушка в военной форме. Девушка стояла посреди языков пламени. Кругом толпились люди и спрашивали: «Кто это? Кто это?» А голос бабы Веры отвечал: «Конечно, это баба Люба. Пока бомба не убила её сыночка и её не ранили тяжело, она была такая красивая». Вдруг к огню подбежал кудрявый толстенький карапузик, протянул ручки и крикнул: «Мама!» Зойка поняла, что это сынишка бабы Любы, Славик. От испуга, что сейчас он обожжётся, она громко закричала. И проснулась. Над ней склонилась баба Люба. Толстая, в халате.

— Ты что кричишь, Зоенька? У тебя что-нибудь болит?

В комнате уже горело электричество, а за окном посерело. Настало утро.

— Ничего не болит, — сказала Зойка, вглядываясь в бабу Любу.

— Тогда вставай, пора. Сейчас Глеба разбужу.

— Баба Люба, ты герой? — спросила Зойка. И сама себе ответила: — Ну конечно, герой. Ты же раненых спасала из огня.

Баба Люба нахмурилась.

— Да какой я герой? Тысячи девушек и женщин во время войны делали то же самое. Твоя баба Вера больше герой. Она в блокадную зиму на заводе работала, снаряды вытаскивала. Научилась на станке, а до войны она в конторе работала. В цеху в блокадную зиму вода замерзала, стужа страшная. Сама баба Вера голодная, бомбы рвутся совсем близко,

а все работают, не уходят. И баба Вера не уходит, чтобы побольше снарядов фронту дать. Вот это герои!

— Так сколько же вокруг меня героев? — с удивлением спросила Зойка.

— Много кругом героев, Зоенька, — сказала баба Люба. — Надо только уметь их видеть.

ЧУДЕСА БЫВАЮТ

Скатываться с горки можно сидя на корточках, а можно и стоя на ногах. Зойка, конечно, — на ногах. Раз сто, наверно, уже поднялась по лесенке и живо съехала вниз. Щёки у неё разгорелись, тёплая шапочка сбилась набок. Глеб накатался и в другом конце сквера играет с мальчишками в снежки. А Зойка никак не может оторваться от горки.

Наконец Ира Козлова за руку оттащила её в сторону:

— Будет тебе. Давай лучше просто так походим, посмотрим. Видишь, деревцо, как кружевное? На каждой веточке снег.

Да, Зойка видит. Просто загляденье деревья. И кусты тоже. Красиво, как в сказке. На дорожках снег истоптан ребячьими ногами, и повсюду, где и нет дорожек, разбежались во все стороны следы. Только на деревьях снег не тронут. Лежит, как из серебряной ваты.

— А вон ёлочка почему-то отряхнулась, — показала Зойка. — Видишь, осыпался снег с веток? Может, мальчишки тряханули. А у вас большая ёлка?

— Не очень. Зато пушистая — прелесть.

— А у нас большая. Папа притащил. В угол её поставили, а то и ходить негде. И пахнет-пахнет! Проснёшься утром — и будто ты в лесу. Ты рада, что в школу ходить не надо?

— Конечно, рада. Спи, сколько хочешь, гуляй, играй.

— И я! И я!

У Зойки дух захватывало от радости: каникулы — это просто замечательно!

Она расхохоталась и вытянула руку в рукавике:

— Погляди! Кот улицу переходит. Будто клякса большущая с четырьмя лапками!

— Ой, какой чёрный! — вскрикнула Ира. — Ни одного пятнышка, весь-весь чёрный. Хорошо, что дорогу нам не перешёл.

— Ты что? — у Зойки округлились глаза. — Как старинный человек, в приметы веришь? Забыла, что нам Надежда Васильевна рассказывала? Это прежде люди верили в духов, в домовых и во всякое волшебство, а теперь...

— Она говорила, Надежда Васильевна, — перебила Ира, — что и теперь люди иногда верят в колдовство и в чудеса. Которые необразованные. А то и дети такие попадают: верят, будто какой-нибудь предмет поможет им получать пятёрки, не уча уроки. Но у нас в классе, я думаю, таких дурачков нет.

Зойка глубоко вздохнула и отвернулась. Потом крикнула:

— На каталку пойдём! — и побежала изо всех сил к по-

лоске льда на дорожке, где, балансируя руками, раскатывались ребята.

«Что ж делать, если нет чудес, — думала Зойка. — Ну, ничего. Хорошо и без чудес».

Но на другой же день она своими глазами убедилась, что чудеса бывают.

Хорошим ученикам первых и вторых классов дали билеты во Дворец пионеров на выставку игрушек. Глеб и Зойка тоже получили билеты. К часу дня ребята собрались в школьной раздевалке. Надежды Васильевны не было, какие-то чужие учительницы построили их в пары, отвели на трамвайную остановку, посадили в трамвай и быстро привезли во Дворец.

Игрушки были такие интересные, такие хорошенькие, что Зойка только ахала и ойкала, разглядывая бесчисленных зверюшек и кукол. Главное, все эти замечательные, забавные игрушки какие-то ребята сделали своими руками. Сшили, вылепили из папье-маше, вырезали из дерева... Удивительно! Игрушки стояли и сидели в застеклённых шкафах, которые назывались витринами. Каждый шкаф можно было обойти кругом и хорошенько рассмотреть любую игрушку.

Зойка смотрела бы и смотрела, но пришла какая-то тётенька и сказала:

— Ребята, встаньте в круг пошире. Сейчас пионер из седьмого класса Слава Петров что-то вам покажет.

Ребята встали в широкий круг. На середину вышел большой мальчик в пионерском галстуке. В руках он держал мохнатую собачонку ростом с живого щенка.

— Это наш Бобик, — сказал он. — Мы сами его сделали из кусков овчины, из материи, а глаза из стекла. Вы видите, что он игрушечный? — Мальчик высоко поднял Бобика и повертел им, чтобы ребята лучше видели. — Можете даже потрогать его.

Слава Петров протянул собачонку ребятам, которые стояли впереди. Зойка тронула пальцем бок собаки. Он был шерстистый и неподвижный. И другие ребята тронули, кто лапку, кто хвостик.

— Убедились, что игрушечный? — спросил пионер. — Ну вот. Так я вам скажу, что он на вид игрушечный, а на самом деле живой. И очень послушный. Сейчас я его поставлю на пол, отойду, и он будет делать то, что я ему прикажу. Только вы стойте смирно и не шумите.

Пионер Слава Петров поставил Бобика на пол посреди ребячьего круга, отошёл в сторону и взгромоздился на стул.

Ребята смотрели на Бобика затаив дыхание.

— Бобик, побегай! — чётко сказал Слава.

И вдруг... что это? Бобик ожил. Он встряхнул ушами и, быстро перебирая лапками, побежал по кругу. Ребята зашумели от удивления.

— Тише! — сказала тётя, которая познакомила их со Славой. — Ребята, соблюдайте тишину. Бобик маленький, он может испугаться и перестанет как следует слышать приказания.

Стало тихо-тихо: никто не хотел испугать Бобика. Какой-то толстый мальчик сопел Зойке прямо в ухо, но она даже не шевельнулась.

— Бобик, поскачи! — велел Слава.

Мохнатый щенок несколько раз подпрыгнул. Мордочка у него сделалась хитрая.

Ребята не выдержали и захохотали.

— А теперь, — перекрики-

вая смех, громко сказал Слава, — попляши, Бобик! Поздравь ребят с каникулами хорошим танцем!

Ну, разве это не чудо? Самое разностоящее чудо! Сделанный из шерсти и чего-то ещё, игрушечный Бобик встал на задние лапки и затанцевал. Глазки у него сверкали, красный язычок свесился на сторону.

Ребята смеялись и хлопали в ладоши. Зойка не хлопала. Она вся вспотела от волнения и от того, что со всех сторон её зажали. Толстый мальчишка дышал ей в ухо, кто-то притиснул её плечо. Но всё это были пустяки по сравнению с главным: игрушечный Бобик ожил!

Зойка видела заводные игрушки. У них с Глебом был заводной поросёнок со скрипочкой. Заведи его ключиком — он танцует и водит по скрипочке смычком. Но Бобика Слава не заводил, наоборот, он отошёл от него. Как же так? Значит, просто Бобик стал живой!

Поплясав, щенок остановился. Слава соскочил со стула, взял его на руки и погладил.

— Устал, маленький? Ну, хватит.

Круг поломался: ребята со всех сторон обступили Славу. Зойка выбралась из толпы. Уф-ф! Жарища! Она отошла в сторону, чтобы охладиться. И оказалась возле открытой двери. Зойка с любопытством заглянула в щёлку: а там что?

Комната по ту сторону двери тоже была полна ребят. Все они играли в разные игры. А вон хоккей настольный! Один раз Зойка видела такой в магазине игрушек, куда они зашли с дедушкой.

Она и сама не заметила, как очутилась возле хоккея. Хорошо бы попробовать сыграть. Но у этого стола толпятся одни мальчишки, и все старше её. Хоть рассмотреть, как это играют в настольный хоккей?

— Зойка, это правда ты? — раздался удивлённый возглас.

Кто её окликнул? Зойка посмотрела. Батюшки! К ней подскочил... кто бы вы думали? Сорванец. Но какой высокий, в школьной форме, а не в трусах. И всё-таки на Зойку так и пахнуло летом.

— Я помню, тебя Лёней зовут... — Зойка застенялась, переступила с ноги на ногу.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Сорванец.

— Мы игрушки смотрели. Ребята из нашего класса и другие...

— Как из класса? Ты в школу ходишь?! Вот так штука!

— Приняли вместе с Глебом. А ты что здесь делаешь?

— Я на ёлке был. А теперь просто играю. Хочешь, я тебе комнату сказок покажу? Ты ещё не видела?

— Комнату сказок? Нет. Это что такое?

Как когда-то летом, Сорванец схватил Зойку за руку и потащил её за собой.

Переступив порог, Зойка замерла от восхищения.

В зеленоватом таинственном полумраке сидит на камне, на берегу моря, русалочка. А море светится, по волнам плавают причудливые рыбки с прозрачными хвостами.

А вот лиса тащит петушка. Как он кричит, бедный! Из окна избушки торчит рогатая голова козы-дерезы. Выгнала зайчика, негодяй-

ка, сама в избушке поселилась. Волчище! Зубы-то! Красная Шапочка идёт себе по лесу, цветочки собирает и даже не подозревает, куда спешит волк...

Долго бродила Зойка, уцепившись за руку Сорванца, по залам, полным чудес. Она бы и ещё бродила, но Сорванец сказал:

— Знаешь, наверно, домой пора. Я уже здесь давно, полдня или больше. Есть охота.

Зойка точно проснулась, огляделась растерянно:

— А где Глеб?

— Пойдём поищем твоего Глеба. И как это ты тоже в школу ходишь, просто поразительно!

Не меньше получаса они скитались по красивым залам. Но ни Глеб, ни знакомые Зойке ребята им не попадались. И вообще детей стало гораздо меньше.

— Мы, кажется, потерялись. — Зойка хлюпнула носом, собираясь плакать.

В этот момент они стояли не в зале, а на какой-то лестнице. Совсем не на той, по которой Зойка и Глеб поднимались вместе с ребятами из своей школы и с учительницами.

Сорванец презрительно хмыкнул.

— Ещё чего — потерялись! Что мы, в лесу дремучем, что ли? Пошли в раздевалку. Они, наверно, там. У тебя номерок от пальто есть?

Зойка развернула платочек, зажатый в кулаке: в нём лежал номерок. Счастье, что хоть номерок-то не потерялся!

Внизу, в гардеробе, Глеба тоже не было. Но пальто на вешалках висело ещё довольно много.

— Они, должно быть, уже уехали, — сказал Сорванец.

— Как?! — вскрикнула Зойка. — А я?

— До чего есть хочется, — пробормотал Сорванец и бросился к буфетному прилавку: — Дайте мне петушка на палочке!

Зойка бросилась за Сорванцом, чтобы и он не потерялся. Поглядев на петушков, сказала грустно:

— А у нас деньги у Глеба. У него карманы есть в штанах.

— Дайте мне два петушка, — попросил Сорванец и одного петушка протянул Зойке: — Держи! И ничего не бойся! Мне через две недели десять лет будет. Ты думаешь, я что? Какой-нибудь первоклассник? Провожу тебя домой, и вся недолга! Ты адрес свой знаешь?

Скороговоркой Зойка назвала улицу, номер дома и квартиры. Давным-давно, когда Зойка была ещё совсем маленькая, бабушки заставили её и Глеба заучить адрес и часто этот адрес спрашивали, приговаривая: «Мало ли что может случиться»...

— Здорово вызубрила, — хихикнул Сорванец. — Ну, это хорошо. Нам даже почти по дороге. — Он пересчитал медяки в руке. — И на трамвай даже хватит, не придётся зайцами ехать.

— А ты хотел зайцем? — с уважением спросила Зойка.

— Неужели пешком топать? Давай номерок, я тебя одену.

Сорванец заботливо помог Зойке продеть руки в рукава шубки. Он держался так уверенно, что Зойка совсем успокоилась. А Глеб, конечно, уже дома. Интересно, сильно досталось ему от бабушек за то, что вернулся без Зойки? А она и сама явится. Её Сорванец доставит. Он так и сказал:

— Ты не беспокойся, я тебя хорошо доставлю.

На улице Зойка немножко струхнула. Темно уже, фонари горят, того и гляди, ночь настанет. На трамвайной остановке куча людей. Все незнакомые, чужие. Зойка вдруг ощутила свой маленький рост: не наступили бы на неё...

Но Сорванец ловко втолкнул Зойку в трамвай с передней площадки, влез сам, посадил её на скамейку, а сам встал возле неё. И сказал какому-то дяденьке:

— Не толкайтесь, пожалуйста, тут ребёнок сидит. — Вид у Сорванца был преважный.

— Ты приходи к нам в гости, — сказала благодарная Зойка.

— Угу! — кивнул Сорванец.

И вот они вышли из трамвая и перебежали дорогу. Быстро-быстро зашагали и пришли на знакомую Зойке улицу.

— Вон там наш двор! — с облегчением, весело показала Зойка. — Идём сейчас к нам в гости!

Сорванец замотал головой. Довёл её до ворот, прошёл с ней по двору, довёл до подъезда:

— Этаж который?

— Второй. Пятая квартира. Идём, идём, ты же есть хочешь, вместе пообедаем.

— Да, есть охота, — вздохнул Сорванец. — Доеду, не пропаду с голоду. Дойдёшь тут сама? До свиданья!

Он махнул Зойке рукавицей и помчался к воротам, выскочил на улицу. Зойка поглядела ему вслед и стала подниматься по лестнице.

ГДЕ ЖЕ ГЛЕБ?

— Почему ты так долго? — взволнованно спросила баба Вера, открыв Зойке дверь. — Мы уж не знали, ехать за вами или как? Но где вас там искать?

Зачем-то она открыла широко входную дверь, выглянула на лестницу. И уставилась на Зойку:

— А где Глеб?

— Дома, — ответила Зойка. — Они раньше уехали, Сорванец сказал...

— Какой сорванец? — баба Вера всплеснула руками и закричала: — Люба! Люба!

По коридору, шумно дыша, почти бежала баба Люба.

— Что случилось?

— Она одна пришла, без Глеба! А уже седьмой час.

— Господи! Что такое? — в испуге сказала баба Люба. — Почему ты одна? Вас привезли назад в школу?

— Меня не привезли, — сказала Зойка. — Меня Сорванец привёз. Я его звала к нам, он не захотел...

— Ничего не понимаю! — Баба Вера рывками сняла с Зойки шубку, шапку и ботинки, потащила её в комнату, слегка толкнула на диван: — Рассказывай так, чтобы что-нибудь можно было понять!

Однако и через десять минут, и через четверть часа ничего не прояснилось. Зойка сбивчиво рассказывала про какого-то Бобика, игрушечного, но всё-таки живого, про русалочку, про то, как ей стало жарко и она увидела Сорванца...

— Про какого сорванца ты всё время толкуешь? — спросила баба Люба.

— Как ты не понимаешь? — поразилась Зойка. — Ну, Сорванец, Лёня! На даче-то мы жили...

— Постой! Неужто это тот мальчишка, который тебя на пруд увёл? О господи! Откуда он взялся?

— Во Дворце пионеров, конечно, — сказала Зойка.

Баба Вера махнула рукой.

— При чём тут пруд? Чепуху какую-то городите, когда Глебушки нет. Одно мне ясно: они там растерялись. Что делать? Витя с Машенькой сегодня в театре. Да и всё равно у них телефон только на работе у Вити, дома телефона нету...

— В школу позвоню. — Баба Люба пошла к соседям и вскоре вернулась. — Не отвечает телефон. Сама в школу пойду.

— Нет, я пойду. — Баба Вера торопливо накинула на голову тёплый платок. — Тебе же трудно.

«У бабы Любы тяжёлое ранение было, как ей бежать быстро, — подумала Зойка. Она сидела на диване насупленная, подавленная. — Вся я с головы до ног виноватая. А не знаю в чём».

Уходя, баба Вера в спешке споткнулась о ковёр. И в том, что баба Вера чуть не упала, Зойка тоже почувствовала себя почему-то виноватой.

Баба Люба то стояла у окна и, отдёрнув штору, смотрела на улицу, то садилась на стул, то опять вставала.

— Такой маленький, — бормотала она. — Где он? Что с ним? Просто ужасно!

Зойка зашевелилась на диване.

— Кто маленький? Глеб?

— А что, большой? Восьмой год ему всего. Никогда ещё никуда один не ездил. Как ты смела его бросить, куда-то от него уйти? Вместе вы бы не потерялись!

А, так вот в чём её считают виноватой! Она же чувствует, что обе бабушки считают её виноватой. В том, что Глеба нет! Но при чём тут она? Только отошла на минутку... Она Глеба искала вместе с Сорванцом. А он сам почему её не нашёл? И какой он маленький? Старше её и ростом выше. И всегда твердит, что он большой, что это она маленькая. Сам бы должен за ней смотреть, чтобы она не потерялась...

Зойка почувствовала себя оскорблённой, надулась и ни на один вопрос больше не отвечала.

Вернулась баба Вера. Запыхавшись, она, как была — в заснеженном пальто, опустилась на диван. От ботишков её сразу натекли лужи. Но баба Вера, сама не позволявшая входить в комнату в калошах или в ботах, не обратила на лужи никакого внимания.

— Ну, что, что? — спрашивала баба Люба.

— Давно все экскурсии приехали, дети разошлись, — отдышавшись, выговорила баба Вера. — Всё заперто, еле я там сторожиху отыскала... Метёт на улице, вьюга поднялась.

— Господи! — баба Люба взялась руками за голову. — Значит, что-то случилось между школой и домом. Надежда Васильевна довезла их в целости, не сомневаюсь.

— Не было никакой Надежды Васильевны, — пробурчала Зойка. — Чужие учительницы. Мы из разных классов были.

— Не было Надежды Васильевны? — как эхо, повторила баба Люба и кинулась к двери. — В милицию буду звонить. Извинюсь перед соседями, что опять к телефону...

Баба Вера, так и сидевшая в пальто и в ботах, тихонько заплакала. Голова у неё была беспомощно опущена, и Зойка вдруг поняла: произошло страшное. Глеб пропал, может быть, с ним что-нибудь случилось!

Глебушка! Братишка её! Да, он сильный, по физкультуре лучше всех в классе и считает себя большим. Но всё равно он ещё маленький, в трамвае никогда не ездил один. По улице один ходит: в школу, в сквер, в булочную, но не ночью же, не в темноте. И не во вьюгу. Где он?

Зойке представилось, как Глеб идёт по какой-то снежной равнине. Снег его залепляет с головы до ног, целые сугробы

на Глеба валятся. И вот он падает, и его заносит метель... А что, если Глеб не вернётся?

Ужас охватил Зойку. А как же она? Разве ей можно без Глеба?

Она сидела с расширенными глазами, и сердце сжималось у неё в комок.

Как могла она бросить Глеба, уйти от него? Ведь он такой хороший, Глеб. Всегда он о ней заботится. Верно Ира говорила: «Твой брат такой хороший, ранец твой нёс». Завтрак он ей отдал, всегда скрывает от всех, если она неладное сделала, чтобы её не бранили. Сам ругает, но ведь потому что любит её, сестрёнку свою. А она...

— В милиции всё записали, — рассказывала, вернувшись от соседей, баба Люба. — Они по детским комнатам будут звонить, сообщат...

— Значит, просто сидеть и ждать? — потерянным голосом спросила баба Вера. — Может быть, всё-таки лучше...

Что «лучше», никто так и не узнал. Отчаянные всхлипы прервали бабу Веру.

Прижав кулаки к глазам, тихо сидевшая на диване Зойка взывала во весь голос:

— Гле-ебочка! Зачем я ушла на хок-кей смотреть? Плохая я, плохая! И врунья я. Наврала ему про двадцать копеек, что потеря-я-ла-а, а сама-а...

— Какие двадцать копеек? — устало спросила баба Люба.

— Талисма-ан я купила-а! — выла Зойка. — А он всё равно не действова-ал, может, он и не волшебный... И на даче я блюдечко разби-и-ла, а все думали — ко-ошка-а...

— О чём это она? — промолвила баба Люба.

— Грехи свои, очевидно, вспоминает, — печально усмехнулась баба Вера.

— Не хочу-у, чтобы Глеба не было, не хочу-у! — выла Зойка. — Пусть Глеб до-ома будет!

От волнения и беспокойства бабушки не могли Зойку утешать, только говорили то одна, то другая:

— Перестань! Не реви, и без тебя тошно!

От Зойкиных завываний не слышали звонка. Должно

быть, открыли соседи. Совершенно неожиданно дверь распахнулась.

На пороге появился Глеб, весь облепленный снегом. Позади него стояла какая-то девушка в синей вязаной шапочке.

— Ты дома, Зойка? — радостно воскликнул Глеб.

— Глебушка! — вскрикнула баба Люба. — Счастье какое!

Баба Вера кинулась к Глебу, смеясь и плача одновременно, обняла его за плечи:

— Мальчик мой!

Едва Глеб появился в дверях, Зойка замолчала, будто выключили её, как радио выключают.

— Понимаете, как получилось! — звонко говорил Глеб. — Я Зойку ждал-ждал. А потом...

— Садитесь, садитесь, — приглашали девушку баба Вера и баба Люба. — Раздевайтесь, пожалуйста! Мы так переволновались, просто словами не выразить. Как нам вас благодарить, что вы Глеба привели, просто не знаем!

Девушка рассказала, как она увидела мальчонку, бредущего по улице сквозь метель.

— Где? Где? — спрашивали бабушки.

— Да знаете, совсем в другом районе, далеко отсюда...

Суетня, суматоха. Глеба раз-

девали и целовали. Девушку усаживали ужинать, спрашивали её ещё и ещё, записали её адрес, приглашали приходить почаще в гости.

Выпив стакан чаю, девушка отбилась от бабушек и ушла.

Наконец стало тихо. Дети сидели за столом и ели за обе щёки. Обедали и ужинали — всё сразу.

Баба Вера прижимала руку к груди:

— Думала, сердце от тревоги разорвётся. Просто счастье, что так всё кончилось! — Вдруг она посмотрела на Зойку и совсем другим тоном спросила: — А что такое ты там говорила про какие-то двадцать копеек? И про блюдец?

— И про талисман какой-то? — добавила баба Люба.

— Я же думала, что Глеб не вернётся! — заявила Зойка.

Она уже жалела, что выдала свои тайны.

— Не говори таких страшных вещей! — теперь баба Люба схватилась за сердце.

Баба Вера замахала на Зойку руками и встревоженно наклонилась к сестре:

— Дать тебе сердечных капель, Любаша?

Она полезла в аптечку за каплями, и никто уже Зойку ни о чём не спрашивал.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ГЛЕБОМ?

Поняли бабушки или нет, почему Глеб очутился один на улице далеко от дома, Зойка не знала. Но сама она поняла всё только на другой день. Глеб ей обо всём рассказал. Забившись в угол дивана, Зойка слушала, разинув рот.

Вот что случилось.

Когда игрушечный-живой Бобик кончил плясать, Зойка выбралась из толпы ребят, а Глеб, наоборот, протиснулся поближе к пионеру Славе Петрову и стал слушать его объяснения.

— Это ведь не простой Бобик, — рассказывал Глеб. — А теле-Бобик. Так его Слава назвал: «Наш теле-Бобик». Он, этот Бобик, управляется по радио, там у него вделаны такие пластинки, разные реле. Он за-про-граммированный Бобик. А у Славы в руках был аппаратик, мы его не заметили...

— Аппаратик, пластинки, теле какое-то, — перебила Зойка. — Ничего не понимаю. Ты-то как очутился на далёкой улице? По радио тебя, что ли, туда занесло?

— А я тебя ждал-ждал. Я не сразу хватился, что тебя нет. Столько ребят, все толпятся. Мы ещё видели птичку, вроде заводной. Но она не заводная, она тоже...

— Провались твоя птичка! — заверещала Зойка. — Рассказывай, что с тобой было!

— Но ведь она замечательная, эта птичка! Я, когда в шестой класс перейду, к ним в кружок поступлю. Я радиотелетехником стану!

Двумя руками Зойка толкнула Глеба. Чуть он на пол не свалился.

— Так вот, — усевшись поудобнее, продолжал Глеб, — я только внизу, на вешалке, когда стали одеваться, смотрю — а тебя нет! Я стал ходить между ребятами, тебя искать. Учительница там одна спрашивает: «Ты что мечешься?» Я говорю: «Сестры моей нет». Та учительница говорит: «Наверно, она уже на улицу вышла». А часть ребят и правда уже оделась и вышла. Я тогда скорее оделся и выбежал. Побежал за теми ребятами, они с другой учительницей к воротам шли.

Догнал их, бегаю от одного к другому, обсматриваю всех... Темновато ведь там, но я под фонарями приглядываюсь. А тебя и там нет. Я к подъезду вернулся и стал ждать. На каждого, кто из дверей выйдет, смотрел. Идут, идут ребята из дверей, а тебя всё нет. И по одному выходят, и целой кучей сразу. Тут снег пошёл. Топчусь, топчусь у подъезда, а тебя всё нет. А потом уже совсем мало ребят идёт. Думаю: ну, значит, я тебя пропустил. Ты уже, значит, уехала. Тогда я за ребятами на трамвайную остановку побежал. Они влезли в трамвай, и я влез. Они едут, и я еду...

— Может, ты не в ту сторону поехал? — трагическим шёпотом спросила Зойка.

— В ту самую, в какую надо. Я правильно знал остановку. Мы же на другой стороне сошли, когда приехали. А теперь сиделись напротив. Я в окно смотрел и заметил там магазин... Нет, я ехал правильно. Ну вот, едут ребята, и я еду. Они едут-едут, и я всё еду. Долго. Потом они стали вылезать из трамвая, и я стал вылезать. Вылез, смотрю... А там дома совсем не такие. И широко как-то очень, широкая улица. Ребята гурьбой куда-то с остановки побежали. А я с ними не побежал. Что-то, думаю, не то. Такой улицы возле нашей школы нету. Тогда я спросил одного дяденьку: «Какая это улица?» Он говорит: «Это Лесной проспект. А тебе куда надо?» Я говорю: «Мне на улицу Фурманова надо». Он говорит: «Так это ты, мальчик, далеко заехал. Теперь поезжай в обратную сторону. Вон там, видишь, остановка?» И я пошёл на другую сторону улицы, в обратную сторону ехать. Только решил у кого-нибудь спросить, на какой мне трамвай садиться, но сначала стал деньги доставать. Это я напрасно сделал. Потому что снег идёт и темно кругом; тут у нас светлее, а там, на том Лесном проспекте, как-то темнее. И вот достал я деньги из кармана брюк, смотрю, вглядываюсь, сколько их там. А деньги вдруг и упали в снег.

— Ой! — пискнула Зойка.

— Ну да, упали. Я же тебе говорю, что я напрасно стал их доставать под снегом, надо было в трамвае доставать. А раз деньги упали, впотьмах их уже не найти, как я без денег в трамвай сяду? Ну, я и пошёл просто так по тротуарам

в обратную сторону, куда мне ехать надо было.

Ещё яснее, чем вчера, Зойка представила себе, как Глеб один идёт под снегом, и содрогнулась от жалости к нему. Тревоги такой уже не было, потому что вот он сидит рядом, но жалость была ещё сильнее, чем вчера. И опять она почувствовала себя виноватой. Она-то ему врала, а он её искал и в такое ужасное попал. Один, во вьюгу, на далёком неиз-

вестном Лесном проспекте. А всё-таки Глеб молодец, не растерялся. Случись с ней такое, она бы что? Заревела бы, наверно, со страху, и больше ничего...

— Иду-иду, — говорил Глеб. — Долго что-то. Озяб немножко, побежал, да споткнулся на скользком и полетел.

У Зойки задрожали губы. Ужас какой! Так она и думала, что Глеб упал где-нибудь и его снегом стало заносить. А вдруг бы совсем занесло?!

— Долго ты в снегу лежал? — хриплым голосом спросила Зойка.

— Нисколько не лежал. Чего это я буду в снегу валяться? Вскочил и дальше пошёл. Я и не ушибся ничуть. И вдруг навстречу идёт эта девушка, Аля её зовут, студентка она. Остановила меня и спрашивает: «Ты куда это один идёшь, на снежный ком похожий?» Я говорю: «Домой иду». Аля спрашивает: «А где твой дом?» Я сказал. Она говорит: «Ну, это тебе три часа шагать придётся. Давай-ка лучше я тебя довезу». И села со мной вместе в трамвай. И заплатила за меня и за себя. И мы с ней приехали.

— Я этой Але всю-всю жизнь буду говорить спасибо, — тихонько сказала Зойка. — Глебушка, послушай... а... врать я тебе никогда больше не буду!

— Это ты здорово придумала! — обрадовался Глеб.

Прошли каникулы, отшумели весёлые ёлки. Зойка и Глеб побывали на ёлке в школе и у папы на работе. А дома свою ёлку они каждый вечер зажигали и возле неё скакали. Вокруг не поскачешь — она в угол приткнута. То вдвоём скакали, то с ребятами. К Зойке в гости приходила Ира, а к Глебу — два мальчика: Петухов, который с ним на одной парте сидит, и Димка, который учится в другом первом классе, а живёт в их дворе.

И вот опять Зойка и Глеб каждое утро идут в школу.

На вид Зойка такая же, как до каникул: плотненькая, кудрявая, румянец во всю щёку. Глаза светло-серые, внимательные и часто сердитые. А то искрятся смехом. Может быть, немножко подросла за каникулы, а вообще такая же. Но это только с виду. Сама-то Зойка знает, как сильно она изменилась.

По-прежнему она покрикивает на Глеба, заставляет иной раз тащить её ранец. Но всё это понарошке, чтобы убедиться, что Глеб её слушается, и чтобы весело было.

А на самом деле Зойка гордится своим братом. Теперь она понимает, какой Глеб добрый и умный, гораздо умнее, чем она. И как вспомнит, что чуть Глебушка совсем не пропал в снегу из-за неё, Зойки, так прямо зажмурится от страха, пусто-пусто вокруг делается, настоящая ледяная пустыня.

Пятёркам Глеба Зойка теперь радуется больше, чем своим. Ведь это её брат получил пятёрку, не кто-нибудь.

Сама Зойка учится хорошо, но из круглых отличниц немножко съехала. Надоело ей так уж старательно за своими тетрадками следить и все-все уроки всегда учить тютелька в тютельку. Да и некогда ей: о многом подумать надо. Например, о Сорванце. Как он ей русалочку, козу-дерезу и Красную Шапочку показывал, а потом в трамвае домой вёз. И как давно-давно, летом, он нырял в самую глубину пруда. Что это за Сорванец такой! То он появляется, то опять исчезает. Увидит ли она его когда-нибудь ещё? Придёт он к ним в гости? Наверно, придёт. А то где-нибудь она его вдруг

встретит. В сквере, на улице, в кукольном театре... Непременно где-нибудь встретит. Ведь всё хорошее обязательно должно случиться.

Увидев в Зойкиной тетрадке рядом с пятёркой тощую троечку, баба Вера головой качает:

— Ох, уж эта Зойка! Всё у неё какие-то неожиданности. То так, то этак.

— Неожиданности? — говорит Зойка. — Но ведь все дни неожиданные. Каждый день что-нибудь новое случается, чего и не ждёшь. Потому и интересно. Разве нет?

а распахнутым окном лежало море. Оно было золотое, но с каждой минутой тускнело: солнце уже скрылось за горизонтом. Чёрный кипарис стоял прямо, как часовая на посту. Казалось, он вытянулся здесь, высоченный и стройный, чтобы охранять покой живущих в доме детей. Покой!

Любовь Андреевна высунулась в окно, подставила нежному тёплому воздуху разгорячённые щёки. Ей хотелось обеими руками зажать уши. За её спиной пронзительно звенело:

— Хочу-у-у! Я хочу-у-у! Ба... буш... ке позво... ни-ить... хочу-у-у...

Крики прерывались рыданиями.

Воспитательница обернулась. Зарёванный темноглазый мальчишка ничком лежал на полу, давясь слезами.

— А как же мы заснём? — с нарочитым недоумением второклассник Лихов развёл руками. — Не стоит и ложиться.

Мальчики, в трусах и майках, стелили постели. Человек пять уже забрались под одеяло. Двадцать четыре глаза с любопытством поглядывали на воспитательницу.

Всего неделю она у них работает. Прежняя воспитательница уехала. Та была строгая — как прикрикнет! А эта полная пожилая женщина совсем, видно, другая. Лихов сразу определил:

— Наша новая — добрая, тряпка. Живём!

Как «новая» справится с таким неслухом? Упрямиться, капризничать второклассникам случалось, но никто ещё не орал полчаса подряд, валяясь на полу.

Ведь уже тридцать раз Матвейке было сказано: сейчас звонить по телефону бабушке нельзя. Некогда вызывать

междугородную. И незачем. Вчера бабушка сама звонила в интернат. Она уже выписалась из больницы, чувствует себя хорошо.

— Ты что же, хочешь, чтобы твоя бабушка опять заболела от волнения? — спросила Любовь Андреевна. — Ведь она испугается внезапного звонка из интерната, да ещё поздно вечером, подумает: вдруг с тобой что-нибудь случилось.

И это она уже говорила. Все мальчики давно поняли, что бабушка испугается. А Матвею хоть бы что! Кричит, ревёт, кулаками по полу колотит.

Как всегда на юге, темнота упала на землю внезапно, кипарис-страж расплылся в густых сумерках. В окне сверкнули первые звёзды.

Любовь Андреевна зажгла электричество. И при ярком свете сразу заметила: один из братьев Окуньковых под одеялом украдкой строгаёт палочку осколком стекла. Другой Окуньков, посматривая на брата, приноровился скоблить грязную щепку какой-то железкой.

— Прямо на чистую простыню! — Любовь Андреевна отобрала у насупившихся близнецов всё, что было у них в руках, смахнула мусор с постелей. — Вы как пятилетние, честное слово! А ведь после того как вам по пять лет было, ещё три года прошло. Вам уже не пять лет, а пять плюс три — не маленькие!

— Пять плюс три! — засмеялись мальчики.

— У-у-у! — глухо, уткнувшись носом в пол, ревел Матвей. — Хочу-у-у...

— А мне не пять плюс три! — громко заявил Костя Жуков. — Мне уже десять минус два!

И вдруг что-то резко изменилось в комнате. Что такое? А-а, тихо стало...

В неожиданной тишине отчётливо и решительно — трудно было поверить, что этот же голос только что испускал вопли, — прозвучало:

— А мне лет: сто семнадцать плюс двести три, разделить на два. От того, чего получится, отнять сто пятьдесят два. Вот мне сколько лет! Хо-очу-у по-зво-ни-ить! — Матвей завыл с новой силой.

Любовь Андреевна в изнеможении опустила на стул.

Она отлично понимала: лукавые огоньки в глазах Мити Лихова означают: «Что, не можешь справиться?» Да, очень важно заставить послушаться. Но сейчас ещё важнее успокоить Матвейку. Этот мальчишка на полу вызывал у неё огорчение, досаду, раздражение и — глубокую жалость. В его криках, рыданиях не только упрямство, каприз, но и тоска, настоящее горе. Месяца два назад умерла мать мальчика. Отец Матвейки, научный работник, уезжал в экспедицию. Бабушка с сердечной болезнью попала в больницу. Матвея спешно поместили в интернат, когда учебный год уже начался. Дома его, очевидно, баловали. Внезапно он оказался оторванным от всего родного...

— Хотите, побьём его, чтобы перестал? — снисходительно предложил Лихов.

Любовь Андреевна устало отмахнулась.

Маленький Воронков прыгал на коленях по кровати. Его голосишко едва прорвался сквозь крики Матвея:

— Надо позвать шестиклассников! Да, да! И пусть они вынесут его в сад. Подальше. Пусть там кричит!

— Не выдумывай! Что тебе, Тамара?

Воспитательница встала и подошла к двери: из коридора заглядывала толстушка — щёки как два румяных яблока, короткие косички торчат в стороны.

— Мы никто спать не можем, так он кричит! Да дайте вы ему скорей задачку порешать!

— Задачку? — Любовь Андреевна в недоумении потёрла пальцами лоб: голова разболелась от этого шума. — Какую задачку?

— Какую-нибудь. Учительница всегда даёт ему задачи, чтобы не злился и не плакал.

Совет показался воспитательнице нелепым. Заставить решать задачи мальчишку, который вообще ничего слушать не хочет! Но девочка смотрела на неё доверчиво и просительно. Чтобы не обидеть советчицу, Любовь Андреевна сказала ласково:

— Но ведь у меня, Томочка, и задачника сейчас нет, Учебники в школьном корпусе...

— А я поищу! Может, у кого в спальне есть, повторяли или что...

Девочка вихрем умчалась по коридору.

Любовь Андреевна прикрыла дверь. Скорчившись на полу, Матвей взхлёб плакал. Мальчики лежали в кроватях. Трое-четверо ровно дышали. Поразительно: они сумели заснуть!

— Ты просто негодный мальчишка! — с горечью сказала Любовь Андреевна. — Никого не жалеешь: ни бабушку свою, ни товарищей.

Ответом был хриплый надрывный крик:

— Хочу-у-у!

Влетела Тамара:

— Вот! Достала!

Она сунула в руки воспитательницы книгу и убежала.

— Мне тут надо одну задачу решить, — неуверенно сказала Любовь Андреевна. — Может быть, ты поможешь? Вот... — Она наугад открыла учебник: — «Для туристского похода, совершаемого сорока шестью школьниками, были приготовлены шестиместные и четырёхместные лодки. Сколько было тех и других лодок, если все туристы разместились в десяти лодках и свободных мест не оставалось?» — она читала вполголоса, быстро, не вдумываясь в смысл, а лишь радуясь тому, что плач почему-то прекратился.

Матвей сел. Худенькое смуглое лицо его покраснело и распухло. Чёрные кудрявые волосы слиплись и рожками торчали во все стороны. До чего жалкий вид!

— Всего сорок шесть школьников? — спросил он хрипло и судорожно всхлипнул. — Лодок всего... — опять всхлип... — десять? В которые по шесть садятся, в которые по четыре?

— Да, да. Всё так.

— Это задача трудная. Мы таких не решали, — сонно пробормотал Костя Жуков и натянул одеяло на голову.

Матвей молчал. Опустив глаза, он неподвижно сидел на полу. Неужели в самом деле утих?

— Ты отдохни немножко, — сказала Любовь Андреевна негромко, ровным голосом, боясь спугнуть долгожданную ти-

шину. — Потом пойдй умойся. И быстренько раздевайся. А я посмотрю, как там девочки. . .

Подумав, она потушила свет и вышла. За дверью прислушалась. Нет, тихо. В спальне девочек Любовь Андреевна ставила Свету Кривинскую с подоконника, где та любовалась восходом луны, пожелала всем спокойной ночи. Потом в коридоре поговорила с ночной няней. Когда она вернулась в спальню мальчиков, её встретила тишина. Просто уши отдыхают.

В лунном свете скорченная фигурка всё так же темнела на полу. Уж не заснул ли сидя, измученный?

Вдруг с полу раздалось:

— Больших лодок три, а маленьких семь!

— Каких лодок? А, это из задачи. . . Ну, очень хорошо, — За плечи она подняла Матвея с полу. — Пойдём умоемся и живо в кровать!

— Посмотрите ответ! — потребовал мальчик.

Прочитав задачу, Любовь Андреевна машинально заложила страницу веточкой туи, подобранной у чьей-то кровати. Это оказалось очень кстати, а то, пожалуй, и задачу сразу не найти.

В освещённом коридоре она заглянула в конец учебника:

— Как ты сказал?

— Три больших лодки, — сердито ответил Матвей. — Вот где по шесть сидят. И семь маленьких, где по четыре школьника.

— Совершенно верно. Ответ сошёлся. Молодец!

В умывальной Любовь Андреевна, посмотрев, как неловко Матвей трёт руки, взяла мыло и сама вымыла ему и руки, и лицо, и шею. Потом отвела его в спальню, уложила, укрыла одеялом. Всему он подчинялся безмолвно и покорно. И вот он уже крепко спал.

Со вздохом облегчения Любовь Андреевна вышла из спальни. Теперь скорее на автобус — и домой. Как она задержалась! Задачник надо положить на тумбочку возле кровати Тамары Руслановой, чтобы утром вернула.

У кого она взяла задачник? Любовь Андреевна в первый раз внимательно посмотрела на учебник, обёрнутый в зелёную бумагу:

«Учебник по арифметике ученицы пятого класса Ивановой Веры».

Позвольте! Но ведь Матвей учится во втором... Ну конечно, задача про лодки для пятого класса. Как же он мог её решить? И без бумаги и карандаша. В темноте. Сидя зарёванный на полу. А что такое он сказал в промежутке между двумя воплями? «Мне лет сто семнадцать...» Может быть, и то был не просто набор цифр, не пустая болтовня?

Любовь Андреевна с удивлением покачала головой: вот так каприза!

МИНУС ЕДИНИЦА

Шестилетний полуголый Матюша, в одних трусах и сандалиях сидел на корточках под черешней. На земле перед ним были разложены тесными рядами пятьдесят камешков. Он шептал: «Двенадцать!» И быстро откладывал в сторону двенадцать камешков. Немного подумав, говорил: «Тридцать восемь». И сосчитывал оставшиеся камешки, проверял себя. Он вычитал, складывал, умножал и делил камешки, раскладывая их на кучки. Это была его постоянная и любимая игра.

В другом конце садика, в тени густых акаций, бабушка варила варенье. Керосинка стояла на деревянном столе, врытом в землю. На керосинке — огромный эмалированный таз. Сладким абрикосовым духом тянуло оттуда.

Бабушка помешивала в тазу большой деревянной ложкой. Но вдруг она выронила ложку, и та погрузилась в пылящий и булькающий водоворот. Бабушка бросилась навстречу внуку:

— Что с тобой? Что?

Матюша бежал к ней, захлёбываясь громким плачем.

— Как хватит за шею! Сразу! Я весь зачислился, зацифрился и не заметил, как она на меня садится! — с негодованием объяснил он сквозь слёзы.

— Ай-яй-яй! — сама чуть не плача от жалости, бабушка

разглядывала вздувшийся желвак на тонкой загорелой шейке: Матюшу укусила пчела.

С крыльца сбежала испуганная мама. Теперь двое обнимали, целовали и утешали ревущего мальчугана. Неторопливо спустился по ступенькам отец.

— Ничего, — сказал он, усмехаясь. — Будет цел. Если, конечно, вы не задушите его своими поцелуями.

— Папа! — обиженно закричал Матвей. — Я только хотел отнять от тридцати, как эта противная пчела в меня вцепилась! Может, она за то, что я ошибся? Я нечаянно хотел от тридцати отнять тридцать пять. Но ведь нельзя же! От тридцати тридцать пять — ничего не получится.

— Нет, получится, — спокойно сказал отец. — Минус пять получится.

— Степан! — обнимая Матюшу за плечи, мама с укором посмотрела на папу. — Ему рано отрицательные величины.

Матвей вырвался из маминых рук. Он и про укус забыл.

— Ми-инус пять? — протянул он с удивлением. Как так — минус пять?

— А вот так. После нуля как бы черта, за ней тоже числа, начиная с единицы, но уже отрицательные, с минусом.

— Ну куда это годится? — рассердилась бабушка. — У нас Матюша, того гляди, спятит. Сам говорит, что весь зацифрился!

— Ничего, — сказал отец. — У вас, дорогая Прасковья Егоровна, кажется, варенье подгорает.

— Вам всё «ничего». О господи, и ложка куда-то делась! — бабушка засуетилась возле стола.

— Значит, если от девяти отнять десять, то будет минус единица? — спросил Матвей.

Отец кивнул.

— А от девяти отнять двадцать, будет минус одиннадцать?

— Конечно, — сказал отец.

— Ура! Ура! Ура! — воскликнул Матвей. В восторге он высоко подпрыгнул, потом быстро нагнулся, подхватил с земли щепку, изо всех сил запустил ею в стенку сарая.

Мама покачала головой:

— Сколько радости! Из-за чего? Умоляю, ты только интегральное исчисление ему не объясняй!

— Ничего, ничего, — сказал отец.

Он всегда говорил «ничего». Он всегда всех успокаивал, неторопливый, спокойный. Бабушка и мама смертельно боялись, что Матвей простудится, свалится с дерева или с забора, занозится, наколет ногу, утонет в море, что его укусит бешеная собака, малярийный комар, скорпион, сколопендра. А папа говорил «ничего».

Свое «ничего» он не сказал, когда вернулся из больницы, где маме сделали операцию. В это время Матвейке уже исполнилось восемь лет.

Бледный, с неживым лицом, отец стоял у стола. Он ударил по нему кулаком, сминая скатерть, и сказал: «Чёрт!» Бабушка рыдала и упрекала себя и папу за то, что они маму «пропустили», не убедили её сделать операцию раньше.

Матвей вышел на крыльцо и сел на ступеньки.

Тень от черешни лежала на земле, вытянутая, очень широкая. Вечерняя прохлада после дневного зноя была приятна. Матвей не хотел, чтобы что-нибудь было ему приятно, но невольно вдыхал лёгкий ветерок с удовольствием.

На невысокий каменный забор влез со стороны улицы соседский Петька. Весь чёрный от загара, а может быть, и от грязи, он взгромоздился на забор вместе с железным ободом от бочки.

— У меня обруч, — сказал Петька. — Выходи на улицу. погоняем.

— У меня мама умирает, — сказал Матвей. — Ей поздно сделали операцию. Надо было год назад. Как минимум.

Петька похлопал глазами, лицо у него стало уважительное.

— Говорят, у твоей матери оказался рак?

— Да, — ответил Матвей, слегка прищутив глаза и глядя вдаль, чтобы Петька его больше уважал. — У неё оказался страшный рак.

Петька помолчал, потом сказал полувопросительно, полутвердительно:

— Значит, гонять обруч ты не пойдёшь...

Матвей пожал плечами: мол, что за вопрос!

Лязгнуло железо. Это Петька сбросил на тротуар свой обруч. Через минуту и сам он исчез.

Высоко над головой Матвея реяли ласточки. Лёгкими стрелками проносились они со звонким щебетом. Из-под крыльца вылез Минус единица, лениво поднялся по ступенькам, виляя пушистым хвостиком, и привалился Матвеем на ноги.

— Совсем ты плохо растёшь, — упрекнул его Матвей. Минус единице исполнилось два года, а он всё был как щенок.

Пёсик посмотрел в лицо мальчику преданными глазами и виновато постучал хвостом по ступеньке.

— Ничего ты не понимаешь, — сказал ему Матвей.

В тот момент он не знал, что и сам понимает немногим больше, чем Минус единица. Бездумно повторил он Петьке то, что слышал в бессвязных рыданиях бабушки, в разговоре её с отцом. На самом деле Матвей совсем не верил, что мама умирает. Мало ли чего болтают люди, да и бабушка всегда преувеличивает...

По-настоящему он не верил, что мама умерла, и тогда, когда её похоронили.

Хоронили маму из больницы. Отец не взял Матвея на кладбище. Матвей объелся слив, у него заболел живот, немножко поднялась температура. С ним пришла посидеть соседка. Соседка в столовой вязала кружево, а Матюша лежал

в спальне и читал книгу. С кладбища папа привёз бабушку на такси. Когда вошли в дом, бабушке стало плохо. Вызвали неотложку. Матвей не спрашивал про маму и в эти минуты не думал о ней. Вытянув шею, он смотрел, как врач в белом халате делает бабушке укол.

Понял Матвей, что мамы больше нет, совсем-совсем нет, только оказавшись в интернате.

ОДИН В ТОЛПЕ

Всё ему здесь не нравилось. На прогулку идут толпой, в столовую — толпой, в спальню вечером — тоже. В классе все пишут, он пишет, это понятно. Но вот все взяли за ложки, и он должен браться за ложку. А если ему совсем не хочется есть? Если ему, наоборот, хочется в эту минуту поваляться на кровати? И чтобы никто не торчал у него перед глазами.

Идут в лес, и он должен туда тащиться. Воспитательница говорит: «Не разбегайтесь, ребята! Идите дружно». А ему не хочется ни идти, ни разбегаться. Ему хочется сидеть в саду с книжкой.

Вокруг него куча народу. Бегают, говорят, смеются, ссорятся, кричат друг на друга, о чём-то спорят, чему-то радуются. А ему чудится, что он один. Совсем один. Никогда он не чувствовал себя таким одиноким, как в этой толпе ребят.

Он как-то не знает, куда себя деть. Даже не знает, куда, например, сесть. Кругом много скамеек, можно сесть и прямо на траву. Но никуда садиться ему не хочется.

Даже ноги при ходьбе двигаются не так, как прежде. Куда другие идут — в класс, в спальню, в столовую, в сад — туда и он плетётся. Но идти ему никуда не хочется.

О маме он старается не думать, потому что ведь мамы больше нет. Нигде нет: ни здесь, ни дома, ни на папином корабле, ни даже в Ленинграде, у её двоюродной сестры, тёти Маруси, ну, просто совсем нигде. Если начинаешь думать о маме, то всё как-то сдавливается внутри, становится трудно дышать и вообще перестаёшь соображать. Так что уж лучше о маме не думать.

Без папы скучно и тоскливо. Папа на свете есть, но очень далеко. Плывёт где-то по океану. Сперва он уехал на автобусе в Севастополь, потом на поезде в Ленинград, потом на корабле куда-то...

За несколько дней до отправки Матвея в интернат папа притянул его к себе, поставил между колен. Лицо у папы было задумчивое и грустное.

— Послушай, Матвей, в конце концов, я мог бы и отказаться от экспедиции. Но я специально готовился к ней очень долго. Это очень нужная экспедиция. Сейчас не поехать было бы с моей стороны подлостью по отношению к людям: так сразу найти другого сотрудника на моё место в экспедиции было бы очень трудно. Ехать необходимо. Но в крайнем случае я мог бы сказать: «Товарищи, я не могу ехать, потому что у меня маленький сын...»

— Я не маленький, — сказал Матвей.

— Да, ты не маленький, — согласился папа. — Но ещё всё-таки не большой. И вот этого не маленького, но и не большого сына приходится помещать в интернат, а ему туда не хочется. Кроме того, мог бы я сказать, у нас заболела бабушка. И хотя я знаю, что ехать очень нужно, необходимо, всё-таки постарайтесь заменить меня другим человеком. Я говорю с тобой прямо, как мужчина с мужчиной. Ну, что — ехать мне или нет? Скажи сам!

— Поезжай! — сказал Матвей. — Поезжай и скорей возвращайся!

И он даже не заплакал, расставаясь с папой в кабинете директора интерната. Нет, он не обижался на папу. Один мужчина не должен обижаться на другого мужчину, если тому надо плыть куда-то по морям и океанам в очень нужную экспедицию. Он просто скучал без папы, но не обижался на него.

А вот на бабушку Матвей сильно обижался: надо же было ей заболеть так не вовремя! Не заболела бы — его бы в интернат не отправили. Хоть и без папы, жили бы они дома и он ходил бы в свою школу. Целую неделю он уже проучился во втором классе своей школы. А Петька учился в третьем классе. Они вместе возвращались домой и по дороге сбивали

палкой каштаны. Ребята в том втором классе были все знакомые ещё с прошлого года. Только две девочки были новенькие, да один Петраков уехал.

Здесь же, в интернатском втором классе, все ребята были незнакомые. Они заговаривали с Матвеем. Он отвечал односложно, сквозь зубы, а то и вовсе отмалчивался. Ребята отходили обиженные. Матвей держался отдельно, в сторонке. Из-за ствола дерева, из кустов, откуда-нибудь из угла он угрюмо наблюдал за ребятами.

Больше всего шуму от Митьки Лихова. Целый день он что-то выкрикивает, поёт, вертится, кривляется. Влезает на дерево, на подоконник, на крышку парты и с гиком, с шумом отовсюду спрыгивает. Всё он делает с криком. И как у него горло не заболит столько орать?

Воронков — маленький, как дошкольник, Лихову по плечу, тихий, послушный. Что ему велят, скорей-скорей сделает. А считать нисколько не умеет. Даже противно.

Костя Жуков понравился бы папе: он весёлый, сильный, смелый. Учится лучше всех. Но, может быть, он задавака? Ни разу не подошёл к Матвею, не заговорил с ним. А Матвей сам навязываться не станет.

Девчонки... Что с них проку? Томка Русланова, похожая на колобок, без конца ко всем пристаёт: «Ой, ты, кажется, ногу ушиб? Больно? Давай перевяжу!», «Осторожно! Марусю с обрыва не столкните!», «Не плачь, Аллочка! Двойку исправишь. Хочешь, я тебе за обедом свой виноград отдам?»

Томка и к Матвею привязывалась: «У тебя голова не болит? Какой-то ты бледный. Давай отведу к сестричке, она тебе градусник поставит». И уже схватила Матвея за локоть. Он отпрянул: «Отстань!»

Соня Кривинская очень хитренькая, настоящая Лиса Патрикеевна. Говорит ласковым тоненьким голоском, а сама рада-радехонька что-нибудь устроить исподтишка. Как-то прицепила Марусе Петровой репейников на подол. У той всё платье слепилось, скомкалось. «И как это я в репейник села?» — удивилась Маруся. Томка помогала ей отцеплять колючки. Соня тоже удивлялась и сочувственно хихикала. А Матвей-то видел, как она подкралась к Марусе сзади и в

один миг прилепила к её платью целую горсть колючих комочков. Вздуть бы Соню хорошенько за такое ехидство. Но Матвей ничего не сказал. Потому что ему вообще не хотелось разговаривать.

— Подружился бы ты с кем-нибудь, — советовала Любовь Андреевна.

С кем же тут подружиться? Не с Окуньковыми же, которых прозвали «Окуньками»! Откуда взялись такие? Может быть, они ненормальные?

Несмотря на всё своё безразличие, на Окуньков Матвей смотрел с большим любопытством. Он даже не подозревал, что бывают на свете такие мальчишки...

ОКУНЬКИ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

— Повторяю условие задачи, — поглядывая на доску, где уже белеют цифры, говорит учительница Антонина Васильевна. — На стоянке такси было пятнадцать машин. Через минуту шесть машин подъехали, а девять машин уехали. Сколько машин осталось на стоянке?

— Бойкая стоянка! — замечает Митя Лихов.

И одновременно раздаётся голос Матвея Горбенко:

— Двенадцать машин осталось.

— Горбенко, тебя не спрашивают! Ты пиши вопросы словами. И чтобы каждое слово было написано красиво. Остальные пишут вопросы только цифрами. Что тебе, Лихов? Почему ты тянешь руку?

— Это, наверно, в Ялте стоянка, да? — курносая физиономия Лихова выражает крайнюю заинтересованность, тон у него самый невинный. — На Симферополь такси?

— Да, на Симферополь, — невозмутимо отвечает учительница, с удовольствием отметив про себя разочарование на лице лукавого мальчишки: не удалось затеять пустой разговор, оттянуть время. И получить замечание не удалось. На замечания Лихов специально «нарывается». Позлить учителя для него развлечение.

Но вот Окунькову нельзя не сделать замечание: он весь скрючился за партой.

Окуньков Витя, выпрямись!

Окуньков горбится ещё больше. Раздаётся его насмешливый голос:

— И вовсе я не Витя! Я Вова.

Ребята смеются. Посматривают на Окуньков и на учительницу.

Близнецы похожи настолько, что их часто путает родная мать. Приезжая за ними по субботам, она кричит Вите: «Вовка, иди скорей, пропустим автобус». А Вове: «Витька, кому я говорю, не убегай вперёд!» — «Ты говоришь это Вове», — злобно отвечает сыночек и убегает ещё дальше.

Братья просто одинаковые — на одно лицо. У них тот же нос и подбородок, те же глаза и щёки. Оба они белобрысые, с мелкими чертами, оба — мрачные неслухи, каких свет не видал. Они делают не то, что им велят, а как раз обратное.

Окуньков, которому Антонина Васильевна велела сесть прямо, стал ещё больше походить на вопросительный знак. Но и другой Окуньков, услышав приказ учительницы, согнулся в три погибели.

— Окуньков... Вова, — неуверенно добавив имя, говорит через некоторое время Антонина Васильевна. — Не верти ручкой! Ты нечаянно уколешь брата или уколешься сам.

Быстро завертелась ручка и в пальцах другого Окунькова. В пальцах первого она не переставала совершать вращательные движения.

— Может быть, вы иностранцы? — сдерживая раздражение, спрашивает Антонина Васильевна. — Не понимаете по-русски?

— Воны хранцузы! — весело провозглашает Лихов.

Ребята смеются.

— Ты не на уроке украинского языка, — холодно бросает Антонина Васильевна Лихову. — Кривинская, иди к доске.

Соня Кривинская — тоненькая, гибкая, с острым личиком и тёмными, гладко прилизанными косичками. Весь урок по непонятной причине она сидит на своём пенале. Когда Соня

встаёт, круглый пенал падает и с грохотом катится по полу. Успевшая сделать несколько шажков Соня растерянно оглядывается.

— Потом поднимешь. Пиши на доске, как ты решила задачу. — Антонина Васильевна ходит по рядам, заглядывая в тетради.

У Матвея Горбенко полстраницы исписано крупными корявыми цифрами. Он решил задачу тремя способами и начал писать вопросы словами. Сдвинув чёрные брови, исподлобья покосившись на учительницу, Матвей выводит:

«Ск. буде машин, если...»

— В слове «будет» букву «т» потерял. Напишешь, сколько успешешь. Главное — аккуратно, красиво.

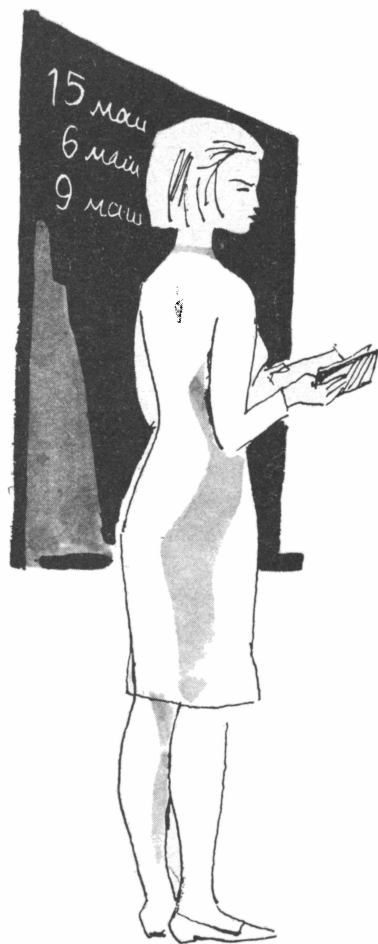
Буквы у Матвея безобразные. Вдобавок, он отчаянный мазила. Уроки арифметики Антонина Васильевна старается использовать для Горбенко как уроки чистописания. Задачи для второго класса ему, как говорится, на один зуб, даже на ползуба.

Дня через три после того, как Матвей появился в интернате, Антонине Васильевне подали в учительской радиogramму:

— Это с корабля. От отца нового ученика Горбенко. В вашем классе мальчик.

С недоумением читала учительница напечатанные на машинке строчки:

«Глубокоуважаемый товарищ учительница запятая чтобы мой сын Матвейка Горбенко очень не скучал запятая давайте ему по-

чаще всякие задачи точка Потруднее запятая пожалуйста точка С уважением Степан Горбенко точка».

Внизу приписка чернилами:

«Проверено: потруднее, пожалуйста».

«По арифметике задачи? — думала учительница. — Но что за «потруднее» для второго класса?»

Давно она уже не удивлялась. Посмеивалась в учительской:

— Хорошо, что отец его ещё логарифмам не научил.

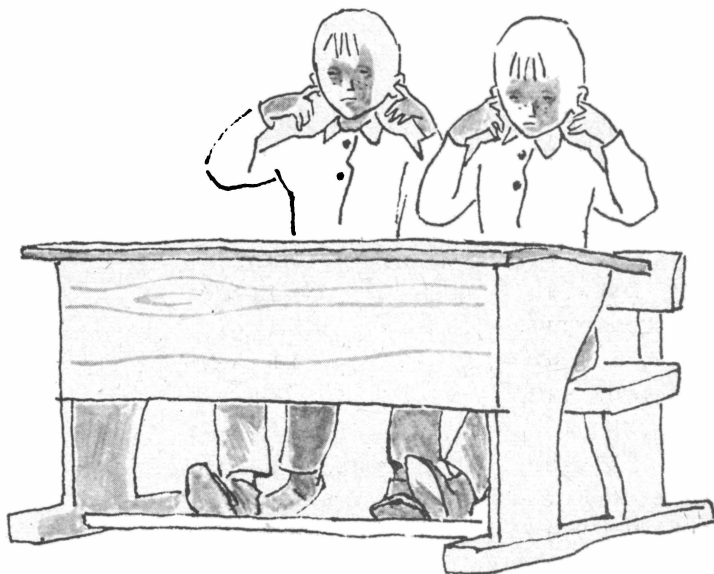
Антонина Васильевна подходит к Соне Кривинской:

— Неужели тебе внизу доски мало места?

Соня пишет, зачем-то становясь на цыпочки, вытягивая руку. Но соображает она хорошо. Задача решена правильно.

— Разбираем задачу. У кого решено не так, как у Кривинской? Окуньков (имя она воздерживается упоминать), посмотришь в окно на перемене. Слушай внимательно!

Нет, это просто что-то немыслимое! Тот Окуньков, у которого голова была повернута к окну, прикрывает уши руками. Поглядев на него, брат также тянет руки к ушам.

Антонина Васильевна делает вид, будто не замечает, что близнецы всё делают назло. Она продолжает вести урок. Спокойно, чётко, неторопливо, хотя внутри у неё всё кипит.

Не забыть сразу после звонка отправить Лихова в умывалку: руки у него такие, точно он копался в ящике с углём или неделю не умывался.

Матвей Горбенко посматривал на неё вопросительно и умоляюще. Эти взгляды ей понятны. У них договорённость: если он напишет цифры и слова чисто и красиво, в награду она даст ему после уроков какую-нибудь интересную задачу. Сегодня придётся ему сказать: «Не заслужил. Надеюсь, что завтра ты напишешь лучше». И у Матвея сразу станет капризное, сердитое лицо. Вот ещё неожиданная забота! Запасай занимательные задачи. Кстати, не забудь и сама их предварительно решить, чтобы объяснить хорошенько, если понадобится, ответить на вопросы. Уже Любовь Андреевна послала в Москву и в Ленинград телеграммы друзьям: «Пришлите любые сборники занимательных задач. Крайне необходимо».

А в окна класса вливается запах роз и разогретой на солнце хвои. В саду поют птицы, доносится манящий плеск моря. И очень странно, что учебный год уже начался два месяца назад. Антонине Васильевне всё время кажется, что при такой погоде вот-вот наступят летние каникулы. Ведь в ее родном Подмоскovie сейчас поздняя осень, осыпаются листья, моросит дождь, под ногами слякоть. Молодая учительница ловит себя на том, что ей очень хочется и дождя, и слякоти, и мокрых, поникших под ветром берёз...

ДЕВОЧКА В БАЛКЕ

Георгины красовались посреди клумбы. Горделиво поднимали они свои головки, будто сделанные из тёмно-красного бархата. Окаймляли клумбу хризантемы, лиловые, оранжевые, белые. Их изогнутые лепестки — длинненькие шёлковые

язычки — причудливо переплетались. Под окнами, источая тонкий аромат, цвели розы.

Матвей бродил по дорожкам, цепляя ногу за ногу, и угрюмо разглядывал цветы.

«В нашем садике они ещё лучше! У бабушки есть георгин величиной с блюдце. Совсем чёрный. Мама его называет «ночь без луны». Называет? Называла, а не называет...»

Глядя под ноги, чтобы не видеть цветочную пестроту, Матвей торопливо зашагал в боковую аллею.

За живой изгородью из буксуса, между серых стволов платанов, мелькают фигуры ребят. Доносятся взрывы смеха, возгласы. Там спортплощадка. Ребята играют в волейбол. И за углом здания весёлые крики. Во что там играют? Пронзительный голос Лихова: «Слабó поймать! Слабó!» Наверно, второклассники гоняются в пятнашки. Матвей приостановился. Секунду помедлив, зашагал быстрее. Нет, он не хочет идти к ребятам.

Зáросли бузины, усеянной мелкими чёрными ягодами. Дальше еле заметная тропка круто сбегает вниз. Весь обрыв в густых деревьях и кустах. Здесь Матвей ещё не бывал. Вот где в прятки-то играть! Он полез вниз по склону. Под ногами захрустели сучки, опавшие листья.

— Да тише ты!

Чей это возмущённый шёпот?

Матвей замер и, рукой держась за ветку, стал озиаться. Внезапный треск: сухая веточка обломилась. Мальчик пошатнулся, шлёпнулся на землю, на штанах сполз в балку.

— Хуже медведя! — жалобно воскликнул тот же голос.

Вечернее солнце играло на жёлтых, красных, зелёных листьях. Среди вырезной листвы, солнечных и теневых пятен мелькнули два светлых, прозрачных глаза. Они в упор, с упрёком смотрели на Матвея. Наконец-то он понял, кто его обругал!

Русоголовая девочка, года на три старше Матвея, сидела на земле, поджав ноги, затаившись в кустах. Если б не заговорила, ни за что бы он её не заметил. Стараясь не очень хрустеть, Матвей пробрался по дну балки, остановился шагах в двух от девочки.

— Садись, раз уж прилез, — со вздохом сказала девочка. — Всё равно всех распугал.

Матвей опустился на корточки

— Кого я распугал?

— Птиц, конечно.

— Птиц?

— Ну да. Перед тем, как ты начал валиться мне на голову, прилетала сойка. Очень интересная птица. Красивая, а характер плохой: крикунья и драчунья. Ты знаешь, как кричат сойки?

Матвей покачал отрицательно головой.

— Они скрипят. Вот так... — девочка слегка приоткрыла губы, и вдруг послышался странный звук, похожий на скрип.

Глубокие, широко расставленные глаза смотрели куда-то вдаль. Всё лицо девочки с мягким, чуть вздёрнутым носом, мягкими губами и круглым подбородком дышало задумчивостью. А негромкий скрип всё раздавался. Матвею не верилось, что скрипит вот эта самая, очень простая, обыкновенная девчонка. Он даже оглянулся. И вдруг резко скрипнуло где-

то у них над головой. Щёки девочки порозовели, она вся просияла, зашептала радостно:

— Отозвалась! Отозвалась! Ты слышал, как крикнула сойка? Слышал?

Матвей пожал плечами. Слышал-то он слышал, но, может, то скрипнуло дерево? Да уже и не скрип, а звонкая трель рассыпалась внезапно в кустах.

— Зяблик! — чуть слышно произнесла девочка.

И сейчас же сверху донеслось:

— Матвей! Матве-ей!

Матвей узнал голос воспитательницы.

А вот и ребячья разноголосица:

— Ма-атвей! Матю-ха-а!

— Кого-то зовут, — сказала девочка. — Ищут, видно.

— Да, — сказал Матвей, продолжая неподвижно сидеть на корточках.

— Матве-ей! Горбе-енко!

— Какого-то Матвея зовут.
А тебя как зовут?

Матвей промолчал.

— Матвей! Мат-ве-ей! — крики раздались ближе.

— Вот так, — сказал, помявшись, Матвей.

— Что «вот так»? — не поняла девочка.

— Вот так меня и зовут.

— Как это — «вот так»? Что ты бормочешь?

— Матвей! Матвей! — неслось над обрывом.

— Как кричат, так меня зовут, — хмуро объяснил Матвей.

— Матвеем, что ли? Ой, так это тебя ищут? Так бы и сказал. Почему же ты не отзываешься?

— Не хочу.

Девочка пристально посмотрела ему в лицо, подумала.

— Знаешь, не всегда приходится делать то, что хочется. — В её голосе прозвучала грусть.

А у Матвея, как ни странно, почему-то вдруг стало легче на душе.

— Ты тоже пойдёшь? — спросил он.

— Пойду. Всё равно скоро начнётся приготовление уроков.

Она взяла его за руку. Вместе, хоть и по крутому склону, они быстро вылезли из балки. Когда шли по аллее, девочка сказала очень серьёзно:

— Ты какой-то смешной. Чем-то напоминаешь мне птенца галки, который выпал из гнезда.

Матвей не знал, обидеться ему или нет. Пока он раздумывал, они почти подошли к интернату.

— У меня есть Чикот, — сказала девочка. — Хочешь, покажу?

— Да, — сказал Матвей, хотя даже представить себе не мог, что это такое.

В это время они вышли на площадку перед интернатом. У подъезда стояла Любовь Андреевна, окружённая второклассниками.

— Вот он! Вот он! — закричали ребята, увидев Матвея.

— Наконец-то! — сказала Любовь Андреевна. — Спасибо тебе, девочка, что привела нашего Матвея, мы его давно ищем. Ты ведь, кажется, из пятого класса?

— Да, я из пятого, — ответила девочка.

— А зовут тебя как?

— Федотова Стеша.

— Ну, ещё раз спасибо, милая Стеша. Нам надо идти учить уроки, а тут мальчик пропал...

Матвею воспитательница ничего не сказала, только посмотрела на него долгим взглядом и вздохнула.

СТЕША И ПТИЦЫ

По дну балки протекал ручей. На камне у самой воды сидела трясогузка. Серо-стальная, вся тоненькая, изящная птичка сливалась с серым камнем. Её бы и не заметить,

если б не хвостик. Длинный тонкий хвостик непрерывно дрожал.

Притаившись за толстым стволом граба, Стеша с улыбкой смотрела на трясогузку. «И что ты всё время трясёшь своим хвостиком? Зачем? Почему? Надо будет спросить у дяди Миколы. Он столько знает о птицах и зверях».

Трясогузка перепрыгнула с большого камня на маленький, напилась из ручья, запрокидывая голову, и упорхнула.

Тишина какая. Веточка не шелохнётся. Воздух прозрачен и чист. Вершина утёса над Стешиной головой вырисовывается так чётко, что виден каждый излом, каждая трещина. Кажется, протяни руку — и дотронешься до каменного зубца. На самом деле до утёса не одна сотня метров. Вот поднимется солнце повыше, и с моря потянет ветерком. А пока солнце низко — затишье. Так часто бывает. Отчего?

Солнце вылезает из-за гор гораздо позднее, чем даже две недели назад. Прежде Стеша быстро одевалась и бесшумно выскальзывала из спальни часа за два до завтрака, а теперь раньше семи и подниматься не стоит: всё равно птицы спят. Осень. Золотая, сухая, привольная...

— Тинь-тинь-тинь!

Синицы звенят. А вот короткая переливчатая трель. Зяблик? Как будто. Но она не уверена. Может быть, так нежно и звонко пропела пеночка. Или зеленушка. Непременно надо научиться всех птиц различать не только по виду, а и по голосу.

— Тук-тук! Тук-тук-тук!

Ну, этого красноголового истребителя короедов только глухой не распознает.

Девочка стояла неподвижно, чутко вслушиваясь.

В балках, в оврагах, заворожённая прелестью раннего утра или уходящего дня, она забывала обо всём. Были кругом листва, камни, вода ручьёв, небо. Были птицы. А самой Стеши точно не было.

И точно не было никогда ничего плохого на свете, ни попрёков и брани тётки, у которой лет пять она жила после смерти матери и которую потом, на Стешино счастье, посадили в тюрьму за спекуляцию. Ни дум об отце, кто он был? Ни

сознания своей нескладности, неумелости во многом. Ни даже противной арифметики. Ничего, ничего плохого не было, а только радость, свет, голоса птиц, желание узнать о них как можно больше...

Стеша умела подолгу стоять или сидеть не шелохнувшись. Наверно, птицы принимали её за деревцо или просто считали своей, понимали, что она их не обидит. Они её не боялись, подлетали совсем близко, садились на ветки над самой головой.

В кустах сильно зашуршало. Ох, эти дрозды! Один дрозд способен шуршать, как десять мышей. Всегда они двигаются, бегают, суетятся. Беспокойные, милые птицы!

Верхушка утёса порозовела. Ой, не опоздать бы к завтраку! Стеша выбралась из балки и помчалась в интернат.

ТОЖЕ „ОКАЗИЯ“

Что такое чи-кот? Этот вопрос не давал Матвею покоя.

Девочка, которую он встретил в балке, сказала: «У меня есть чикот. Хочешь, покажу?» Тогда они уже подошли к интернату, спросить ни о чём не удалось. Воспитательница уела второклассников готовить уроки, а девочка куда-то убежала. Потом Любовь Андреевна читала им вслух книгу, потом они ужинали. После ужина ходили ненадолго гулять в лесок. Потом улеглись спать. Матвей запомнил, что девочку зовут Стешей и что учится она в пятом классе. В столовую они ходили в разные смены, а где пятый класс, он не знал. Противная девчонка! Зачем же она обманула его? Обещала показать какой-то «чикот» и не показывает!

Безразличным тоном Матвей спросил маленького Воронкова:

— Ты никогда не видел чикот? Говорят, интересная штука. Но я как-то забыл, что это такое?

Воронков заморгал.

— В жисть не слыхал такого слова. Может, это какая-нибудь порода слона?

— Сам ты слон! — Матвей с досадой отошёл от Воронкова.

К такому глупенькому не стоило и обращаться. Ведь если бы у девочки из пятого класса был слон, об этом знал бы не только весь интернат, а, наверно, весь Крым.

Нигде Стеша Матвею не попадалась. И неудивительно. Ребят в интернате много. Целый день все чем-нибудь заняты. Каждый класс — своими делами.

Пионеры устраивают сборы. Случается, уходят куда-нибудь. На экскурсии, может. Кто знает. У старших ребят другая, более сложная жизнь. Первый и второй классы в этой жизни участия не принимают. Впрочем, и третий класс не принимает.

С третьим классом вообще случилась «оказия», как сказала ночная няня. Матвей решил, что «оказия» — это слово для обозначения карантина. Можно сказать «карантин», а можно — «оказия».

Дело в том, что в третьем классе один мальчик заболел скарлатиной. Теперь третьеклассники гуляли отдельно, вдали от всех, их позже всех приводили и в класс, и в столовую, и в спальни. Когда они проходили по коридору, то другим ребятам не позволяли к ним приближаться. Издали некоторые третьеклассники показывали язык, дразнились, очевидно, гордась своей «оказией».

Найти сразу человека из другого класса и так-то было не просто. А тут ещё и Любовь Андреевна заболела. Не скарлатиной, на «оказию» её не посадили, но всё равно в интернат она не пришла. Учительница Антонина Васильевна задержалась с ними после уроков, сама отвела их в столовую. Когда второклассники готовили уроки, за ними присматривала чужая воспитательница, кажется, из четвёртого класса.

А к концу «самоподготовки» к ним в класс вдруг прибежала шестиклассница Тоня. Эта длинноногая девица, почти такая же вертлявая, как Митька Лихов, объявила:

— Я член учкома и пока буду за вами присматривать. Ну-ка, живо построиться!

На площадке перед интернатом Тоня ни с того ни с сего

заставила их делать зарядку. И при этом громко командовала:

— И раз! И два! И три!

Наверно, ей показалось, что она на уроке пения руководит хором. От неожиданности её слушались даже Окуньки.

Когда они закончили зарядку небольшой маршировкой, Тоня милостиво разрешила:

— А теперь играйте! Играйте, малыши, а я немножко почитаю.

Она уселась на скамейку под олеандром с книжкой в руках. Но стоило кому-нибудь из второклассников отбежать за угол здания или в одну из аллей, как Тоня вскакивала, ястребом бросалась на того, кто посмел хотя бы на секунду скрыться с её глаз, и притаскивала нарушителя обратно на открытое место. Если кто сопротивлялся, Тоня прикрикивала:

— Поартачься у меня! Я член учкома!

При Любови Андреевне Матвей отставал, уходил в сторону, а то и совсем убежал. Ему часто удавалось побродить одному.

Сейчас уйти и поискать Стешу было ему просто необходимо. Но при первой же попытке улизнуть Тоня за рукав извлекла его из кустов жимолости, куда Матвей углубился, чтобы потом незаметно исчезнуть.

— Это ещё что? — закричала она. — Изволь играть на виду! И только посмей не слушаться!

Весь красный от обиды, Матвей так и остался стоять у кустов с низко опущенной головой, сжав губы, чтобы не заплакать.

И он был очень рад, что никто на него не смотрел, потому что все глядели на Лихова.

Лихов влез на грецкий орех, почти на самую верхушку, и закричал оттуда:

— Ой, член учкома, я, кажется, убежал!

— Слезай сейчас же! — крикнула Тоня, отбегая от Матвея.

Но Лихов кривлялся в ветвях, как обезьяна, корчил ро-

жи, размахивал руками, а слезать и не думал. Ребята смеялись ужимкам Лихова.

— Сломаешь ногу — я не отвечаю! — задрал голову, сердито заявила Тоня.

С гордым видом она уселась на скамейку и открыла книгу. Однако через две-три минуты захлопнула её и вскочила, беспокойно оглядываясь:

— Что такое? Мальчишек вроде стало меньше?

Ещё бы не меньше! Пятеро мальчиков притаились за толстым стволом ореха и там хихикали, а Воронков спрятался под скамейкой — он как раз там уместился.

— Мальчики, не надо дразниться, — уговаривала Томка, которая пожалела даже лютую шестиклассницу. — Будем играть на виду, не надо убегать.

Но в эту минуту Тоня прикрикнула за что-то на Соню Кривинскую, и Томка сразу встала в воинственную позу:

— Да что ты на неё кричишь? Что она тебе сделала? Смотри, она сейчас заплачет.

Соня Кривинская захныкала и кулаком пыталась выжать слезинки из левого глаза. Правым сощуренным и смеющимся глазком она наблюдала за раскрасневшейся сердитой Тоней.

«Кривляка какая!» — поду-

мал Матвей. Внимательно следил он за всем, прекрасно видел, что Соня едва удерживается, чтобы не рассмеяться, и удивлялся простодушию Томки.

Вдруг несколько ребят кинулись к человеку, вышедшему из аллеи.

— Сергей Петрович, она на нас всё время кричит!

— Нас-то зачем она карантинит? В нашем классе скарлатины не было!

— Скажите ей, Сергей Петрович, что мы не дошкольники!

Немного смущённая, Тоня, накручивая на палец косу, подошла к директору школы.

— Сергей Петрович, мне поручили за ними смотреть до ужина, а они не слушаются! Ужасные ребята! Всё время разбегаются, и вообще...

— Ну и пусть побегают, — спокойно сказал директор. — Никуда не денутся. Ничего. Не надо, Болдина, их карантинить. — Он усмехнулся и неторопливо зашагал по асфальтовой дорожке, огибавшей интернат.

При появлении директора Лихов спрятался в ветвях ореха. Теперь ему показалось, что директор уже ушёл. Лихов высунулся из густой листвы и крикнул:

— Члену учкома — ку-ку!

— Видите, какие они невозможные! — обиженно закричала Тоня.

Сергей Петрович обернулся на ходу и погрозил пальцем в сторону ореха. В этот момент взгляд его упал на мальчика у кустов жимолости. Чёрный, как жук, кудрявый, худой мальчишка стоял, расставив ноги, и смотрел на него исподлобья, пристально и странно. «Что это он?» — подумал директор. Сергей Петрович вспомнил, что мальчик этот — сын геофизика, уехавшего в экспедицию.

Многое знал директор о каждом из своих воспитанников и теперь в одну минуту перебрал в памяти то, что знал о воспитаннике Горбенко: упрямый, нелюдимый, плохо привыкает к коллективу, избалованный дома, страстный математик... «Но почему он так смотрел на меня? Хотел о чём-то спросить и не решился? Не похоже. Надо бы остановиться,

поговорить с ним, но уж очень некогда... Тысячи дел ждут... Вернуться, что ли?»

Досадуя на себя, директор всё-таки не вернулся. Но, если бы и вернулся и заговорил с Матвеем, тот ни за что не признался бы, что так поразило его в директоре.

Когда Сергей Петрович сказал «ничего», а потом усмехнулся, Матвей вздрогнул. Ему вдруг послышался голос отца.

Отец был выше ростом, худощавее, и лицо у него, конечно, было совсем другое. Но что-то в манере говорить и усмехаться было очень-очень похожее. Как Матвей прежде не замечал? Ведь он уже не раз видел директора.

И так вдруг Матвею захотелось, чтобы оказался возле него папа, что Матвей даже ногой топнул о землю и сжал кулаки. Потом глубоко вздохнул, презрительно оглянулся на Тоню, которая о чём-то разговаривала с девочками, и решительно стал пробиваться сквозь кусты в сторону спортплощадки.

Как удачно вышло, что он крепко зацепился рукавом за сучок! Пока отцеплялся, услышал радостные возгласы ребят и чей-то голос, показавшийся ему знакомым:

— Отойдите! Вы его испугаете!

Любопытство заставило Матвея вылезти из кустов обратно на то место, где сторожила второклассников шестиклассница Тоня.

ЧИКОТ

Кто стоял посреди площадки в толпе ребят? Стеша! Она держала в руках клетку с какой-то птицей.

— Расступитесь пошире! — приказала Стеша.

Ребята расступились, образовав широкий круг. Над всеми возвышалась Тоня, очень довольная, что никто не убегает. Лихов и тот живенько спустился с ореха. Матвей протиснулся вперёд.

— Вообще незачем его тут прогуливать, — проворчала Стеша, — ну, да уж ладно. Полюбуйтесь на Чикотушку.

Она поставила клетку на землю, нагнулась, открыла дверцу и отошла в сторону:

— Выходи, разомни свои ножки, побегай!

Птица высунула из клетки голову, повертела ею в разные стороны, протрещала тревожно:

— Чкт! Чкт! Чкт! Тр-р-цип!

Ребята рассмеялись.

— Тише! — сказала Стеша.

Выпрыгнув из клетки, птица ещё осмотрелась и забегала по земле.

Была она ростом с небольшую галку, вся чёрная, как уголь, только клюв жёлто-белый и вокруг глаз бурые ободки. Одно крыло у птицы было прижато к боку, другое опущено и слегка волочилось. На этом опущенном крыле белел бинтик.

— Тр-р-чк-чок! — прокричала птица.

— Сердится, — промолвила Стеша, — зачем народу много.

Она порылась в кармане платья, присела на корточки, раскрыла ладонь. Бочком-бочком птица подскочила и стала клевать крошки со Стешиной руки.

— Это какая птица? — спросила Тоня. — Галка?

— Дрозд! — ответила Стеша. — Неужели ты дроздов не знаешь? Их здесь полно. Постоянные жители. И на зиму не улетают. Чикот — чёрный дрозд. А бывают всякие: серый, белозобый, певчий, каменный, даже синий и голубой, только те в Африке живут. А Чикот — простой чёрный дрозд.

Матвей рассматривал птицу с интересом, но и с разочарованием.

Конечно, он не думал, как Воронков, что Чикот — слон. Но всё-таки был уверен: это что-то необыкновенное. А оказывается — простой чёрный дрозд. Правда, презанятный.

Чикот опять сновал по земле. Не разглядеть, как он ножками перебирает. И не скачет, как воробей, а бегают. Быстро-быстро. Точно по льду скользит.

— Девочка, что у него с крылышком? — спросила Томка.

— Надломлено было, — сказала Стеша. — Наверно, сойка напала. Сейчас почти срослось.

— Ты его нашла, этого дрозда? — спросила Клава Гущина.

— Нашла, конечно. Не сам же прибежал, попросил: «Перевяжи мне крыло». Смотрю, на земле трепыхается, взлететь не может, и поймала. Дрозды вообще невеликие летуны. Низко летают. Это бегающие птицы.

— Дай поддержать твоего... — попросил Лихов, — как ты его называешь?

— Чикота, — подсказал Матвей.

И все стали просить:

— Можно поглажу? Позволь потрогать!

Но Стеша замотала головой:

— Ни-ни-ни! И не думайте! Птиц вообще гладить не надо. Это не кошка и не собака. Дрозды ведь пугливые. Говорят, дрозды когда-то совсем были дикие, жили только в лесах, не подпускали близко человека. Но уже давно они стали селиться в садах, в парках, привыкли к людям и сильно одомашнились. Я не замечаю в Чикоте особенной дикости, он ко мне скоро привык.

Лихов подмигнул Тоне:

— А ты знала, что дрозды одомашнились? Мотай на ус, член учкома!

Тоня покраснела:

— Нахал! Как ты смеешь всё время дразниться? Я...

— Член учкома — знаем! — ухмыльнулся Лихов.

Тоня схватила Лихова за плечо и стала колотить кулаком по спине, приговаривая:

— Получай! Получай! Завтра ваша воспитательница придёт, я ей на тебя нажалуюсь, хулиган! А сегодня получай за своё нахальство!

— Ой, караул! Убивают! — хохотал Лихов. Он вырвался, отбежал в сторону, издали проговорил с некоторым уважением: — А у тебя кулаки крепкие, ничего!

Во время этой короткой шумной потасовки Чикот почти прижался грудью к земле, замер на секунду, потом заметался, заскользил вокруг клетки.

Все — и Стеша тоже — смотрели на Тоню и Митьку Лихова. А Матвей смотрел на Чикота. И поэтому заметил, как Соня Кривинская поспешно шагнула к дрозду, торопливо протянула руку...

Но ей не удалось нарушить запрет: Стеша схватила Соню за руку:

— Это что? Сказано — нельзя! Хотела воспользоваться, что все отвлеклись? Так нечестно!

У Сони всё лицо и шея залились алой краской.

— Идиотская птица! — сказала она презрительно. — Кому она интересна?

— Неправда! Неправда! — заговорили ребята. — Ну что ты, Соня! Очень интересно.

Всё-таки Стеша ловко взяла Чикота в руки и посадила его в клетку:

— Ладно... И так у него сердце бьётся.

— Ну подожди! Пусть ещё побегает! Не уходи! — просили ребята.

Однако Стеша с непреклонным видом подхватила клетку с Чикотом и унесла её в интернат.

— А всё Соня! — упрекнул кто-то из мальчиков.

— Недотрога какая — подумаешь! — обиженно заявила Соня. — Уж и не тронь и не взгляни!

Тоня захлопала в ладоши:

— Тихо, тихо! Ну, как вы будете играть? Играйте, детки, играйте!

— Лучше расскажи нам что-нибудь интересное! — попросила Маруся Петрова. — Любовь Андреевна часто нам рассказывает.

— Ещё и рассказывать вам! — недовольно протянула Тоня.

Но раздался гонг. Ударили в кусок рельсы, висевшей на дереве у кухни. Пора было идти ужинать. Сразу приободрившись, Тоня стала строить второклассников в пары.

ДЯДЯ ЧЕРТОПОЛОХ

— Что ты за мной ходишь?

Стеша обернулась и посмотрела на Матвея.

Матвей молча остановился на дорожке, нагнулся над клумбой, будто разглядывая увядшую растрёпанную астру. Он и сам толком не знал, почему его так тянет к этой девочке, изрядно ворчливой и сердитой.

Ребята из их класса постоянно звали его играть. Часто подступали с разговорами. Особенно девочки. Томка, та вечно на него наседала: «Матвейка, идём играть в мяч, ты будешь водить!», «Матвейка, ешь побольше! Ты в интернате похудел, а мы все поправились». Это надоедало, но было ясно, что Томка хочет ему добра.

И ребята и воспитательница были к нему очень даже хороши, он это понимал. Но убегал от них при первой же возможности.

Стеша не звала его, а, наоборот, прогоняла. И всё-таки он шёл к ней, едва замечал одну, без пятиклассников. Вдруг она прокричит сойкой или дроздом? Вдруг поймает какую-нибудь птицу прямо у него на глазах? Вот он уйдёт прогнанный, а тут как раз и случится самое интересное.

Сердитый тон Стеши не обижал его. Он не верил, что она сердится на него по-настоящему. Просто ей, наверно, тоже скучно в интернате и тоже хочется домой.

Стеша ушла вперёд по дорожке. Вдруг она воскликнула жалобно:

— Дядя Микола! Ну что он за мной ходит и ходит?

Седой загорелый старик поливал цветы из большой лейки. Услышав Штешину жалобу, он поставил лейку на землю:

— Вот тот хлопчик, шо посохшие астры разглядае, за тобой ходит? Нехай ходит! Чи тоби жалко, товарищ орнитолог? Ведь он не какой-нибудь там хулиган или шо. Дюже гарный хлопец! — Старик шагнул к скамейке и опустился на неё. Вытянув из кармана платок, вытер плешь. — Поливка закончена. Треба трохи отдохнуть.

Стеша тоже села на скамейку.

— А что вы сами поливаете, дядя Микола? Где ваши цветоводы-садоводы?

— Куда-то побегли. Мабуть, к морю с воспитательницей подались. А от малышей проку с воробьиный носок, потому и пособлять не прошу. Пока я одну лейку принесу, им надо десять леечек натаскать. Вот на будущий год будут у нас седьмые, а там, глядишь, и восьмые классы. То будут помощники. Мы с ними тут разведём посадки!

Интернат существовал всего второй год. В него приняли младших учеников. Ребят старше шестого класса ещё не было.

— И теперь от ребят помощи много, — рассуждал старик. — Яблоки и груши на плодовом участке сами снимали, землю рыхлили сами. На помощников своих я не жалуюсь... Ходи сюда, орёл! Посиди с нами. Мы не кусаемся, нет! — Это было сказано Матвеем, который с безразличным видом стоял поодаль на дорожке.

— Иди, Матвей! — разрешила Стеша. — Ты, может быть, ещё и с дядей Миколой не знаком? — И объяснила с гордостью: — Наш дядя Микола и садовник, и цветовод, и охотник, и...

— И кочегар нашего интернату по своей основной, значит, должности. — Старик рассмеялся дробным смехом. Потрепал по плечу присевшего на кончик скамьи Матвея. — Не журишь, Матвей! Всё будет у полном порядке.

— Он очень застенчивый, — сказала Стеша.

— Ну, и шо такое? Или ты хочешь, чтоб он был нахальный, как те синицы, шо в августе мой садочек атаковали? До того же нахальны синицы — сил нет! Я палю из ружья, а им хоть бы шо! Персики клюют напропалую, у моей старухи чуть не с рук вырывают! Не иначе из Турции прилетели, бо шибко голодные.

— Ну, уж из Турции! — улыбнулась Стеша.

— И очень даже просто. Откуда-то ж они налетели, как всё равно якие собаки прожорливые. Пока море перелетали, с самой Турции до моего садочку, шибко оголодали. Ну, пора до дому. — Дядя Микола поднялся. — Сильно задержусь — старуха меня съест. Бо строга у меня старуха. Дэмон!

Стеша расхохоталась.

Матвей удивился: никогда ещё он не видел Стешу такой весёлой.

— Чистый дэмон! — повторил старик. — И не смотрит, что я как-никак гвардии старшина Чертополох. В войну был. Так-то! Ну, бувайте здоровеньки. До побаченья!

— До свиданья, дядя Микола. Тёте Доне привет!

Подмигнув Стеше, старик ушёл, прихватив с собой лейку и насвистывая какую-то песенку. Стеша и Матвей остались сидеть на скамейке.

— И всё-то он шутит, дядя Микола, — сказала Стеша.

— А почему он сказал про чертополох? — спросил Матвей.

— Фамилия у него такая. Он же украинец. Украинские фамилии всякие бывают... Ну, чего ты сидишь? Ступай! Тебя уже, наверно, ищут.

— Я сказал воспитательнице: «Вон идёт Стеша. Я пойду к ней».

— А воспитательница что?

— Говорит: «Ну, пойдёшь. Только ненадолго».

— Уже «надолго». Иди, иди к своим второклассникам. А я делом займусь, слышишь? Ты, конечно, не как те синицы, но всё же...

Матвей встал и побрёл прочь. Но далеко не ушёл. Свернул за толстый, весь в разноцветной листве клён, за кустами снорени осторожно пробрался обратно к скамейке, притаился за Стешинной спиной.

Что она станет делать? А ну как вытащит из кармана какую-нибудь птичку или зверька и начнёт это животное прогуливать? Или подманит к себе кого-нибудь?

Вон Стеша и с дядей Миколой, как видно, хорошо знакома. А это старик особенный: и садовод, и кочегар, и охотник, и неизвестно, кто ещё.

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ НА ДЕВЯТЬ

Стоя в кустах, Матвей вытянул шею: Стеша и в самом деле засунула руку в карман передника! Но извлекла она из кармана не птицу и не зверька, а всего лишь несколько тетрадных листков и карандаш.

«Письмо будет писать», — разочарованно подумал Матвей и хотел было уйти: как-то неловко подглядывать за челове-

ком, когда он пишет письмо. Тем более, что дело это ужасно трудное и нудное...

Но опять он не угадал. Стеша не стала писать. Наморщив лоб, она смотрела на листок бумаги и шептала:

— Значит, в двадцати пяти ящиках по десять с половиной килограммов помидоров в каждом, а ещё в скольких-то по двенадцать и две пятые... И что же, в конце концов, получится?

Никак.она решает задачу? Матвей сразу заинтересовался. Крадучись вылез он из кустов позади скамейки, встал за спиной у Стеши. Он напряг слух, а Стеша бормотала без конца, записывала арифметические действия, положив бумагу на скамейку. Вскоре Матвей разобрал всё условие задачи. В сорока ящиках было разное количество помидоров, надо было сосчитать, сколько их всего.

— Господи, как хочется помидоров! — пробормотала Стеша. — Значит, двенадцать и две пятых килограмма. И это надо помножить на... Но как помножить две пятых?

— А зачем тебе какие-то две пятых помножать? — нечаянно сказал Матвей. — Ты помножь четыреста граммов на пятнадцать ящиков.

Стеша вскочила, роняя бумагу и карандаш.

— Как ты меня испугал! Ты опять прилез?

— Я хотел уйти. А потом вижу, ты задачу решаешь. А почему? Ведь уроки уже учили.

— Я не решила задачу.

— Как же тебя воспитательница отпустила?

— А я соврала, что решила.

Матвей сказал неуверенно:

— Врать нехорошо, да?

— А кто говорит, что хорошо? — рассердилась Стеша. — Так я и есть нехорошая, ленивая. Арифметику я просто ненавижу. Была б арифметика живая, я б её убила.

— Ну что ты! — воскликнул испуганно Матвей. — Да ты только так говоришь. Ты бы не убила. Ты хорошая.

— Уж куда лучше! — насмешливо скривилась Стеша. — Если хочешь знать, я из-за этой арифметики еле в пятый класс перелезла. Отойди! Дай я хоть что-нибудь попробую сообра-

зить. Вообще эта задача нетрудная. Только дробь... как помножать две пятых?

— А зачем? Я тебе говорю, помножь четыреста граммов.

— Да какие четыреста граммов? Откуда ты их взял?

— Там у тебя ещё есть полкило. Тоже надо помножать. Но ведь полкило — это пятьсот граммов. Об этом все на свете знают, даже бабушка.

— Ну, и я знаю, что полкило — пятьсот граммов. И что же?

— А пятая часть кило — это сколько? Это двести граммов. Но их две пятых части, значит, четыреста граммов. Вот ты сперва килограммы помножь на ящики, а потом граммы, и сложи. В общем, всего будет... — Матвей подумал, пошевелил губами и выпалил: — Четыреста сорок восемь килограммов и пятьсот граммов. Вот как много помидоров в сорока ящиках!

На секунду Стеша замерла, удивлённо приоткрыв рот. Потом воскликнула:

— Ой! Как ты мог всё так сразу сосчитать? Это просто поразительно! Я помню ответ. Или ты его где-нибудь подглядел?

— Где же я мог подглядеть? Сосчитать недолго. Но дробь! Что это — дробь? Я только слышал. Ты мне объяснишь дробь? Пожалуйста!

Стеша с огорчением покачала головой.

— Я и сама не понимаю дробей. Всегда путаю, где числитель, где знаменатель. Всё-таки как ты так сосчитал? Ты же ещё маленький!

— Я не маленький. А считать меня научил папа.

— Так у тебя есть папа?

— Есть. Над ним летают рыбы.

— Что-что? Рыбы летают? Но где же он? Летают рыбы только в тропических океанах.

— Он и плавает в каком-то океане. В письме он написал, что рыбы иногда летают прямо над его головой. А у тебя тоже папа уехал?

Стеша нахмурилась. Помолчав, ответила с запинкой:

— Никого у меня нет. Никого. А папы у меня никогда и не было...

— А кто же у тебя дома? Вот когда ты едешь домой на воскресенье?

— По воскресеньям я чаще всего хожу к дяде Миколу. Он живёт в посёлке. Иногда здесь остаюсь. В интернате много ребят остаётся. Разве ты не замечал?

— За мной бабушка приезжает в субботу пораньше... — Матвей смутился.

Как так? Неужели есть ребята, которым некуда уехать в субботу? Он никогда не думал о том, все ли разъезжаются. Значит, у некоторых и дома нет... И у Стеши. А он-то думал, что ей домой хочется... Просто совсем никакого нет дома? Как странно!

— Пожалуй, попробую хоть так решить, как ты говорил, — сказала Стеша. — Без умножения дробей. Всё-таки задача будет решена. Сейчас запишу. Если бы ты знал, до чего я не терплю считать! Таблицу умножения на девять до сих пор не могу как следует запомнить.

— На девять? — воскликнул Матвей. — Но ведь как раз на девять и запоминать не надо. Умножение на девять просто видно.

— Видно? Ты в своём уме?

Давно уже Матвей обежал скамейку и уселся рядом со Стешей. Теперь он протянул руки тыльной стороной кверху, растопырил пальцы.

— На руках десять пальцев, видишь?

— Ну, пальцы твои грязноватые я, конечно, вижу. Не слепая.

— На сколько ты хочешь помножить девятку?

— Ну-у, на пять, например...

— Так вот ты пятый палец опускаешь вниз. — Матвей быстро опустил большой палец на левой руке. — Сколько осталось? Четыре, да? А на другой руке все пять. Значит, пятью девять будет сорок пять.

— Батюшки мои! А ну-ка, помножь девять на девять! — с недоумением в голосе потребовала Стеша.

Матвей живо пригнул к ладони девятый палец и объявил:

— Восемьдесят один! — он радостно засмеялся. — Видишь? Слева остаётся восемь, а справа только один палец.

— Значит, слева десятки, а справа единицы... И загибать надо тот по счёту палец, на сколько помножаешь девять... Ма-атвей! — изумлённо пропела Стеша. — Ты... ты выдумал это сам?

— Не сам. Папа мне показал. Давно. Когда ещё... — Матвей вздохнул, весь сжался.

— Хоть и не сам, — быстро сказала Стеша, — всё равно, это просто чудо! А как ты эти несчастные помидоры в ящиках сразу сосчитал? Тоже каким-нибудь способом?

— Не знаю... Нет, без способа. Просто взял и сосчитал. Давай, я продиктую, а ты запиши. Только ничего, что без двух пятых этих?

— Да хоть и без двух пятых... Ну, диктуй. Первое действие...

Матвей диктовал цифры, умножая их и складывая. Стеша записывала, поглядывая на Матвея почти с опаской.

ЧТО ДЕЛАТЬ С ОКУНЬКАМИ?

С большими садовыми ножницами в руках дядя Микола прохаживался по саду: где сухую ветку срежет, где подровняет буксус. Было время обеда, ребята ушли в столовую. На аллеях тихо и пусто. Однако за кустами жасмина белело чьё-то платье. Подойдя ближе, дядя Микола услышал лёгкий всхлип. Какая-то девочка плачет?

Живо вспомнилось, как года два назад услышал он вот так же приглушённый плач. И вытащил из кустов девочку лет девяти. Остриженные под машинку волосы, короткие и светлые, топорщились у неё, как иголки ежонка. Казалось, они взъерошились ещё больше, когда он потянулся к голове девочки — погладить. Девчонка сердито оттолкнула его руку. На вопросы не отвечала, молча глотала слёзы, отворачивалась.

— А щеглиха-то удивляется, — сказал он усмешливо. — Кто это, думает, тут старого Миколу пихает? Говорит своим птенчикам: «Что ж это делается на свете, батюшки?» Вон глядит на тебя из гнёздышка.

Девочка подняла голову. Светлые глаза недоверчиво и вопросительно посмотрели ему в лицо, потом — осторожно — по сторонам.

— Идём покажу щеглихин дворец!

Она покорно подала ему маленькую, мокрую руку. Он показал ей гнездо щегла в ветвях граба. Потом посадил рядом с собой на скамейку и рассказал о том, как летели щеглы через море из тёплой страны, чтобы вывести птенцов на родной земле.

— Ничего нет слаще родины на свете. Это уж шо для птиц, то и для людей. Так-то! — закончил он свой рассказ.

Девочка слушала, не шелохнувшись, не произнеся ни слова. Лишь изредка взглядывала на него пристально и всё ещё с недоверием.

На другой день она ждала его у дверей кочегарки.

— Дядя, расскажи про ворону!

Про ворону так про ворону. Они присели тут же на ступеньку, на которую он подстелил свой ватник.

Не спуская с него глаз, она слушала о приключениях вороны. Едва он замолк, убежала, даже не сказав спасибо.

Сердитая девчонка внезапно выросла перед ним как из-под земли то в саду, то в кочегарке. Лаконично требовала:

— Про жаворонка! Про зайцев! Про самых, самых маленьких птичек!

— Ишь разохотилась! Тоже, значит, любишь пернатых?

Почему она тогда плакала, он так и не узнал. Зато узнал от воспитательницы, что у девочки нет родных. В одну из суббот он увёл её к себе домой, чтобы в воскресенье без помех потолковать о птичьей жизни. И вот Стеша увидела тётю Доню, а тётя Доня увидела Стешу и полюбила девочку, как родную дочь.

Всё это промелькнуло в голове у дяди Миколы, когда он услышал всхлипывание. Так кто ж там теперь плачет в кустах?

Старик раздвинул ветки, удивился, смущённо хмыкнул.

Прижавшись к стволу платана, стояла молоденькая учительница второго класса Антонина Васильевна. Плечи её тряслись. Услышав шорох, она испуганно оглянулась, но при

виде кочегара-садовника облегчённо перевела дух. Пробормотала сдавленно:

— Это вы, Микола Устинович?

— Конешное дело, я. — Старик переступил с ноги на ногу, нахмурился, скрывая смущение. — Думаю, что там вроде девочка похныкивает... Иль случилось чего? Уж не заболел ли муженёк?

— Здоровёхонек. — Муж у Антонины Васильевны был военный, служил в частях неподалёку. — Вот завёз меня в такую... красоту, — она повела рукой вокруг. — Скоро ноябрьские праздники, а тут цветы. Эти олеандры, кипарисы... Лавровый лист я ведь только в супе и видела. А здесь лавры на каждом шагу. И... — губы у Антонины Васильевны дрогнули, — ...ни одной берёзки!

— Природа субтропическая, известно. Ну, это ещё не причина расстраиваться. Привыкнешь.

— Да я не из-за лавровых листьев и плачу... Микола Устинович! Ну что мне делать с Окуньками?

— Чего-чего? Окуньки? Это кто ж такие?

— Да близнецы у нас во втором классе, — устало сказала учительница. — Окуньковы. Ребята их прозвали Окуньками, так уж и я так... Два Окунька и одно Лихо — мальчишка у нас есть Лихов — это, знаете, такая троица, что мне дивное крымское небо кажется с овчинку!

— Лихова я знаю, — сказал дядя Микола. — Озорник первостатейный. И горлодёр.

— И добавьте: лентяй первостатейный. Бывают такие изводители. Но это что ж — не редкость. А вот Окуньки... что-то немыслимое! Они всё делают наоборот! Скажу: слушайте! А они уши затыкают...

— Аж затыкают уши? Ц-ц-ц! — дядя Микола даже языком сочувственно поцокал. — Прямо пальцами затыкают? Це худо!

— Не знаешь, какой к ним и подход найти. У них мать какая-то... как в Сибири говорят, заполошная. Орёт на них, дёргает. Отец — пьяница. Их дома без конца колотят, я точно знаю. Мать меня сколько раз просила: «Вы бейте их, рук не жалея. Они только битья и слушаются». Озлобили их побоями. Они перестали понимать простые нормальные приказания. Ничего слушать не желают. Но не могу же я их и в самом деле бить!

— М-да, — отозвался дядя Микола. — Бить тебе не положено. Да это и без пользы. Ничего, значит, не слушают, не признают?

— Ничего, — грустно сказала Антонина Васильевна, достала из портфеля, лежавшего на траве, носовой платок, вытерла покрасневшие глаза.

— Шо-нибудь придумать треба, — задумчиво произнёс старик. — Хиба ж не добаться до дитёвой души? Гм! А знаешь что, Антонина Васильевна, позволь, я их, этих самых окунят, к себе заберу. Погуюторю с ними, поразглядаю, шо за Окуньки такие, шо воспитанию не поддаются, пальцами уши затыкают? Заберу-ка я их завтра с собой, когда пиду до дому с работы? У меня и переночуют, а утром я ваших сазанов приведу обратно.

— Надо у директора спросить разрешение.

— Сергей Петрович разрешит. Он мужик хороший. Вы бы разрешили.

— Ну, что ж. Поговорю с ним и с Любовью Андреевной. Не знаю только, как вы сможете на них воздействовать?

— А это уж глядя по обстановке. Тактику и стратегию обмозгуем на месте.

Антонина Васильевна слабо улыбнулась:

— Против этих близнецов и в самом деле надо тактику разрабатывать. . . Да, а уроки? Ведь ребята учат их позднее.

— У меня уроки приготовят. Пусть книжечки, тетрадочки с собой возьмут.

— И главное, Микола Устинович, чтобы не убежали они! Автобус от вашего посёлка гораздо ближе, чем от интерната. Да и к морю ближе. . . Ведь это просто счастье, что от интерната до моря километра три. Правда, по шоссе. Напрямик, по крутизне, гораздо ближе. Всё-таки даже озорнику надо решиться удрать к морю. . .

— Никуда твои окунята не убегут! — немного обиженно заявил дядя Микола. — От меня в войну и фрицам-то убежать не шибко удавалось.

Так случилось, что на другой день после обеда Любовь Андреевна сказала братьям Окуньковым:

— Сейчас вы возьмёте тетради и учебники и пойдёте в гости к нашему садовнику Миколу Устиновичу. Останетесь у него ночевать. Он пригласил вас с ночёвкой. Завтра утром он вас приведёт обратно. И ведите себя по возможности прилично. Не срамите самих себя и интернат.

Окуньки подозрительно переглянулись вытаращенными глазами.

— А зачем нам. . . — начал один Окунёк.

— . . . в гости? — закончил второй Окунёк.

— Мы, может, и не. . . — сказал один.

— . . . и не хотим, да! — подхватил другой.

— Не хотим мы, может, — добавили они хором.

— Директор велел, чтобы вы приняли приглашение, — твёрдо сказала Любовь Андреевна. — Разговоры окончены. Бегите за своими тетрадями.

— И я хочу в гости! — закричал Лихов.

— Пригласили Окуньковых, они и пойдут, — сказала Любовь Андреевна. — Когда тебя пригласят, пойдёшь ты.

Лихов скорчил обиженную гримасу. Окуньковы опять переглянулись: похоже, что их предпочли другим ребятам — хорошо это или плохо?

Когда Окуньки вернулись с тетрадями, книгой для чтения и задачником в руках, дядя Микола уже поджидал их на скамейке у входа в интернат. С обычным мрачноватым выражением на лицах, недоверчиво поглядывая на дядю Миколу и вопросительно друг на друга, Окуньки пошли рядом со стариком.

ОКУНЬКИ СЕКРЕТНИЧАЮТ

На утро после гостевания Окуньков у дяди Миколы Антонина Васильевна внимательно пригляделась к близнецам. У одного вроде нос больше облупился. Запомнить бы, у Вовы или у Вити — всё-таки примета, хоть и временная.

Если не считать облупленного носа, Окуньки такие же, как всегда. С безразличным ко всему на свете, равнодушным видом сидят себе рядышком. Раза три она пыталась их рассадить. Братья вцеплялись друг в друга и поднимали неистовый крик. Пришлось от них отступить.

Во время устного счёта Антонина Васильевна сказала:

— Сколько будет от сорока восьми отнять двадцать три. Отвечай, Окуньков Витя!

Нехотя поднялся Окуньков с облупленным носом. («А, значит, нос облупился у Вити!») Он стоял и молчал.

— Не знаешь? Садись! Слушай внимательно, как отвечают другие.

Окуньков сел, уставил на учительницу зеленоватые глаза, переглянулся с братом и... оба близнеца дружно закрыли ладонями уши.

— Шесть взять пять раз. Жуков, отвечай! — голос Антонины Васильевны звучал твёрдо. Она сделала вид, будто не заметила наглого поступка Окуньков. Подумала с досадой: «Славный старик этот дядя Микола, но самонадеянный...»

Через два дня дядя Микола снова поджидал Окуньков. На этот раз не в саду, а в коридоре возле второго класса.

— Ну, пошли! — сказал он Окунькам. — Тетрадки свои не забудьте. Сергей Петрович разрешил им идти без обеда, — обратился дядя Микола к учительнице, когда близнецы убежали. — У меня и пообедают. Я сегодня и вовсе мог не приходить, дней заработанных хватает. Да уж решил понаведаться, а заодно и плотичек ваших прихватить.

— Боюсь, не утомили бы они вас, — приветливо, но сдержанно сказала Антонина Васильевна. — Пока результатов что-то не видать... И неудивительно. Вы ведь не бог.

— Это точно. Богом не являюсь, — согласился старик. — Много чего приходилось делать на этом свете. И садовод, и плотник, и на зверей охотник. А богом работать не приходилось. А без бога ни до порога. Только поговорка эта устарела и рассыпалась в прах, бо не только до порога, а и до космоса человек добрался безо всяких божеств.

— Всё это верно. А уши-то они по-прежнему затыкают, — не без язвительности сообщила Антонина Васильевна.

— Невжели же затыкают? — поразился старик, хитро прищурившись. — Ах, они такие-сякие-разэтакие! Ну ладно! Сегодня моя старуха блины печёт, так я теми блинами им и рты и уши позатыкаю.

— Вам всё шутки, Микола Устинович. А я серьёзно боюсь, что вы их только избалуете. Что-то у них физиономии стали ещё более заносчивые. Но раз директор сам позволяет их вводить — пожалуйста!

Каждые два-три дня Окуньки сопровождали дядю Миколу после работы «до хаты». Причём не столько «сопровождали», сколько весело бежали впереди.

После четвёртого или пятого посещения дяди Миколы Окуньков, которому Антонина Васильевна, не называя имени, сделала какое-то замечание, понёс руку к уху, посмотрел на брата и... опустил руку, не донеся её до головы. Второй Окуньков лишь слегка приподнял руку над партой и снова положил её на крышку. Они обменялись косыми вопросительными взглядами. И вдруг — что за чудо! — оба Окунька сели

чинно и прямо. Не веря своим глазам, учительница заметила выражение внимания на лицах близнецов.

«Это случайность», — подумала Антонина Васильевна. Она неуверенно похвалила братьев:

— Молодцы Окуньковы! Сидят за партой как полагается. Поучись у них, Митя Лихов, поведению на уроке.

Все ребята посмотрели на Окуньков. Ведь их похвалили в первый раз за весь учебный год. Щёки у Окуньков чуть-чуть порозовели. Они сидели с опущенными глазами.

Случайность? Нет, это не было случайностью. Уши больше не затыкались совсем. Тетради у Окуньков стали гораздо чище. Близнецы беспрекословно выходили к доске. Отвечали они через пень-колоду, и тон у них был по-прежнему вызывающий. Но всё-таки они не молчали, как прежде, изображая из себя каких-то каменных идолов.

И вот настал день, когда на рубашках у Окуньков оказались приколоты английской булавкой белые тряпочки. На одной тряпочке было вышито гладью «Вова», на другой — «Витя».

— Это чтобы нас... — начал Вова,

— ...не путали, — закончил Витя.

— Каждый человек должен... — сказал Вова.

— ...отвечать за свои поступки, — продолжал Витя. —

Не отвечают только...

— ...обезьяны! — твёрдо закончил Вова.

— Конечно, конечно! — поспешно сказала Антонина Васильевна и кашлянула, чтобы не рассмеяться.

По субботам она настойчиво упрасивала Окунькову не бить сыновей:

— Они исправились... исправляются, во всяком случае. Их просто не за что теперь бить!

— Может, они больные? — возражала Окунькова. — Потому и тихие у вас? Где они исправились? В прошлое воскресенье обивку дивана ножом изрезали — чего-то строга́ли, а потом кота чуть с ума не свели. Запихивали, разбойники, кота в крысоловку. Кот так сумасшедше голосил, что все соседи сбежались. Исправились они, как же!

По понедельникам близнецы сидели, как прежде, с ка-

менными лицами, еле разжимая губы, когда Антонина Васильевна их спрашивала. Но уши и по понедельникам не затыкали.

Как-то Антонина Васильевна спустилась в кочегарку, где дядя Микола возился у котлов: здание интерната начали протапливать.

— Спасибо вам, Микола Устинович, — сказала она немного виновато. — Окуньки заметно изменились к лучшему. Как вы этого достигли? Что вы с ними делали?

Дядя Микола почесал затылок:

— Шо я с ними делал? Да, кажись, ничего. Ружьё на днях уместе чистили.

— Как?! Вы давали им ружьё?

— А ружьё без пули и пороху не стреляе. В этом могу вас заверить, дорогая Антонина Васильевна. На горы глядели по вечерам... Ещё за молоком в погреб воны лазили. Старуха посылала. А больше вроде ничего мы и не делали.

Не добившись существенных разъяснений от дяди Миколы, учительница попробовала расспросить самих близнецов.

— Вы не озорничаете у дяди Миколы? — Братья переглянулись и промолчали. — Видно, вы там не озорничаете. Микола Устинович мне сказал бы, если бы вы баловались... А что вы вообще там делаете?

Молчание. Потом один из Окуньков, — неизвестно, который, потому что тряпочки с именами они прицепляли на уроках, во время перемен и после занятий носили в карманах, — один из Окуньков процедил сквозь зубы:

— Слушаем сказки.

— И рассказы, — добавил другой.

— Из книг? — спросила учительница. — Вы там читаете вслух?

— Без книг, — сказал один Окунёк.

— Без, — подтвердил другой.

Лица у обоих стали замкнутыми. Они не хотели ничего рассказывать, это было очевидно. Так и не узнали ни учительница, ни воспитательница, что же сделал дядя Микола с Окуньками.

Второклассники готовили уроки. Окна были открыты. С моря дул сильный влажный, тёплый ветер. Слышно было, как перекатываются и обрушиваются на берег волны. Начиная шторм.

Ветер метался по саду, гнул деревья, врывается в класс и ворошил тетради на партах. Любовь Андреевна попробовала закрыть окна. Сразу стало душно. И она снова их распахнула, закрепив поплотнее крючки на рамах.

Облака, набрякшие дождём, который хотел, но не мог пролиться, занавесили всё небо. Они клубились и быстро неслись неведомо куда. В классе стало темно — пришлось зажечь электричество. В саду притихли и попрятались птицы.

Притихли и дети. Молча копошились, сидя за партами. Большинство, еле-еле двигая ручкой, писало упражнение по русскому. Воронков без конца мучился над задачкой. Костя Жуков закончил все уроки и читал книгу. Матвей с сердитым лицом, высунув кончик языка, выводил в тетради заглавные буквы: чистописание он ненавидел.

Внезапно донёсся откуда-то крик. Казалось, его забросил в класс порыв ветра. Непонятно было, кто и что кричал. Но крик был испуганный, горестный. Ребята подняли головы.

— Кто-то плачет! — взволнованно проговорила Томка.

И правда, где-то за стеной, может быть, под окном — шум ветра всё путал — раздался плач. Он становился громче, ближе... Дверь класса распахнулась. Вбежала Стеша, вся в слезах.

— Матвей! — крикнула она. — Чикота нет! Клетка пустая!

Матвей вскочил, растерянный. Ребята, разинув рты, смотрели на него и на Стешу.

— Его съест кошка! — Стеша заплакала, уткнувшись в согнутый локоть. — А то... ветер забьёт... В такую погоду! Он отвык от... сво... боды!

Любовь Андреевна обняла её за плечи.

— Не плачь, не плачь! Не погибнет дрозд. Так, значит, клетка открыта?

— Открыта совсем, — Стеша всхлипнула: — Он погибнет!

— Да чего ради? Подожди... Матвей, ты был сегодня в Стешиной спальне?

— Я был, был! Но я, когда покормил Чикота, хорошенько закрыл дверцу!

Теперь Матвей часто заходил в спальню старших девочек, где на тумбочке возле Стешиной кровати стояла клетка с Чикотом. Под тумбочкой, в коробке, хранились запасы корма: ягоды, крошки, какие-то сушёные червячки. Матвей смотрел, как Стеша кормит Чикота, слушал, как она с ним разговаривает.

— А разве Стеша тебе позволяет самому кормить дрозда и открывать клетку? — спросила Любовь Андреевна.

Нет, этого делать Стеша ему не разрешала. Матвей опустил голову. Потом вздёрнул её, воскликнул горячо:

— Но я закрыл клетку, закрыл! Не сердись, Стеша! Мне показалось, что он очень хочет есть. Я закрыл клетку!

Томка жалостливо вздохнула:

— Может быть, он и сам не заметил, как не закрыл.

— Он не нарочно! Не сердись на него! — стали просить Маруся Петрова и Клава Гущина.

— Да что вы, глупые девчонки! — вскрикнул Матвей. — Я же закрыл, я знаю!

— Вот что значит делать без спросу! — тонким голоском пропела Соня Кривинская.

— Эх, ты, математик! — упрекнул Матвея Лихов. — Шляпа! Пропадёт теперь птица!

Матвей стоял красный, взъерошенный, губы его кривились и дрожали.

— Говорю же, что закрыл! — твердил он в отчаянии. — Я помню, как закрывал! Ещё мне показалось, что неплотно, я вернулся и проверил. Закрыл я!

— Я не сержусь. Ты ведь не нарочно, — пробормотала Стеша.

Но её широко расставленные, большие заплаканные глаза были полны упрёка. Матвей это увидел, зажмурился и разревелся: и Стеша ему не верит, а он помнит, отлично помнит, как закрывал клетку!

— Вдруг он... — внезапно произнёс Окуньков, на рубашке которого была приколотая тряпочка с именем «Витя». — Вдруг он сам...

— Да, сам! — подхватил Окуньков Вова, мгновенно поняв брата. — Сам научился открывать дверцу.

— Этот дрозд, — пояснил Окуньков Витя. — Дрозды ведь умные.

— Они очень умные, дрозды! — поддержал брата Окуньков Вова.

Матвей перестал реветь и с восхищением уставился на близнецов. Оказывается, Окуньки-то совсем не дураки, а, наоборот, молодцы! Кто бы мог подумать?

— А что, вдруг правда сам? — воскликнул Костя Жуков. Но Стеша махнула рукой:

— Ну что выдумываете! Дверца снаружи закрывается, ему никак не достать, если б и догадался. Бедный Чикотушка! — Она повернулась и стремглав выбежала из класса.

Взволнованные ребята ещё не успели снова рассестись по местам, как из сада донёсся жалобный голос Стеши:

— Чи-икот! Чи-кот!

Крики всплеснулись под окнами и утонули в шуме ветра, скрипе веток.

— Ищет! — с жалостью произнесла Томка.

— Кончайте, ребята, работу, — сказала Любовь Андреевна. — Мы и так задержались.

Матвей двумя руками утирал нос. Видно, пальцы были у него в чернилах: на носу и на щеке появились лиловые пятна.

— Матвей, пойдёшь умойся, — велела Любовь Андреевна.

Матвей поплёлся к двери. И сейчас же поднял руку Коля Воронков:

— Разрешите выйти!

Угрюмо оттирал Матвей под краном большой палец, когда к нему подскочил Воронков:

— Слушай, Матвейка, чего я скажу! Я ведь нарочно попросился в уборную. Знаешь, я чего вспомнил? Вот чего я вспомнил. Я бежал по коридору во втором этаже, вот когда

нам надо было идти уроки готовить, и вдруг вижу: Сонька Кривинская из одной спальни вышла. Не из нашей. Вышла, оглянулась да скорей-скорей по лестнице вниз. Чувешь?

В голове у Матвея шумело от обиды и огорчения. Жаль Чикота, жаль Стешу! Но, главное, кроме Окуньков и, может быть, Кости Жукова, ему никто не верил, что он и правда закрыл клетку! Даже Стеша сомневалась. Матвей плохо слушал, что там болтает Воронков.

— А вот из какой спальни вышла Сонька? Не из нашей — факт! А вдруг как раз из Стешиной?

Только теперь до Матвея дошло, что Воронков говорит, кажется, что-то интересное.

— Кто из Стешиной спальни вышел?

— Ох, какой ты! Да я же тебе толкую полчаса. Я сам не знаю точно, чья это спальня, из которой Кривинская вышла и скорей бежать вниз по лестнице. Но наши-то спальни ведь на первом этаже, а то на втором было. Идём покажу, из какой спальни Сонька вышла!

Как был, с мокрыми неотмытыми руками, Матвей побегал за Колей Воронковым.

МАТВЕЙКА И СОНЯ

Любовь Андреевна была очень недовольна. Все второклассники уже кончили учить уроки, а Матвей Горбенко и Коля Воронков так и не вернулись в класс.

У Воронкова было, правда, всё дописано, даже задача. Но у Матвея строчка заглавных уродливых «В» осталась незаконченной.

— Аккуратно уберите тетради и учебники. Потом идите поиграйте как-нибудь в зале. Гулять нельзя. Горбенко непременно получит двойку за чистописание...

Наконец-то хлынул ливень. Потянуло свежестью, прохладой. Ребята с радостным смехом высывались в окна, подставляли руки под струи дождя. Любовь Андреевна проводила ребят в коридор и закрыла окна. Ветер утих, те-

перь бушевали льющиеся с небес потоки воды.

«Неужели Стеша Федотова носится по саду? — с тревогой подумала Любовь Андреевна. — Надо спросить воспитательницу пятого класса...»

Но ей не удалось дойти до пятого класса. Едва выйдя из своего второго, она услышала пронзительные вопли в коридоре возле зала, куда побежали ребята.

Что-то случилось с её подопечными. Любовь Андреевна бросилась туда.

К ней навстречу уже бежали девочки:

— Любовь Андреевна, Матвей бьёт Соню!

Столпившиеся в зале ребята расступились. Ужасная картина представилась глазам воспитательницы: Матвей Горбенко, обкрутив вокруг своей руки тонкие косички Сони Кривинской, с искажённым лицом дубасил Соню кулаком по спине. Соня отчаянно кричала тонким взвизгивающим голосом.

Любовь Андреевна схватила Матвея за руки, высвободила растрёпанные косички. Заливаясь слезами, Соня отскочила в сторону.

— Горбенко, что это?! — в неподдельном ужасе Любовь Андреевна крепко держала Матвея за плечи. — Ты сошёл с ума? Так бить девочку!

— Она подлая! — задыхаясь от ярости, заявил Матвей.

— Правда, подлая! — наперебой заговорили мальчики. — На него подумали, а это она! Молчала, когда его бранили! Ещё и сама чего-то там подговаривала!

— Но бить-то, бить как он смеет! — в один голос кричали девочки.

Соня громко плакала, взвизгивая и охая. Шум стоял невообразимый.

«А я-то ещё радовалась, что как будто в группе в последние дни все ведут себя неплохо», — мелькнула мысль у Любови Андреевны.

— Говорите по очереди! — потребовала она. — Я не понимаю, что такое сделала Соня?

— Она... это она! — опять разом загалдели ребята.

— О господи, опять все вместе!

На секунду ребята примолкли, и тут хором выпалили Окуньки:

— Потому что это она выпустила дрозда!

Несмотря на остроту момента, Любовь Андреевна с радостью отметила про себя, как изменились близнецы. Прежде ко всему равнодушные, они теперь живо отзывались на события в классе.

Тяжело дыша, Матвей весь дрожал. Любовь Андреевна отпустила его плечи.

— Не вздумай кидаться на Соню! Совсем ты голову потерял. Что бы она ни сделала, кулакам волю давать нельзя! Ты что — первобытный человек? Кто-нибудь расскажите мне всё по порядку. Тамара, говори!

— Коля Воронков видел, — заспешила Томка, — как из какой-то спальни на втором этаже выбежала Соня. Он, Коля, показал Матвею, из какой спальни. А то как раз где Стеша спит. Ну, вот Матвей спрашивает Соню: «Ты, значит, там была?» А Соня испугалась и говорит: «Я этого Чикота не трогала, боялась, клюнет, я только немножко открыла клетку!» Ну, значит, Матвей как закричит: «А ты её закрыла?» А Соня: «Отстань от меня, дурак! И пусть, — говорит, — улетел! Так, — говорит, — твоей Стешке и надо, зачем она тогда не дала мне его потрогать!» Вот! А Матвей даже весь побелел и говорит: «Это ты не закрыла клетку! Почему же ты не сказала?» А Соня...

Ребята не выдержали, опять закричали:

— Не сказала, не сказала! Говорит: «Очень мне надо говорить!»

— Подождите, подождите! — замахала руками Томка. — А Соня: «Очень мне надо говорить!» И засмеялась. А Матвей как кинется на Соню, да бить! Хоть Соня и очень нехорошо

сделала, а драться он не имеет права! — Томка, наконец, перевела дух.

— Оба поступили очень плохо, — сурово сказала Любовь Андреевна. — Но не будем устраивать для всех представление, пойдём в свой класс.

Второклассников уже обступили ребята из других классов, которые тоже кончили готовить уроки. Подбегали все новые интернатовцы:

— Что случилось? Что такое произошло?

До самого ужина воспитанники просидели в классе, разбираясь в происшествии. Все признали, что Соня поступила скверно, сделала худое и дрозду, и Стеше, и Матвею.

— А хуже всего Соня сделала самой себе, — сказала Любовь Андреевна. — Как вы думаете, ребята, почему?

— Мы все на неё рассердились, — сказала Маруся Петрова. — А это ведь неприятно, если на тебя все сердятся.

— С нечистой совестью плохо жить! — заявил Костя Жуков.

— Вот и я так думаю, — посматривая на всё ещё тихонько плачущую Соню, сказала Любовь Андреевна. — Как ей смотреть в глаза товарищам, когда из-за неё несправедливо подозревали человека в оплошности, а она знала, что он не виноват, что виновата она сама, и молчала?

— Я больше не буду! — сквозь слёзы проговорила Соня.

— Она больше не будет! — закричали девочки.

Соню оставили в покое и взялись за Матвея. Тут мнения ребят разделились. Мальчики считали, что Матвей правильно поколотил Соню, может быть, только слишком сильно, перестарался немножко, но вздуть Соню следовало. Девочки утверждали, что всё равно бить Матвей не имел права. Он мог пристыдить Соню словами, отругать её, наконец, пожаловаться на неё воспитательнице, но не лупить её. Тем более, что Соня гораздо слабее Матвея. Теперь у неё, наверно, вся спина в синяках. И он мог совсем оторвать ей косы — ну, куда это годится?

Любовь Андреевна согласилась с девочками и ещё раз сказала, что Матвей вёл себя, как первобытный человек, который признавал только силу, а не разум.

После ужина ребята сидели в читальне. Любовь Андреевна читала им книгу. Ливень давно кончился. Но погода была пасмурная и ветреная. На море бушевал шторм. Снизу доносилось гроыханье волн. Все сидели сонные. Матвей потихоньку стал продвигаться к двери читальни.

Любовь Андреевна опустила на минутку книгу:

— Ты куда?

— К Стеше пойду.

— Никуда ты не пойдёшь. Сядь!

Пришлось Матвею сесть на место.

Во время ужина Любовь Андреевна успела поговорить с воспитательницей пятого класса. Та была очень недовольна Стешей. Бегая под ливнем по саду, Стеша вымокла до нитки, ужинать отказалась, сидела на своей кровати, закутавшись в одеяло и не разжимая губ.

— Трудная девочка, — сказала воспитательница. — И зачем Сергей Петрович вообще позволяет держать в спальне то птиц, то каких-то ежей? У мальчиков из четвёртого класса целый месяц жил ёж под кроватью.

— А кто не трудный? — возразила Любовь Андреевна. — Матвей Горбенко, может быть, не трудный? Или Лихов, на которого внимания и сил приходится тратить больше, чем на половину класса? Кривинскую я считала как раз довольно лёгкой девочкой, она послушна, учится хорошо. И вот — пожалуйста! А насчёт зверей я с вами не согласна. Пусть держат и птиц, и ежей. Пусть заботятся о них...

Настроение у Любви Андреевны было неважное. Она старалась не показать этого ребятам, говорила с ними ровно, ласково, как всегда. Но всё равно они чувствовали, что их воспитательнице невесело. От этого, а главное, от тоскливой погоды все были подавлены. Уныло разошлись по спальням. Все раздевались и укладывались молча. Даже Лихов не шумел и не паясничал, как обычно. Матвей, и так неразговорчивый, совсем воды в рот набрал. Как всегда, Любовь Андреевна присматривала за мальчиками. Девочки ложились сами, она навещала их позднее.

Почти все уже лежали в кроватях, когда вдруг откуда-то донеслись девчоночьи крики.

В конце коридора была расположена спальня третьеклассниц. Третьеклассницы только что прошли по коридору: карантин у них продолжался.

— Что за день! — пробормотала Любовь Андреевна. — Лежите, мальчики, я посмотрю, что там такое. . .

Любовь Андреевна заглянула в спальню третьеклассниц. Девочки столпились у одной из кроватей. Некоторые стояли на коленях и засматривали под кровать.

— Подумайте! — сказала Любви Андреевне воспитательница третьего класса. — Какая-то птица забилась под кровать и там сидит. Нет ли у вас какой-нибудь коробки? Мы её туда посадим.

— У нас одна девочка вдруг испугалась! — стали объяснять третьеклассницы. — Думала, мышь под кроватью!

— Да-а, а там как шуршало! — заявила одна из воспитанниц, очевидно, та, которая подняла переполох. — Анна Петровна посмотрела, а там птица!

— Да ведь это, наверно. . . — обрадовалась Любовь Андреевна. — Не трогайте, пожалуйста, птицу! Я сейчас принесу клетку.

Быстрым шагом она вернулась в спальню, сказала весело:

— Матвей, сбегай к Стеше за клеткой! Быстро! Чтобы одна нога здесь, другая там.

Ни о чём не спрашивая, Матвей сбросил одеяло, вскочил с кровати и во весь дух помчался во второй этаж. Пятиклассницы опешили, когда внезапно распахнулась дверь и влетел Матвей.

— Ты что, арифметик противный? — возмутились пятиклассницы. — И без стука! Совсем распустился.

Не обращая ни на кого внимания, Матвей схватил пустую клетку, которая сиротливо стояла на тумбочке у Стешиной кровати, и опрометью кинулся вон из комнаты.

Когда он подал клетку поджидавшей его в коридоре Любви Андреевне, показалась Стеша. Торопливо оправляя платье, она подбежала к воспитательнице:

— Зачем клетка?

— Сейчас увидишь. Подожди здесь. У них всё ещё карантин. Я же тебе запретила входить!

Но Стеша, виновато глянув на Любовь Андреевну, уже стояла в спальне третьеклассниц.

Там царила суматоха: птицу не могли поймать. Она быстро перебегала из-под одной кровати под другую.

Едва птица метнулась по полу между кроватями, Стеша воскликнула:

— Чикот!

Бросилась на колени и в одну минуту схватила пробежавшую птицу.

— Скажите — птицелов! — удивилась воспитательница Анна Петровна.

— Спасибо! Спасибо! — твердила Стеша, прижимая к груди Чикота.

— Марш отсюда! — Любовь Андреевна слегка подтолкнула Стешу в спину, выпроваживая её из спальни. А сама осталась, рассказала третьеклассницам историю Чикота.

За дверью раздавался счастливый голос Стеши и радостные возгласы второклассников. Конечно, мальчишки повскакали с кроватей и высыпали в коридор.

ЖИВИ НА ВОЛЕ!

На другой день море лежало зеркально гладкое, синее-пресинее под синим ясным небом. Вчерашний ветер посбивал много листьев. Но осталось их на ветках гораздо больше. неподвижно стояли желтолистные и краснолистные деревья, отдыхая после вихревой трёпки. Глянцевито блестела на солнце вечнозелёная листва лавров и магнолий. Было так тихо, точно на свете никогда не бывало ни штормов, ни ураганов.

Тихо было и в скалах. Скалы нависли над балкой. Забраться к их подножию оказалось непросто. Стеша хваталась одной рукой за каменные выступы и осторожно лезла. В другой руке она держала клетку. Матвей карабкался позади Стеши.

За скалой нашлась уютная ложбинка, заросшая кустами.

— Вот тут Чикотушка и начнёт самостоятельную жизнь, — сказала Стеша. — Крыло зажило. Незачем ему больше в неволе томиться.

Она поставила клетку под кустом тёрна и открыла дверцу.

Чикот выпрыгнул сразу. Почти прижался к земле грудкой, замер на секунду. А потом быстро-быстро побежал в кусты. И вот уже не видно его: шуршит себе где-то дальше.

— Даже до свиданья не сказал, — легонько вздохнула Стеша. — Ну, ничего, всё равно он очень милый, правда?

— А ты зачем мне тогда не поверила, что я закрыл клетку? — с упрёком спросил Матвей.

— Опять ты за своё! Какой обидчивый! И вовсе я тебе не поверила. Наоборот, я поверила, что ты говоришь правду. Что ты по правде думал, что закрыл.

— Почему — думал? Я же закрыл!

— Ох, надоеда! Но ведь ты мог и ошибиться. Тебе могло показаться, что ты хорошо закрыл, а на самом деле — не закрыл. Соню вашу мне жаль!

— Нашла кого жалеть! Сонька просто гад.

— Ну, уж и гад! И не стыдно так говорить? Она злая очень, Соня. За это её и жаль. А может быть, она и не очень злая. А главное, злопамятная.

— За то, что плохой, злопамятный — жалеть человека? — удивился Матвей.

— Понимаешь... Не могу как следует объяснить... Но ведь злому худо живётся на свете. У меня, например, характер скверный, я это знаю, мне от этого разве лучше, а не хуже? Кстати, ты и сам-то не всегда добренький. Да ну, ладно. Всё равно ты ничего не понимаешь. Мал, наверно. Послушай, — не обращая внимания на то, что Матвей сидит на траве надутый, весело продолжала Стеша. — Ты знаешь, что в скалах живёт кто-то невидимый?

— Невидимый? Как так?

— А ты эх когда-нибудь видел? Посмотри, может, увидишь. Сейчас я его позову. — Стеша приложила руки ко рту и крикнула: — Ма-атвейка ждёт!

В скалах отозвалось:

— Вейка дёт!

— Видишь, дразнится, а не показывается, — засмеялась Стеша.

Матвей тоже засмеялся, потом сказал:

— Папа мне рассказывал про эхо. Можно заранее вычислить, какое где будет эхо. Только это трудно. Надо принять во внимание...

— Тебе бы только вычислять! — перебила Стеша. — Вот уж ненавижу! А ты сказал воспитательнице, что пойдёшь со мной выпускать Чикота?

— Забыл. Она с кем-то разговаривала.

— Совести у тебя нет, — вздохнула Стеша. — Так тебе повезло, просто не заслуживаешь!

— В чём мне повезло?

— В том, что у вас такая воспитательница.

— Какая?

— Добрая. Позволяет тебе убегать. Ты же вечно где-то бродишь. Сама, наверно, со страху умирает, когда тебя нет — ведь отвечает же за каждого. А всё-таки отпускает. Я бы, например, ни за что не разрешила мальчишке где-то шататься. Будь я воспитательницей. Охота была волноваться!

— Тонька из шестого на шаг не отпускала, — вспомнил Матвей. — Когда за нами смотрела.

— Вот видишь! Нет, Любовь Андреевна у вас просто замечательная. Чтобы тебе было лучше, готова мучиться.

Матвей слушал с большим удивлением. Никогда он не задумывался, почему ему удаётся разгуливать одному и как к этому относится Любовь Андреевна.

— Да откуда ты знаешь, что она мучается?

— Видела сколько раз, как она на тебя смотрит, когда ты появляешься после отлучки своей.

— А как она смотрит?

— Мол, наконец-то! Ясно, тревожилась.

— Странно... — Матвей пожал плечами.

— Вот тебе и странно! Представь, что тебе совсем не удавалось бы побыть одному. Хорошо бы тебе было? И как бы ты свои драгоценные задачки решал?

— Я бы всё равно убежал.

— Ну, это как сказать... Меня воспитательница ругала-ругала за то, что ухожу одна в овраги. Даже наказывала. А уж потом отступилась. Так я же гораздо старше... А тебя Любовь Андреевна, по-моему, и не ругает. Так что -- цени!

— Ценить? — переспросил Матвей. — А что это барыш?

— Фу! — на лице у Стешы выразилось сильное отвращение. — Про какую мерзость ты спрашиваешь! Барыш — это когда продадут какую-нибудь вещь на рынке дороже, чем её купили в магазине, а потом считают, сколько барыша на-спекулировали. Тётка моя, бывало... Даже вспоминать не хочу... Пошли! — Стеша вскочила, крикнула в пространство: — Живи на воле, Чикотушка! Хорошо живи! — И помахала рукой.

С задумчивым видом Матвей вслед за Стешей спускался с каменных уступов.

ОТЧЕГО СОНЯ ТАКАЯ?

Любовь Андреевна сидела в саду на скамейке и поглядывала на своих ребят.

Мальчики играли в мяч. Девочки возились с куклами. Переодевали их, укладывали спать под деревом на куче сухих листьев. Соня Кривинская плела из кленовых листьев венки.

«Бедная девочка!» — подумала воспитательница. Теперь она поняла, отчего Соня хитрая и завистливая.

В тот вечер, когда нашёлся дрозд, Любовь Андреевна спросила Стешу:

— Ты сильно обидела Соню? Похоже, что она решила тебе отомстить. За что?

— Она, конечно, на меня обиделась, — ответила Стеша. — За то, главное, что я при всех сделала ей замечание. Она самолюбивая очень, ваша Соня. И, видно, за что-то рассердилась на людей...

«За что-то рассердилась на людей». Как метко сказала Стеша! В самом деле, что-то ведь сделало Соню мстительной?

Любовь Андреевна решила осторожно поговорить с Сониной матерью. Но в субботу мать почему-то не приехала за Соней.

Воспитательница поехала к Соне домой. Соня была из Ялты — удача. Ведь многих интернатовцев привозили из Алушты, Гурзуфа, Алупки, Мисхора. А в Ялте и сама Любовь Андреевна жила вместе с замужней дочерью.

Во дворе ей сразу сказали, что Сониная мать уже два дня находится в больнице: у неё обострилась давняя болезнь лёгких.

— А что случилось? — встревожилась соседка. — Уж не заболела ли и Соня?

— Нет, нет. Здорова и учится хорошо. Просто я хотела узнать, отчего за ней не приехали в субботу, да и вообще посмотреть, в каких условиях Соня живёт дома. Мы ведь посещаем семьи своих воспитанников. Сониная мать работает в пошивочном ателье, не так ли?

— И дома тоже шьёт, частным образом. Портниха она хорошая... Да вы зайдите, отдохните!

В комнате женщина разговаривалась.

— Хорошо, что девочка в интернате, а то больно уж много кривлянья видит.

— Какого кривлянья?

— Ну как же? Я уж сколько раз Сониной матери говорила: «Вы бы хоть при ребёнке-то насчёт своих заказчиц не прохаживались». Ведь она, мать-то Сониная, любезничают-любезничают с проходящими к ней дамами, комплименты им говорит, а только заказчица за дверь: «Расфуфыря, подумаешь! Муж тысячи загребает, так, конечно, можно наряжаться. Вертуха безмозглая. Небось дома врёт, что на хозяйство потратилась, а сама — на тряпки. Мне бы её деньги!» И всё в таком роде. Уж и Соня, знаете, тоже привыкла так-то... В лицо посетителям улыбается, этаким ангелочек кроткий, а за спиной гадость скажет. Нехорошо. И вечная эта зависть: тот лучше живёт, другой лучше... Мать у Сони и сама зарабатывает хорошо. Конечно, трудно ей: болеет часто.

«А ведь это и унижительно — улыбаться человеку, который не нравится, — думала Любовь Андреевна. — Вот за это уни-

жение, за мучительное чувство зависти своей Соня и готова отомстить каждому. И хитрить привыкла... Как-то надо её выправлять. Пожалуй, это потруднее, чем справиться с иным озорником. Или с нелюдимым ребёнком. Кстати, где Матвей? Опять куда-то удрал. Постоянно это беспокойство — где Матвей? Но держать его на привязи, раз такой у мальчишки характер, было бы жестоко...»

— Похудела ты со своими интернатовцами, — сердилась дочь.

Похудеешь тут! В молодости Любовь Андреевна работала учительницей младших классов. Потом много лет не работала, растила своих детей, ездила за мужем, инженером-монтажником, с одной стройки на другую. Теперь мужа нет в живых, дети выросли, обзавелись своими семьями, а она опять пошла работать с детьми.

Любовь Андреевна уже хотела послать ребят на поиски Матвея, когда сам он внезапно появился из-за угла здания. Шагает себе, засунув руки в карманы. Вид отсутствующий, ничего кругом не замечает.

ТЫ ПОЧЕМУ НЕ ДУМАЕШЬ О ЛЮДЯХ?

— Матвей! — позвала Любовь Андреевна. — Поди сюда! Матвей приблизился.

— Где ты был?

— Сидел вон там. — Он неопределённо мотнул головой. — Недалеко...

— Сядь. Мне надо с тобой потолковать.

Нехотя Матвей присел на другой конец скамейки.

— За Соню директор меня уже ругал, — сообщил он. — В своём кабинете.

— Знаю. И что же Сергей Петрович тебе сказал?

— Что были когда-то рыцари. Теперь рыцарей нет. Но всё равно... Хорошие люди и теперь не кидаются на женщин... с кулаками.

Вот-вот!

— Очень жаль, что Соня девчонка, — угрюмо сказал Матвей.

— А за то, что она плакала и кричала, когда ты её бил, за то, что ей было больно, тебе её не жалко?

— Нет, — честно признался Матвей. Потом спросил: — Это что — золотник?

— Такая часть в машинах, в насосах. И ещё старинная мера веса, вроде грамма.

— А лот что такое?

— Тоже старая мера веса. Кажется, лот равен трём золотникам, но я не уверена. Да и, кроме того, лот ведь это прибор для измерения глубины моря. Что это тебя лоты и золотники заинтересовали?

— Так...

Помолчали.

— Матвей, — негромко и задумчиво сказала Любовь Андреевна. — Ты почему не думаешь о людях?

— О каких людях?

— О Моторове и Гуськове, например. Разве они не люди?

— Они четвероклассники, — неопределённо ответил Матвей.

— Да, оба эти человека, Гуськов и Моторов, учатся в четвёртом классе. И, как каждому человеку, им необходимо самим научиться делать всякое дело. Например, решать задачи...

Матвей густо покраснел.

— Я только два разика... Они говорили: пожалуйста! И ещё: слабо тебе решить...

— А они тебе не говорили, что именно эти задачи учительница велела им непременно решить самим?

— Я обещал никому не говорить, что я им решал, — пробормотал Матвей. — Это председатель их отряда нас... застукал.

— Эх, Матвейка, Матвейка! Ради удовольствия решить задачу ты готов подчиниться любому лентяю, пуститься на обман. Ты обещал им не говорить. Но ведь ещё прежде ты обещал мне не решать задачи ребятам, которые просят тебя

об этом тайком. Нехорошо так лукавить. А вообще твоё поведение знаешь как называется?

— Как?

— Эгоизм. Тебе нравится решать задачи — и всё. Ты исполняешь своё желание, а о других не думаешь. Я тебя просила объяснить Воронкову решение примеров. А ты что сделал? Продиктовал ему десять примеров: и те, что заданы, и те, что не заданы. Вместе с решением. Он аккуратненько записал, а решить их не умеет.

— Потому что он всё равно не понимает. Я ему объяснял, а у него выходит от сорока шести отнять семнадцать вместо двадцати девяти — двадцать один. Тогда я продиктовал. Он пишет красиво.

— Ну хорошо, оставим арифметику... Послушай, Матвейка, ты думаешь, что только одному тебе бывает грустно и тоскливо? А вот у Сони Кривинской папы нет, а мама часто болеет. А сейчас даже в больницу её положили. Ведь Соня тревожится о своей маме... — Выражение лица стало у Матвея беспокойное и вместе с тем упрямое. — А Тамара Русланова всю неделю очень скучает и без мамы с папой и без сестрёнок. Папа у неё инвалид, им нелегко живётся, школа от них далеко, поэтому Тамара учится в интернате.

— А сестрёнки?

— Одна в детсаду, другая в яслях, мама много работает. Тамара скучает без родных, но смотри, как она со всеми ласкова, как старается обо всех позаботиться, а по субботам и в воскресеньям много помогает маме. У Славы Гордеенко тоже дома не всё благополучно... Да у всех какие-нибудь трудности. Однако все ребята веселы, играют, дружат между собой, никто носа не вешает. Кстати, ты вот любишь математику. Но ведь настоящие математики и математику-то любят не для самих себя, а для людей.

— Как это — математику для людей?

— А так, что с помощью математики и физики учёные приносят огромную пользу людям. Не будь у нас замечательных математиков, не было бы и спутников...

У Матвея загорелись глаза.

— Наши космонавты не полетели бы на ракетах в кос-

мос! — перебил он и от волнения заболтал ногами. — Ведь ракеты построены по точным-преточным расчётам, папа мне рассказывал. Если допустить ошибку, то ракета не взлетит. И не приземлится куда надо.

— Верно, милый, — радуясь его оживлению, сказала Любовь Андреевна. — Так подумай сам, разве можно быть эгоистом и только для одного себя любить математику? А знаешь, я даже думаю, что у эгоиста, у человека, который не думает о других людях, и хорошие ракеты не получатся.

Матвей растерянно заморгал. Потом плотно сжал губы и задумался.

Любовь Андреевна протянула руку и слегка пригладила спутанные вихры мальчика. Матвей дёрнулся в сторону.

«Вот чертёнок! Тебя и не приласкаешь», — подумала воспитательница.

— Поиграл бы ты с ребятами, — посоветовала она. — Вон как ловко Слава ловит мяч.

— Костя ещё ловчее, — сказал Матвей.

Он пошёл к играющим. Любовь Андреевна видела, как, проходя мимо девочек, Матвей замедлил шаги, искоса поглядывая на Соню.

ЗАГАДОЧНАЯ ЗАПИСКА

Сидя на толстом суку кедра, Миша Вяхирев обозревал окрестности. Другой пограничник-разведчик, Саша Попов, тоже пятиклассник, крадучись, расхаживал внизу под деревьями. Зоной его наблюдения были ближние дороги и тропы-аллеи, ведущие к интернату. Изредка Миша поглядывал, как Саша, часто пригибаясь, осторожно снуёт между кустами, шастает, будто заяц, с одной стороны «тракта» на другую.

Кедр был высокий. Миша взобрался на самый последний из толстых суков, над ним росли уже тонкие ветки. Наблюдательный пункт был отличный. Мише открывалось шоссе, домики посёлка вдали. Необъятное, синее, простиралось море.

По морю гуляли белые барашки. Сильно качало катер, казавшийся отсюда игрушечным. Дул южный ветер.

Миша напряжённо вглядывался в катившийся по шоссе автобус. Не соскочит ли с него подозрительный человек и не кинется ли прятаться в прибрежных скалах?

— У-у-ху-ху-ху!

От неожиданности Миша вздрогнул и чуть не свалился со своего наблюдательного пункта. Вцепился в сук обеими руками. Что случилось с Сашкой? Крик филина — сигнал тревоги — они условились подавать лишь в самых крайних случаях. Миша посмотрел вниз.

Саша стоял посреди аллеи и размахивал флажками. Торопливо вытащил Миша из кармана свои палочки с привязанными к ним тряпочками, приготовился отвечать.

Директор Сергей Петрович обучал шестиклассников азбуке Морзе, показывал им, как вязать морские узлы. В будущем году обещали организовать в интернате кружок юных моряков. Заниматься с ребятами станет моряк из Ялтинского клуба моряков. Они и плавать будут на вёслах и на моторке. А потом самых способных, может быть, примут в школу юнг. Конечно, не девочек. Тех не возьмут, как бы ни просились.

Пятиклассников Сергей Петрович сигнализации и морским узлам не учил, но и не прогонял их — лишь бы не мешали. Тихо сидеть в сторонке разрешалось. Многие пятиклассники смотрели из-под кустов, как занимаются шестиклассники, и тоже уже знали азбуку Морзе.

Что такое говорит Саша?

Одна его рука с флажком наискосок поднята вверх, другая опущена. Ага! Это буква «м». Вторая буква, без сомнения, «а».

Метались флажки в Сашиных руках. На своём суку Миша даже вспотел, стараясь всё понять. Шептал по мере того, как появлялись сигналы:

— М... а... р... и... с... к... а...

«Мариска? Какая Мариска?»

Он прислонился спиной к стволу, сцепил под суком ноги для устойчивости и живо просигналил в ответ:

— Н-е п-о-й-м-у.

Сашка топнул ногой от нетерпения, завертел флажками. И опять вышло:

«М-а-р-и-с-к-а». А дальше: «К-о-т».

«Кота, что ли, увидел? — подумал Миша. — Ну и что? Кот не подозрительная личность».

Он не выдержал и, нарушив все правила, подал сигнал «голосом», попросту заорал во всю мочь:

— Какая такая Мариска? А кот на кой тебе сдался?

Сашино лицо выразило крайнее недоумение.

— Сам ты Мариска! — закричал он. — Тут шифр! Подброшен! Че-пе! Мариска! Кот!.. Осёл!

Миша был возмущён этими криками, но всё-таки просигналил наспех:

— И-д-у к т-е-б-е.

Затем проворно спустился с кедра и подбежал к Саше.

— Это кто осёл? — спросил он грозно и сжал кулаки.

— А ты чего про какую-то Мариску? — захныкал Саша. — Вот! Погляди! — Он показал зажатый в руке обрывок бумаги.

— Что это? Дай-ка! — Миша протянул руку.

Саша отступил:

— Моя записка! Я нашёл! С кодом!

— Записка?! А-а, вот что ты сигналил! Так ты в первой букве должен был правую руку горизонтально держать, а ты её опустил. Вместо «з» просигналил «м». А когда «п» — вместо правой левую руку поднял, и получилось у тебя «р». Осёл-то кто-то другой! Ну, живо! Докладывай по всей форме!

Саша вытянулся, встал по стойке «смирно» и отчеканил:
— Товарищ командир, на данной пересечённой местности мною обнаружена неизвестная бумага с непонятными записями. Подозреваю шифр-код!

Он торжественно подал Мише смятый обрывок бумаги.

— Но не «кот» же... — Миша взял бумажку, сдвинул брови: — Благодарю за проявленную бдительность. — И после этого стал сосредоточенно разглядывать Сашину находку. Присвистнул. — Странно... Ничего не понять. А и верно похоже на код. Сашка! Молодчага! Настоящее че-пе!

— Видишь! А ты на меня набросился!

— Потому что правую-левую руки надо различать... Что же это всё-таки значит?

Разведчики уселись под сосной и, тесно прижавшись плечом к плечу, впились глазами в загадочную записку.

Была она величиной с половину тетрадного листа. На одной стороне её было написано карандашом:

«20 р. ку 2 с таб поравну Ф 1 с 2 р. 70 к. 2 с. 2 Р 30 к. Ск. куп т.?»

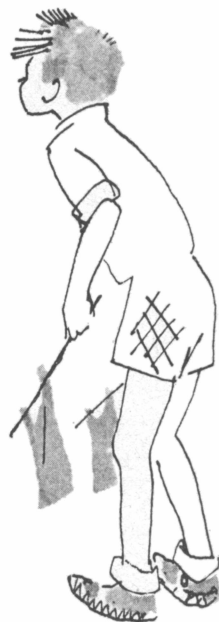
На обороте бумажного обрывка виднелась другая, также карандашная запись:

«Купе прод 227 а сук за 1078 р. 25 к. барш 1 р. 25 к. на каж ар Ск. к сам за сук?»

— Почерк явно подделан, — задумчиво сказал Миша. — Такие уродские буквы даже нарочно нелегко написать. Цифры получше написаны, но тоже... «Купе»... Гм! Имеется в виду транспорт. Купе бывает в поезде. Но железной дороги ближе Севастополя и Симферополя нет. До Симферополя отсюда больше ста километров, до Севастополя восемьдесят, что ли.

— А на пароходах и теплоходах не купе, а каюты, — глубокомысленно заметил Саша. — Да, загвоздочка!

— А «сук» тут при чём? Два раза «сук». И «барш» — совсем непонятное слово. Запутанный шифр: из букв и из цифр.

Гм! Пожалуй, еще важнее, чем этот шифр разгадать, знаешь, что сделать?

— Что?

— Найти человека, который эту записку подбросил или потерял.

— Конечно, подбросил! — обиделся Саша.

— Да, вернее, именно так, — согласился Миша. — Слишком важный документ, чтобы шпион мог его потерять.

— Так ты думаешь, это точно шпион подбросил? — Саша настороженно повёл глазами по сторонам.

Миша снисходительно усмехнулся:

— Честные люди шифрованные записки не пишут. А! Я придумал! Вот что мы сделаем... — Он зашептал Саше в самое ухо.

— Ура! — воскликнул Саша.

— Тише ты! Разведчику шуметь не положено. Только где взять верёвку?

С гордым видом Саша извлёк из кармана моточек бечёвки.

— Вот за это хвалю! — восхитился Миша. — За твою запасливость прощаю тебе, что, где право, где лево, не различаешь.

— Да различаю я!

— Ладно. После разберёмся. Сейчас разговорчики отставить! За дело!

Мальчики натянули бечёвку поперёк аллеи сантиметров на тридцать от земли. Концы привязали к стволам деревьев. Под бечёвку положили на землю найденную Сашей записку. Сами спрятались за изгородью из буксуса, тянущуюся вдоль аллеи. Скорчились там, даже прилегли на землю.

— Теперь, если записка всё-таки потеряна, — шёпотом объяснял Миша, — то шпион непременно придёт её искать. Если же, что вернее, она подброшена нарочно, то за ней придёт тот, для кого она положена, — агент. Понял? И шпион, и агент нагнутся за запиской и споткнутся. А мы навалимся и задержим.

— А если он вооружённый, шпион?

— Не успеет выстрелить. Да ты трусишь, кажется?

— Нет, нет. А скоро он придёт, как ты думаешь?

— Может, и несколько дней придётся сторожить этот клочок бумаги, — важно ответил Миша.

— А шпион-то дурак! — захихикал Саша.

— С чего ты взял?

— На самом видном месте шифр свой оставил, хи-хи!

— Сам ты больно умён! На видном-то месте незаметнее. Я читал в одной шпионской книге, что чем проще спрятано, тем труднее найти. Никто не подумает на видном месте искать. Ведь шпион же не знает, что эта дорога находится под специальным наблюдением. Н-да, может, и не один денёк просидим...

Громкий испуганный вскрик прервал Мишин шёпот. Мальчики вскочили на ноги. Чудо! Редкая удача! Не прошло и пятнадцати минут, как враг попался! Не тратя времени на обход, оба перескочили кусты буксуса. И... попятись.

Посреди аллеи лежала на земле преподавательница французского языка. Это была очень строгая молодая учительница. Поставить двойку или записать в дневнике замечание было для неё делом полсекунды. У Миши, а особенно у Саши, отношения с французским языком были крайне натянутые. Шляпка «французки», как называли её между собой мальчишки, откатилась в сторону. Туго набитый портфель валялся на земле рядом с его обладательницей. Страшное зрелище!

Охая, преподавательница стала подниматься. Не сговариваясь, «разведчики» дружно перемахнули через изгородь и пустились наутёк.

КОСТЯ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

— Будем смотреть телевизор? — спросили ребята,

— Нет, — сказала Любовь Андреевна. — Как только старшие кончат ужинать, пойдём в зал. Сергей Петрович велел всем собраться. Что-то он хочет всем сказать.

Матвей стоял возле воспитательницы.

— Что это «богомалец»? — спросил он.

Любовь Андреевна встревожилась:

— Да что с тобой, Матвей? Ты без конца задаёшь какие-то странные вопросы. Где ты набираешься всяких непонятных тебе слов?

— На чердаке.

— Как так — на чердаке?

— Любовь Андреевна, Лихов дерётся! — жалобно закричали девочки.

Воспитательнице пришлось отойти в другой конец коридора. А через несколько минут все отправились в зал.

Стоя перед выстроившимися ребятами, Сергей Петрович немного помолчал. Все притихли. Выражение лица директора не предвещало ничего хорошего: было оно необычно строгое.

— Ребята! — сказал директор, когда стало так тихо, что из сада донеслось тоненькое «сплю-сплю» маленькой совы-сплюшки. — Кто из вас натянул верёвку в главной аллее?

Все молчали. Миша и Саша опустили глаза и старались не дышать.

Сергей Петрович подождал.

— Не хотите признаваться? Молчите? Ну, не признавайтесь. Тем хуже для того, кто это сделал. Значит, он вдобавок трус. — У Миши запылали уши, Саша переступил с ноги на ногу. Оба не смотрели на директора, однако обоим казалось, что Сергей Петрович смотрит на них. — Но, — повысил голос директор, — пусть тот, или те, кто это сделал, знает, что чуть не причинил уважаемому человеку серьёзное несчастье. Галина Платоновна, преподавательница французского языка, споткнулась об натянутую верёвку, упала и сильно повредила себе ногу. Случайно она ногу не сломала. Пришлось вызвать

такси, чтобы отвезти Галину Платоновну домой. Несколько дней она не сможет приезжать на занятия. Мне стыдно за ребят, которые настолько не соображают, что занимаются такими нелепыми проказами. Очень стыдно! А если бы там шёл какой-нибудь старый человек и разбился бы или умер от испуга, внезапно упав с размаху? Тогда кто-то из наших воспитанников из-за своей глупости стал бы виновником смерти человека, по-существу, сделался бы убийцей.

— Ой, ужас какой! — вырвалось у кого-то из девочек.

— Конечно, ужас. Согласен с вами! — Директор достал что-то из кармана и поднял над головой.

Миша и Саша оцепенели: в руках у директора они отчётливо увидели шифрованную записку, найденную Сашей.

— Чья это бумажка?

— Узнает он — как же! — беззвучно, одними губами, произнёс Миша. Но Саша его понял и еле заметно кивнул.

Тут же оба разинули рот от изумления: из рядов поспешно вышел маленький чернявый мальчик. Шагнув к директору, он радостно воскликнул:

— Моя!

Миша с Сашей и таиться забыли: открыто уставились друг на друга, совсем ошарашенные.

— Подойди сюда, Горбенко! — велел директор.

Мальчик подошёл.

— Точно это твоя бумажка? — директор протянул мальчику обрывок бумаги, который мальчик схватил двумя руками и прижал к груди.

— Точно моя! — Он засмеялся от радости. — Вот-то хорошо!

— Так это ты натянул верёвку? — строго спросил директор.

— Какую верёвку? — удивился мальчик.

— Ты что же, не слышал, что я тут говорил? Кто-то натянул в аллее верёвку, Галина Платоновна чуть не сломала ногу.

— Я слышал, но я нигде не заметил никакой верёвки. Я сидел на кочке, меня позвали. Слышу, Любовь Андреевна кричит: «Матвей!» Я побежал, чтобы она не мучилась...

— Батюшки! — вполголоса ахнула Любовь Андреевна, улыбнулась смущённо и покраснела. Две молодые воспитательницы тихонько засмеялись. Из ребят никто даже не улыбнулся.

Директор с такой быстротой согнал с лица усмешку, что вряд ли её кто-нибудь заметил.

— А, — сказал он по-прежнему строго, — значит, понимаешь всё-таки, что воспитатель мучается, когда приходится искать воспитанника? И то хорошо.

— Я не знал об этом. Мне Стеша сказала.

— Так, говоришь, не заметил верёвку? А бумажонка эта лежала под самой верёвкой.

— Нет, верёвки я не видел. Может, её тогда не было. Почему же я не споткнулся, когда потерял задачи? Я не знаю, где я потерял. Я потом искал. Значит, под верёвкой потерял? Как так? Спасибо вам, что нашли!

— Что написано на этой бумажке?

— Да задачи же! (Миша с Сашей напряжённо вслушивались, при этом ответе недоверчиво переглянулись). Одну, про табак, я решил. А про барыш и купца не успел. И условие не запомнил. Ведь я тогда скорей-скорей записал. На чердаке. Торопился очень.

— На чердаке? Где этот чердак?

— У нас дома. Я торопился. Потому что бабушка звала. Часто кто-нибудь зовёт...

На этот раз засмеялись все, и взрослые, и ребята. Матвей смутился до слёз, нахмурился.

— Ну, ступай на место! — сказал Сергей Петрович.

Ещё что-то он говорил, обращаясь ко всем воспитанникам, но Матвей уже ничего не слышал. Он стоял на своём месте среди второклассников и вглядывался в бумажку, которую отдал ему директор.

Любовь Андреевна положила руку ему на плечо, шепнула на ухо:

— Чучелко ты глупенькое! Хоть покажи мне, что это такое? — Разглядев бумажку, которую ей показал Матвей, она покачала головой. — Ничего не понимаю... «Купе» — это купец? Из какого-нибудь старинного задачника списывал?

— Да, он очень старинный! — с жаром ответил Матвей. — Там есть буквы непонятные, бабушка говорит: какие-то яти. . .

В старом задачнике Матвей рылся подолгу. Он нашёл его на чердаке среди старых книг и журналов, сложенных в ящике. В комнатах не оставил, отнёс обратно, только показав бабушке. Боялся, что бабушка без него выбросит. Почему-то она не любила, когда Матвей «корпит», как выражалась бабушка, над задачами.

Задачи в старом задачнике были трудные. Иную Матвей прочитывал по несколько раз подряд, прежде чем начать решать. Уж очень много в задаче попадалось непонятных слов. Купцы, те часто встречаются в сказках. Они продают и покупают и опять продают. Дороже, чем купили. Но вот какой-то «богомалец» долго шёл из Москвы в Троицкую лавру. Кто это такой? А все эти аршины, пуды, четверики, сажени, золотники. . .

Выспросив бабушку, учительницу и воспитательницу, Матвей понял, что фунт — это то же, что четыреста граммов, а аршин — почти метр. Но всё-таки незнакомые слова очень его путали. Однако, хоть и непонятные, задачи манили его, притягивали, как магнитом.

Когда все стали расходиться, Матвей примостился у окна в зале и, забыв обо всём на свете, стал думать над купцовым барышом.

Вдруг над ним раздался зловещий шёпот:

— Выходит, это ты так по-идиотски записывал задачи, а?

— Куриным почерком, чёрт бы тебя побрал! — проговорил с досадой другой голос.

Матвей поднял голову. Возле него стояли два больших мальчика.

— А ну, прочти, что здесь начиркано! — потребовал тот, что выше ростом.

— Первая задача, — охотно объяснил Матвей, — про табак. Вот. На двадцать рублей купили два сорта табаку. Поровну обоих сортов. Фунт первого сорта стоил два рубля семьдесят копеек, а фунт второго сорта — два рубля тридцать копеек. Сколько куплено табака того и другого сорта? А вторая

задача такая. Купец продал двести двадцать семь аршин сукна...

— Значит, «сук» — это сукно? — язвительным тоном перебил высокий мальчик.

— А «купе» — купец! — хихикнул второй мальчик. — А ты — транспорт!

— Вот я ему сейчас покажу транспорт! Будет знать, как людей запутывать!

От сильного тумака в спину у Матвея захватило дух. И тут же острая боль пронзила правое ухо: который-то из мальчишек закрутил его двумя пальцами.

Матвей вскрикнул. Слёзы сами собой брызнули из его глаз. Он пытался вырваться, не понимая, что случилось, за что его бьют, от недоумения не успев даже обидеться...

И вдруг он почувствовал, что ухо уже не крутят, только горит оно нестерпимо.

— А ну вас, дураков! С такими и связываться неохота!

Кажется, это проговорил презрительно высокий мальчишка. Матвей открыл зажмуренные глаза. Перед ним стоял Костя Жуков. В дверях зала мелькнули спины мальчишек.

— Я как дал тому, что в тебя вцепился! — сообщил Костя. — За что они тебя?

— И сам не знаю... — Матвей тяжело дышал и размазывал по лицу слёзы. — Спросили про задачи, я стал объяснять, а они вдруг набросились. А ты, значит, им дал хорошенько?

— Конечно! Мы идём. Я вижу, тебя нет. Вернулся поглядеть, куда ты делся. А эти — из пятого, кажется, — тебя колотят. Я как кинусь!

— Ты бы и из шестого, наверно, поборол. Ты сильный! — Матвей благодарно улыбался.

У него вдруг стало очень хорошо на душе. И не потому, что Костя прогнал драчунов и его перестали бить. Ведь он ни испугаться, ни разозлиться ещё не успел, только уху было здорово больно. А то взволновало его и обрадовало, что Костя говорил с ним так, будто они давным-давно дружат. И словно само собой разумелось, что, раз не увидел он Матвея вместе со всеми, то и вернулся, чтобы найти его. Костя давно нравился Матвею. Сколько раз Матвею хотелось с ним заговорить. Но он думал, что Косте, всегда весёлому, всегда окружённому ребятами, нет до него, Матвея, никакого дела. А вот, оказывается, очень даже есть Косте до него дело!

Матвей крепко вытер ладонями мокрое лицо, спрятал поглубже в карман «чердачные» задачи, чтобы опять их не потерять, и, очень довольный, зашагал по коридору рядом с Костей.

ПИСЬМО ОТЦА МАТВЕЮ

Мой дорогой мальчик!

Мы плывём по океану. Вода в нём синяя-синяя. Наш корабль совсем белый. Наверно, со стороны кажется, что это большой лебедь покачивается на волнах. Думаю, что дельфины удивляются: откуда здесь взялась такая громадная птица? По крайней мере, они замедляют свой ход невдалеке от нашего корабля. Опять видел несколько летающих рыб. Вчера повстречали корабль — плавучую базу. Отправили на него шлюпку за письмами. Все очень волновались, будет ли письмо. Знаешь, как важно получить весточку из дому, когда находишься далеко? На наш корабль доставили много писем. И я получил письмо от бабушки. Но от тебя на этот раз не было ни строчки. Непременно напиши мне. Слышишь, Матвей, не ленись! Бабушка пишет, что вы оба здоровы, что всё у вас в порядке и что в интернате ты, кажется, привык. Надеюсь, что ты дружишь с ребятами.

Время идёт так быстро — по крайней мере, для меня, по-

тому что очень много работы, — пролетят эти несколько месяцев, и мы опять будем вместе. Не огорчай бабушку, слушайся её! Дружи с ребятами и пиши мне письма! Когда придём в порт, чтобы непременно было мне письмо от тебя! Я человек покладистый, пусть это будет несколько строчек. Но чтобы строчки эти были. Поблагодари бабушку за письмо и за радиограмму, которую она и ты прислали мне на ноябрьские праздники.

Это письмо я отправляю с плавучей базой. Оно поплывёт по Атлантическому океану, потом по Средиземному морю, потом по Чёрному морю в Одессу. А из Одессы уже в Ялту. Из Ялты — в Симеиз, а потом уже в наше местечко, и почтальон принесёт его в наш дом. Вот какой большой путь проделает моё письмо.

Теперь реши такую задачу. По океану корабль с письмом папы плыл неделю, по Средиземному морю на четыре дня меньше, по Чёрному — вдвое дольше, чем по Средиземному, потому что задерживался в портах. Ещё два дня оно шло посуху, уже в Крыму. Когда письмо доставили по назначению, мальчик написал ответ. Но письмо мальчика шло другим путём — ведь корабль, на котором плыл его отец, давно переместился. Поэтому письму мальчика пришлось путешествовать в полтора раза дольше, чем письму его отца. Спрашивается, сколько времени ждал папа ответ сына, если сын ответил сразу, как только получил письмо отца?

Реши-ка эту задачу и напиши мне ответ, а уж я проверю, правильно ли ты её решил.

Целую тебя крепко, Матвейка, милый. Будь здоров.

Твой папа.

ПИСЬМА МАТВЕЯ ОТЦУ

Каждую субботу к двум часам дня бабушка приезжала в интернат за Матвеем. Они шли на автобус. Матвеем приходилось семенить. Полная рыхлая бабушка шла медленно, и он принаравливался к её шагам, потому что бабушка крепко-прекрепко держала его за руку.

По дороге, пока шли к автобусу и в самом автобусе, бабушка задавала Матвею вопросы.

Эти вопросы Матвей считал бессмысленными — ведь бабушка каждый раз подробнейшим образом расспрашивала воспитательницу о том, как жил Матвей всю неделю, — и поэтому отвечал монотонной скороговоркой:

— Не ушибался, ничего у меня не болит, никто меня не обижает, двойка по чистописанию. Ты обо всём, обо всём знаешь!

— А не дружишь ни с кем почему? — с огорчением спрашивала бабушка. — Тебе не нравятся интернатские ребята?

— Ой, перестань, бабушка! — отмахивался Матвей. — Минус единица здоров?

— А что ему делается? Ты бы лучше спросил, как я себя чувствую.

— А как ты себя чувствуешь?

— Сам бы, по своему почину, спросил, а так что же... Сердце не совсем, а вообще ничего...

Дома, едва переступали порог, бабушка начинала Матвея кормить, хотя он твердил, что недавно пообедал. И ужасалась, какой у него плохой аппетит.

— А теперь, — убрав со стола посуду, говорила бабушка, — садись писать письмо папе!

Развалившийся на диване с книжкой Матвей бурчал:

— Ну вот! Так сразу! Потом напишу. Вечером.

— А вечером скажешь: завтра утром. А сам побежишь гулять. Опять не успеешь написать.

— Как ты, бабушка, милая, всегда пристаёшь... Я сказал: потом напишу! На самом интересном месте читаю.

— Если книжка хорошая, то в ней все места интересные. Да ты хоть несколько фраз напиши. Чтобы папа хоть твоим почерком никудашным полюбовался. А то что это? Папа где-то там за тридевять земель ждёт не дожждётся письмеца, а сыночек... эх, сыночек и в ус не дует.

— Как это не дую? Очень даже дую, — не думая, что говорит, бормотал Матвей.

— А усы у тебя есть? — посмеивалась бабушка.

— Какие усы? Ой!

В конце концов Матвей сдавался. И хоть не каждую субботу, но усаживался писать папе письмо.

Написав несколько фраз, он вскакивал, потягивался с удовольствием, как человек, закончивший адски трудную работу, и убегал в сад или забирался на любимый чердак.

Надев очки, бабушка долго читала и перечитывала корявые строчки, выползшие из-под пера внука, и мучилась сомнениями: посылать или не посылать Степану Матвеевичу эту пачкотню?

А ну как посреди морей и океанов Степан Матвеевич взволнуется, прочитав Матвейкины каракули? Смысл их кое-где странен, кое-где и вовсе тёмен... Зачем же беспокоить человека, который за дальностью расстояния всё равно ничем помочь не может?

Повздыхав, бабушка прежде всего переписывала для себя писанину внука. На всякий случай: вдруг пропадёт письмо. Не зайдёт экспедиционный корабль в назначенный порт, разминётся с другим кораблём, везущим почту, да мало ли что может произойти. А вернётся Степан, уж тут она ему всё покажет. Дома-то чего таиться? Вот, гляди, старался сынок, не забывал отца!

Сама бабушка писала часто, и письма её были похожи друг на друга, почти как близнецы Окуньковы. В каждом письме сообщалось, что всё, решительно всё у них с Матвеем обстоит благополучно.

Ещё минута колебания, и бабушка всё-таки запечатывала в конверт «оригинал» Матвея и своё письмо. Крупным старинным почерком надписывала на конверте адрес: «Ленинградский порт, корабль такой-то. Научному сотруднику Степану Матвеевичу Горбенко».

Вот что в разные субботы, между которыми проходила

иной раз не одна неделя, написал со страшными ошибками Матвей отцу.

«Здравствуй, папа!

Твоё письмо я получил. Ск. всего тебе повезло видеть летающих рыб? Стеша говорит, что эта животная редкая. Мне в интернате очень надоело. Надо побежать в сад: па-чему-то лает — 1.

Твой сын Матвей Горбенко».

«Дорогой папа!

Ты плаваешь хорошо? Думали что я не закрыл клетку, а выпустила Чикота противнющая Сонька. Воспитательница Любовь Андреевн сказала, что ето игаизм решать задачи лентяям. А девочкам решать тожа игаизм? Я забыл спросить. Минус единица занозил лапу. Бабушка долго вынимала, а я держал за морду. Чикот потерялся када был шторм. Нашли его под кроватью. Он попал в аказию к 3-ье классницам.

Целую тебя. Матвей».

«Дорогой папа!

Уже ты в морях похолоднее или ище в жарких окиянах? У дяди Миколы фамилия Чертапалох. Может быть и Репейник фамилия. Окуньки стали исправляться. У Сони больна мать. Но се равно она плохая. Стеша спрашивает каких морских птиц ты видел? И вааще каких всяких зверей котор живут в море и в океане.

До побаченья. Твой сын М. Горбенко».

«Здравствуй, папа!

Пиши почаще. Я, бабушка и — 1 очень без тебя соскучилис. Почти все наши мальчишки хотят быть моряками. А математики плавают на кораблях? Патому что я хочу кода вырасту считать ракеты и тожа плавать на корабля. Стеша говорит был бы у нее папа она писала бы иму письма каждый-каждый день. Целую тебя мой папа.

Матвей».

«Папа, здравствуй!

Папа, я хочу тебя видеть прямо не знаю как!!! Одну задачу я успел решить, а другая потерялась. Почему-то она оказалась у директора. Я был рад, а все смеялись. Большие мальчишки стали меня бить, а я им ничего не сделал. Костя меня отбил. Дал им на орехи. Он страшно сильный. Он сам вернулся где я. Бабушка и — 1 тебе кланяются и целуют тебя. И я целую. Приезжай!!!!

Твой Ма-тю-ха.

Золотник старая мера веса, теперь грамы. И метры а не аршины».

«Здравствуй, милый папа!

Отец дожждётся письма от сына через 50 дней после того как сам отправил письмо. Так бы через 45 дней, но была некогда в ту субботу бабушка пролила кампот мы долго вытирали стол А в воскресенью Петька запускал змея. 50 дней это страшно долга. Ето так долго, што я испугался, када считал. И 45 дней это всё равно месяц и ещё 15 дней. Пусть лучше письмо сына сбросит на корабль самолёт. Реактивный. Реактивные могут быстро. Я тебя крепко целую. Ты когда же приедешь наконец домой??? *Матвей*».

— Это что же за «игаизм»? — расстроено спрашивала бабушка. — Это ты так слово «эгоизм» написал? Ты, значит, эгоист?

— Говорят...

— А Стеша, с которой ты подружился, хорошая девочка?

— Да.

— А Соня чем плохая? Я её видела. Вежливая, аккуратненькая такая.

Матвей молчал, помрачнев.

— Ты написал: «Окуньки стали исправляться». Рыбки, что ли, у вас в аквариуме заплошали, а после исправились?

Матвей так захохотал, что Минус единица, спавший у порога, с испугу лязгнул во сне зубами.

— Рыбки! Ха-ха! Скажешь ты, бабушка! Мальчишки

в нашем классе, а не рыбки. Они, подумай, уши себе затыкали. На уроках! А теперь уже не затыкают. Уже хорошо исправляются. Близнецы они.

— Пстой-пстой! — сказала бабушка. — Так это те близнята, про которых мне ваш садовник как-то рассказывал? Душевный старик. С ним потолковать, ну, прямо одно удовольствие.

— Дядя Микола это. Окуньки к нему в гости ходят.

— Вот-вот. Ну, Матюша, этим ребятам не позавидуешь.

— Я им и не собираюсь завидовать, — удивился Матвей. —

А почему ты так говоришь?

Бабушка вздохнула.

— Ты-то вот приходишь домой, я тут с тобой нянчусь...

— Слишком, — заметил Матвей.

Будто не слыша, бабушка продолжала:

— В полном ты у нас тут спокойствии, в уюте. Отдыхай, набирайся сил. А те-то близнята... Какая у них дома картина? Отец пьяный, мать ругается. Бьют мальчишек почём зря, дёргают... Да что говорить!

Лицо у Матвея вытянулось, он обеспокоенно заморгал. Вместе с другими ребятами он не раз смеялся в классе над Окуньками, когда они без конца получали замечания, а главное, затыкали уши. И ни разу не подумал об Окуньках, как они вообще-то живут. А им вон как плохо приходится!

Матвей и представить себе не мог, чтобы кто-то из взрослых его побил. Папа или бабушка — нелепо, дико! Учительница или Любовь Андреевна — смешно, такого не бывает. Мама, милая мама... на секунду он как бы почувствовал на своей голове и плечах нежные тёплые руки матери — у него защипало глаза.

Бабушка будто подслушала мысли внука.

— Эх, Матюша! — сказала она негромко. — Тебя-то никто ведь и пальцем никогда не трогал. Не знаешь ты, как подчас живут другие ребята...

— А ты хитрая, бабушка, — подумав, сказал Матвей. — Приезжаешь в субботу пораньше, сидишь там в саду на скамеечке, ждёшь меня и со всеми разговариваешь, всё-всё узнаешь...

— Невелика хитрость с людьми потолковать, — ответила бабушка.

Над каждым письмом Матвея к отцу она вела какие-нибудь разговоры.

— Значит, всё-таки били тебя какие-то мальчишки? — перепугалась бабушка, прочитав одно из писем. — Да ещё большие!

— Ну и что? — пожал плечами Матвей. — И очень хорошо, что били.

— Уж чего лучше! А за что тебя били?

— За что, я не знаю. А Костя же дал им, как полагается. Вот это хорошо!

— Ошибки бы исправить в твоих письмишках, — вздыхала бабушка, — да ладно уж, всё равно уж... Скорей бы Степан Матвеевич вернулся!

звёзды

Среди ночи Матвей проснулся. Он лежал с открытыми глазами, и сердце у него тоскливо сжималось. Только что ему приснилась мама. Она улыбалась Матвею, гладила его по голове. И вот опять её нет...

В спальне было тихо и темно. Посапывали во сне мальчишки. Полежав немного, Матвей вылез из постели, прошлёпал босиком к окну и высунулся.

Сразу запахло розами. Поздние декабрьские розы цвели под самым окном. Сад дышал теплом. Декабрь был на редкость сухой и не только тёплый, а даже жаркий. За день земля набралась горячего солнца и ночью отдавала это тепло воздуху.

Кипарис под окном стоял важный и таинственный. Казалось, он знает что-то особенное, чего никто другой не знает. Чёрная густая хвоя его была совсем мохнатая и как будто чуть-чуть шевелилась. Не превращался ли по ночам кипарис в небывалой высоты зверя, покрытого чёрной шерстью, вроде доисторического жирафа? Может быть, когда все спят и

никто на него не смотрит, он спускается к морю, прыгая на одной толстой ноге, и купается там при лунном свете? Сейчас луны не было. Но меж ветвями кипариса сияли звёзды,

Подумав, Матвей оделся, всунул босые ноги в сандалии и взобрался на подоконник. Повернулся спиной к саду, спустил ноги, мягко прыгнул на взрыхлённую землю. Невысокий здесь первый этаж. Днём, когда не видят воспитательницы, мальчики частенько лазают в спальни через окно.

Матвей обогнул кипарис, косясь на него с некоторой опаской, по дорожке вышел на открытую площадку перед интернатом.

Всё кругом было другое, чем днём. Неужели здесь носят ребята и вон на тот грецкий орех влезает Лихов, пугая Любовь Андреевну? Задрав голову, Матвей посмотрел на верхушку ореха и тут же забыл обо всём.

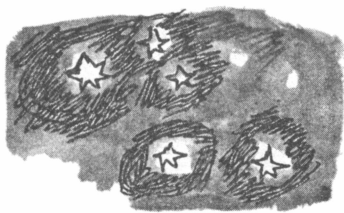
Над ним сияющими гроздьями висели звёзды. Крупные, яркие, они сверкали, мерцали, как-то переливались. Сколько их? Миллионы? Вот бы сосчитать! Получится, наверно, такое громаднейшее число, что... может, такого числа ещё и не выдумали люди. Все звёзды не сосчитать. Разве только какая-нибудь особенная электронная машина из тех, о которых ему рассказывал папа, их сосчитает.

Матвей не электронная машина, и все звёзды ему никак не сосчитать. Но почему бы не попробовать сосчитать хотя бы частичку?

Матвейка принялся считать звёзды, но сбился на первом же десятке. Они так сверкают, затмевая друг друга, что сразу перестаёшь понимать, какие уже считал, а какие — нет. Так ничего не получится. Надо выбрать какой-нибудь кусочек неба, отгородить его от остального сверканья и только на этом кусочке считать.

Неплотно сжатые кулаки Матвей приставил, один над другим, к левому глазу, а правый глаз зажмурил. Получилось вроде подзорной трубы. Теперь он видел небо только в небольшом кружке. В этом кружке звёзды стали ещё крупнее и ярче — настоящие фонари.

Маленькими шажками Матвей двинулся вперёд, разы-

скивая, какой бы кусочек выбрать. Везде звёзд было слишком много. Вот, кажется, здесь они понатыканы не так густо.

Матвей уже хотел остановиться, чтобы приступить к счёту. Сделал ещё шаг, пошире, чтобы встать поудобнее, и... земля ушла у него из-под ног. Куда-то он кубарем катился, рубашка на нём загнулась, он изрядно ободрал спину и икры ног.

Когда испуг прошёл, оказалось, что сидит Матвей под обрывом, на дне небольшой ямы. Ну да, он же не смотрел под ноги, вот и скатился. И пошёл он не в сторону аллея, а совсем в другую.

А звёзды-то из ямы видны ещё лучше. Матвей загляделся на дивную красоту над его головой. Папа говорил, что на звёздах, наверно, тоже кто-нибудь живёт, не может быть, чтобы только на одной Земле жили. Может, такие же люди, а может, и совсем другие...

Что там за этим сверканьем? Неведомые существа смотрят сейчас на Землю со звёзд, как он смотрит на звёзды. А что

они видят? Тоже сверкающую звезду? Голубоватую... Об этом говорили космонавты, вернувшись на Землю. Значит, он сидит в яме на голубоватом шаре. Вот странность!

«А на какую же звезду дорогу буду вычислять я? — думал Матвей. — Когда мне будет, ну, двадцать лет... Ой, как много! За двенадцать лет на Луне успеют побывать много раз. И на Венере тоже... Куда через двенадцать лет полетят космонавты?»

Невидимое море вздыхало где-то внизу. В посёлке приглушённо лаяли собаки. Матвей скорчился на сухих листьях и немного прилёг. Теперь ему не надо было и голову задирать. Звёзды то вспыхивали необыкновенно ярко, то тускнели — и опять вспыхивали. Чаше, чем прежде, они стали подмигивать Матвею. Потом папа взял Матвея под мышки и забросил его на звезду. Под локтем у Матвея примостился Минус единица. Матвей держал пёсика крепко-крепко, чтобы не упустить обратно на Землю. Вдруг стало ужасно холодно, на какой-то неизвестной звезде, орбиту которой Матвей уже начал было вычислять, поднялся сильный сквозняк.

— Мальчик! Мальчик! Где ты? — кричал папа.

— Я здесь, здесь! — отвечал Матвей.

Над головой у него шуршало. Должно быть, сыпалась звёздная пыль. В песне ведь поётся:

На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы.

Папа растолкал Матвея и голосом самой сердитой из интернатских нянек сказал:

— Ошалел ты, что ли? Спать на голой земле! Поди, не июль и не август.

— Каши бы ему берёзовой, да погуще! — ворчал другой голос. — Я спальни обошла, а одна кровать пустая. Вот как выключит тебя директор из интерната за такие проделки!

— Хорошо ба, — лязгая зубами, проговорил Матвей. — Хорошо ба, выключил. Я ббы с ба-бушкой ж-жил ба! — он весь дрожал.

С гор дул ветер, холодный и острый.

Наутро Матвей хотел подняться с кровати, но руки и ноги

были у него такие тяжёлые, что поднять их не удалось, и он опять повалился поверх одеяла.

— Я хочу спать! Мне очень жарко!

Пришла медсестра и поставила ему градусник.

— И что тебе взбрело в голову ночью лезть в какие-то ямы? — подавая Матвею попить, спросила сестричка.

— Я считал звёзды, — сонно ответил Матвей. — Но трудно... их так много...

— Бредит, должно быть, — сказала сестричка.

— Да нет, наверно, правда! — возразили мальчишки. — Он ведь такой.

Полдня Матвей пробыл в изоляторе. За дверью кто-то тоненько распевал:

— Звездочёта-обормота взяли ямы в обороты! Звездочёта-бегемота взяли ямы в обороты!

Несмотря на высокую температуру, Матвей узнал голос Сони. Но недолго удалось Соне упражняться в дразнильном пении: к вечеру машина «Скорой помощи» увезла Матвея в больницу.

ТЁТА ДОНЯ

Раз или два в неделю Окуньки продолжали ходить в гости к дяде Миколу, то с ночёвкой, то возвращаясь к отбою в сопровождении старика. Уходили они всегда с разрешения воспитательницы или директора. Сами в посёлок не убегали. Любовь Андреевна догадывалась, что отлучаться самовольно им строго-настрога запретил дядя Микола. Возвращались они всегда какие-то успокоенные и как бы чем-то гордые.

Давно уже Окуньки не затыкали уши, когда им делали замечание, и хотя пятёрки получали редко, но и двойки исчезли из их тетрадей. «Твёрдые» тройки, иногда четвёрки стояли теперь в журнале против фамилий близнецов. Неблестящие отметки. Но, вспоминая время, когда Окуньки сидели в классе безучастными олухами, да ещё с заткнутыми ушами, Антонина Васильевна очень радовалась этим тройкам. И нередко

хвалила близнецов. Непривычно и приятно было Воле и Вите Окуньковым слышать похвалы.

Жить Окунькам стало гораздо лучше и веселее. Оказывается, вести себя, как другие ребята — слушать на уроках, считать, писать и особенно читать — интереснее и несравненно легче, чем всё делать наперекор. Не приходится всё время быть начеку, чтобы немедленно сделать не так, как тебе велят, а наоборот. Вдобавок все — даже записные лентяи — часто над ними смеялись, смотрели на них с удивлением, как на каких-то ненормальных, а девочки и с жалостью. Лишь первое время ребят забавляли проделки близнецов, а потом всем надоела их молчаливая война с учительницей.

Казалось, не полтора месяца назад, а когда-то очень давно Окуньки впервые ушли из интерната вместе с дядей Миколой. Дело было так.

Неохотно плелись Окуньки следом за садовником-кочегаром. Насупившись, поглядывали недоверчиво.

Пройдя немного, Окуньков Вова процедил сквозь зубы:

— Зачем мы идём?

— Идём зачем? — как перевёрнутое эхо, процедил Окуньков Витя.

Дядя Микола к ним обернулся и ответил спокойно:

— А затем, что зажарит вас моя старуха. В сметане. Давно я жареных окуней не ел.

Скупно, краем рта улыбнулись Окуньки: мол, мы не дошколята, чтобы нас такими глупостями страшить.

Дядя Микола воззрился на них с удивлением:

— Не верите? — Он даже по колену себя стукнул. — Не верят глупые хлопцы, скажи на милость! Ну, так слушайте! Моя старуха, Домна Ивановна, така грозна бабка, шо тильки держись! И съем я вас, как вечерять сяду, в сухарях и сметане. Йисть буду я, а стряпать вас, то вона буде. Так-то!

Чуть-чуть хихикнули Окуньки и сразу нахмурились, напустили на себя полное безразличие. Так, с каменными лицами, и вошли они вслед за дядей Миколой в небольшой садик. В глубине садика, между персиковыми, абрикосовыми, вишнёвыми и сливовыми деревцами стоял домик под черепичной крышей.

Едва лязгнула калитка, на крыльцо вышла полная молодая старуха в белой косынке и в цветном длинном переднике. Всё лицо её с загорелыми, тугими, почти без морщин щеками расплылось в улыбке.

— Это что же за хлопчиков таких славных ты привёл, Микола? — спросила она певуче.

— Прикидается ласковой, — шепнул старик близнецам. — Як та самая баба-яга, что Ваню зажарить схотела.

Громко он сказал, сурово сдвигая брови:

— Славны воны, чи не славны, це большой вопрос! И треба в этом вопросе разобраться по пунктам. А ну, геть у хату!

Не успели Окуньки опомниться, как они уже сидели на табуретках в чистой кухоньке возле стола. Руки у обоих были вымыты. Перед каждым в тарелке благоухал борщ.

— Мы обедали, — сказал Окуньков Вова.

— Обедали мы, — сказал Окуньков Витя. — В интернате.

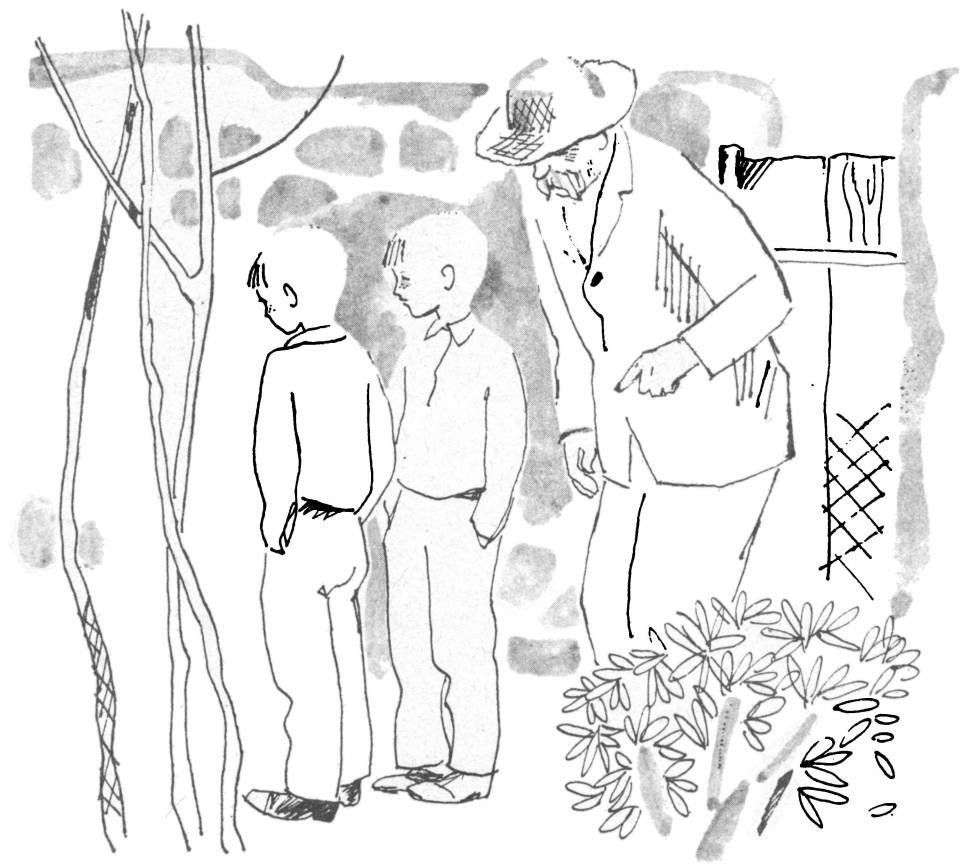
— А до того, кто обедал, кто нет, нашей Домне Ивановне

дела нету, — с аппетитом принимаясь за борщ, заявил дядя Микола. — Бо насчёт кормёжки вона дэспот и никуды не денешься. Вот накормит, а потом... гм-гм!... к ужину это самое и воспоследует...

Всё тучное тело Домны Ивановны заколыхалось от смеха.

— Уж что-то выдумал! Начал загадки загадывать. Вовочка, я тебе укропчику забыла насыпать, сам возьми вон с блюда.

Близнецы переглянулись, поражённые. Укропа не было именно в Вовкиной тарелке, а в тарелке у Вити зелёные сте-

бельки плавали. Как узнала жена дяди Миколы, который из них Вова? Конечно, отводя их к рукомойнику и подавая полотенце, она спросила их имена, но...

«Случайно назвала правильно», — про себя решили Окуньки и стали есть хмуро, но с удовольствием: уж очень вкусен был украинский борщ.

После обеда дядя Микола уселся столярничать. Он мастерила полочку.

— Бо у моей старухи везде полочки понатыканы, так нехай ещё будет!

Вова стал смотреть, как старик работает, а Витя подошёл к радиоприёмнику и со всех сторон его разглядывал, не решаясь прикоснуться.

— А ты, Витенька, включи, если умеешь, — сказала Домна Ивановна, вытиравшая посуду.

Близнецы в упор посмотрели вопросительно друг на друга. С одного взгляда каждый понял замысел брата. Они встали рядом, потом сели на оттоманку, немного погодя переменились местами — они нарочно «перепутались». Но это не помогло.

— Вовик, подай мне, пожалуйста, ножницы, — попросила Домна Ивановна. — Вон на полке, ты рядом стоишь.

Она их не путала, это было очевидно.

— Вы... колдунья? — протягивая Домне Ивановне ножницы, спросил Вова.

— Колдуньев не бывает, — добавил Витя, — но вдруг... всё-таки...

Домна Ивановна рассмеялась заливисто, как молодая.

— Факт! — провозгласил дядя Микола, для убедительности вытаращивая глаза. — Самая она колдунья и есть!

От смеха Домна Ивановна не могла сперва вымолвить ни слова и только махала на всех руками. Наконец, перевела дух.

— Ох, утомили, мальчики вы мои милые! С чего ж это я колдунья, ну-ка? Молчи, старик, не встревай, пусть сами скажут.

Братья стояли красные.

— Потому что все... — начал Вова.

— И даже мама очень часто, — вставил Витя.

— Да и батька всегда, — продолжал Вова.

— И злится крепко, — сказал Витя.

— Пьяный — очень крепко! — подтвердил Вова.

И тут они заговорили одновременно.

— Что не может нас различить, — говорил Вова.

— Зачем мы как два пятака, — говорил Витя. — Путают нас всё время все!

— А вы всячески помогаете людям запутаться, — заметил дядя Микола.

Братья торопливо произнесли наперебой:

— А вы нас не спутали ни разу...

— И вот, может, вы... умеете колдовать?

Домна Ивановна встала со стула и подошла к близнецам.

— Вот это Витя. — Она погладила по голове Витю Окунькова. — А вот это Вова, — потрепала она по затылку другого Окунькова. — Да зачем же вас путать, хлопчики милые? У Вовы на одном ухе мочка немножко приросла, а у Вити уши ровные, зато у него родинка есть на височке, а у Вовы нету...

Да, эти различия у них были. И сами Окуньки, и мама об этих приметах знали. Но, когда Окуньки двигались, и мать не видела «приметок». Другие же люди о них не подозревали. А от зоркого глаза Домны Ивановны эти мелочи не укрылись.

— Шо там мочки да родинки! Колдунья она, верно вам говорю! — твердил дядя Микола. — Ну, ладно, колдуйте здесь над уроками. Донюшка, погляди, чтобы эти орлы всё написали чисто, а то мне будет это самое... рекламация. А я до соседа тут схожу ненадолго.

Спали близнецы на оттоманке «валетиком», как говорила Домна Ивановна. Укрыв Окуньков одеялами, она наклонилась и поцеловала обоих на ночь так просто, будто иначе и быть не могло. И братья не удивились.

К вечеру они уже называли жену дяди Миколы тётей Доней, и обоим казалось, что знакомы они с ней давным-давно.

А потом, как-то незаметно и попросту, стали входить Окунькам в головы приветные, неторопливые речи Домны Ивановны.

— А мама ваша, понятно, устаёт на своём консервном заводе, да после работы ей ещё пьяного отца приходится утихомиривать. Оттого на вас и серчает. А вы ей помогите, — она и кричать перестанет. Да и отцу скажите: «Не пей, папа!»

Получалось, что хоть и есть нехорошее в жизни — всякие нелады и ссоры, — но во много-много раз больше хорошего. Из всякого худого положения найти выход всегда можно. Поэтому унывать и обижаться нечего, а надо, засучив рукава, дело делать.

Но не в словах тёти Дони было главное, а в её тоне, в том, как обходилась она с Окуньками — спокойно, ласково, с полной верой, что не обманут они её ожидания, не могут обмануть.

Вся душа расправлялась у Окуньков в этом воздухе доверия и бесхитростной ласки.

Без стеснения хохотали они, когда дядя Микола начинал «чудить». Выдумывая всякие «чудернасии», как называла эти выдумки тётя Доня, старик всегда что-нибудь делал. А близнецы смотрели.

Насаживает дядя Микола лопату на черенок — Окуньки смотрят. Замок чинит — смотрят. Ружьё чистит — ну, уж тут они глаз не спускают. Смотрят-смотрят, да и протянут руку к молотку, к долоту, к стамеске или к шомполу. А дядя Микола разрешает всё трогать. И не только разрешает, а показывает, как надо держать инструмент. Подержат Окуньки в руках рубанок и пилочку, а потом и сами начинают помогать старику, тоже что-нибудь мастерят. Мастерят и слушают, что говорит дядя Микола.

А рассказов у бывшего гвардии старшины Чертополоха неисчерпаемый запас: про войну, про охоту, про море, про горы... Мир полон чудес. И во всех этих чудесах братья Окуньковы вполне могут принять участие. Надо только людьми стать толковыми. Ну, а чтобы стать толковыми людьми, надо учиться.

— И, конешное дело, учителей своих слушать. бо вони тебя поумнее. Тут уж никуда не денешься! — вздыхая как бы с сожалением, говорил дядя Микола.

«Дорогой папа!

В больнице я понял мельчайшие дроби. А училка сказала: «Зачем ты так написал задачу? Забудь про дроби!» Училка у нас хорошая, Антонина Васильевна, а не понимает, што мне теперь дроби нарочно не забыть, как ни старайся! Без дяди Лёни я сильно скучаю. Когда я пришёл из больницы, Сонька уже не дразнилась: звездочёты-обормоты, звездочёты-бегемоты. Она сказала (тут несколько слов было жирно вычеркнуто) ей стало страшно, но не колотушек. Наш адрес дядя Лёня записал. Теперь я тебя вдруг обыграю в шахматы. Может быть. Прежде давно цифры были не такие, а просто значки, например, ПО — . Бабушка здорова и Минус единица тоже. В звёздочку я попал к Косте Жукову. Здорово, верно? Костя очень ловкий по физкультуре лучше всех. Кроме того, он в субботу спас ребёнка, вытащил его из моря. Вообще научились считать не сразу. Сперва считали камешками, как я когда был маленький, верёвочками, делали на палках зарубки. Турнир по шахматам будет у больших мальчиков. Но Любовь Андреевна попросит, чтоб меня допустили. Хотя у — 1-цы вырван клочок на боку. Он дрался с кошкой. Приезжай скорей!!! Сломал ли Петька нос, неизвестно, но ключицу — факт.

Матвей».

Над этим письмом Матвей пыхтел очень долго. К изумлению бабушки, он сам, без напоминаний, захотел написать папе.

Бабушка заглядывала через плечо внука, когда он торопливо «ковырял» на бумаге одно слово за другим, и от души его жалела. Стараются ребёнок! А письмо-то не придётся отправлять.

Верная своему принципу не волновать дальнего путешественника, бабушка не сообщила Степану Матвеевичу о том, что Матвей был болен. А письмо начинается со слов «в больнице». Разве вымарать эти слова, поставить на них кляксу? Тем более, что и так кругом намазано,

Решив так и поступить, бабушка успокоилась и отошла от внука, довольная его усердием.

У Матвея даже щёки разгорелись. Столько событий! И обо всём хочется написать папе.

Часа три назад Петька свалился с крыши сарая. Хоть и учился в третьем классе, орал он как двухлетний. Врач сказал, что насчёт носа ещё неизвестно, но ключица — факт — сломана. Это дома такое волнующее событие.

А в интернате-то сколько всего наслучалось за те три недели, что Матвей пробыл в больнице! И про больницу тоже не забудешь. Из-за дяди Лёни.

Когда у Матвея спала температура, ему стало ужасно скучно. В палате были сплошь малыши, самому старшему лет шесть. Смешно путаясь в длинных пижамах, они возились на кроватях, а то и на полу, тузили друг друга, что-то один у другого отнимали. Приходила нянька и ворча растаскивала их по кроватям.

Он лежал и раздумывал. Что-то делают сейчас интернатские ребята? Может быть, именно в эту минуту Любовь Андреевна читает им очень интересную книгу. Или они уже учат уроки. Коля Воронков мучается над задачей. С каким удовольствием Матвей решил бы ему эту задачу. И любые примеры. А Костя? Хоть одним глазком подглядеть бы, что делает сейчас Костя. Как здорово он тогда прогнал мальчишек-драчунов. Кинулся на них без всякого страха, как лев. Потому что его товарища били. То-ва-ри-ща! А Томка к кому сейчас пристаёт? Кому хочет перевязать царапину?

И вдруг Матвей, сам удивившись, понял, что он здорово скучает без ребят.

Наконец, ему позволили выйти в больничный сад. Погода стояла отличная.

Под деревом на скамейке сидел, вытянув ногу, высокий дядька. Нога была тол-

стоя и белая. На скамейке возле дядьки стоял клетчатый шахматный ящик и лежали костыли.

Матвей остановился на некотором расстоянии и стал рассматривать ногу.

— Как тебя зовут? — спросил дядька с белой ногой.

— Матвей. Какая у вас нога...

— Да, неважная. В гипсе. А ты с чем лежишь, галчонок?

— Я не лежу, я стою, — сказал Матвей.

— Так ты лучше садись. — Человек похлопал ладонью по скамейке возле себя и, когда Матвей сел, переспросил: — Так с чем ты тут сидишь?

— С воспалением лёгких. Уже температура нормальная. От пенициллина.

— Вот это хорошо, что нормальная. А мне, понимаешь, в шахматы сыграть не с кем. Партнёр мой на перевязке.

— А вы сыграйте со мной, — предложил Матвей.

— Ну что ж, попробуем... — усмехнулся новый знакомый.

После нескольких ходов Матвея он заметил с удовольствием:

— Э-э, да ты кое-что смыслишь, галчонок! Не ожидал, не ожидал!

— Не знаете ли вы, что такое дробь? — спросил Матвей.

Дядя Лёня оказался инженером. Он знал не только дроби, а и много очень интересных задач, и кучу любопытнейших историй про древних математиков. Удивительно повезло Матвею. Чтобы познакомиться с таким замечательным человеком, стоило заболеть не только воспалением лёгких, а даже холерой.

ТЕПЕРЬ ОНИ ЗАОДНО!

В первый же день его появления в интернате к Матвею подбежала Соня. Она улучила момент, когда рядом никого не было. Матвей один шёл в медкабинет. Медсестра велела ему приходить каждый день: «Буду давать тебе укрепляющее лекарство».

— Как я рада, что ты поправился! — быстро проговорила Соня. — Я так боялась...

Соня показала Матвею другой. Щёки и косы стали у неё потолще, а школьная форма покороче: Соня выросла. Впрочем, выросли все, кроме Воронкова. Улыбалась Соня тоже иначе, чем прежде: как-то робко, совсем не похоже на прежнюю ехидную улыбочку.

— Чего ты боялась? — буркнул Матвей. — Что некому тебя поколотить будет?

— Чтобы ты не помер, боялась, — тихонько сказала Соня. — От сильного воспаления лёгких умирают. Я никогда не буду тебя дразнить.

Матвей и забыл про Сонину дразнилку, а теперь вспомнил.

— Думаешь, я тогда сразу не догадался, кто поёт «звездёты-пересчёты»? Дура!

От обиды Соня вспыхнула, потом побледнела.

— С тобой по-хорошему, а ты...

Она повернулась и побежала от него, всхлипывая как-то по-щенячьи.

Матвею стало не по себе. За что он с ней так грубо? Разве она сказала ему что-нибудь плохое? Только что боялась, как бы он не помер. Глупо, конечно, но ехидства в этом нет. Мать-то у неё хоть выздоровела?

Очень недовольный собой, Матвей зашагал в медкабинет.

Но когда перемена кончилась, он вмиг утешился, сразу забыл про Соню. Был урок арифметики. Они писали контрольную.

В задаче надо было к 5 карандашам прибавить 8 карандашей, а потом отнять 4 карандаша. Решение Матвей записал так:

$$\frac{20}{4} + \frac{16}{2} - \frac{8}{2} = \frac{36}{4} = 9$$

Взяв в руки тетрадь Матвея, Антонина Васильевна воскликнула:

— Что ты тут нагородил? Всё записал дробями? Ох, Матвей! Всему своё время. Что я должна тебе поставить за эту контрольную? Пиши всё снова! — И она дала ему неосуществимый совет: забыть про дроби.

После звонка к Матвею подошёл Костя Жуков и заявил:

— Ты в моей звёздочке. Поручаю тебе срочно подтянуть Воронкова по арифметике. Он всю нашу звёздочку тормозит!

Замечательная новость! Не то, конечно, что надо Колю Воронкова подтянуть по арифметике, а совсем другое: Костя-то — командир Матвея! Ведь Матвей даже не знал, что без него второклассники стали октябрятами, разбились на звёздочки. В Костиной звёздочке оказались, кроме самого Кости и Матвея, ещё Коля Воронков, Слава Гордеенко и Клава Гущина. Томка тоже стала командиром. В её звёздочку попали

Соня, Аллочка Замшина и Окуньки. И ещё было три звёздочки.

Матвей твёрдо решил во что бы то ни стало, хоть кулаками, научить Воронкова решать задачи. Когда-то Любовь Андреевна уже просила его заняться с Колей. Но совсем другое дело, если такое поручение дал ему Костя, его командир. Теперь они в одной звёздочке и во всём должны быть заодно. Костя так ему и сказал:

— Помни: мы теперь заодно!

Вся звёздочка гордилась Костей. Да и весь класс им гордился. Ещё бы! За несколько дней до возвращения Матвея Костя спас ребёнка. Это случилось на пляже в одну из суббот. Мать малыша с кем-то заговорила и не заметила, как её ребёнок упал в море. Мало того, что упал, но волна сразу откатила его от берега. Как был, в одежде, Костя не раздумывая бросился в воду и вытащил тонущего малыша. Директор похвалил Костю за мужество на линейке перед всеми ребятами. Второклассники наперебой рассказывали Матвею об этом необыкновенном происшествии.

Стешу Матвей увидел на другой день, как приехал в интернат. Он не искал её. Стеша сама пришла на лужайку за домом, где гулял второй класс.

— Выздоровел, Матвейка? — сказала она обрадованно.

Но тут же выяснилось, что пришла она совсем не к нему, а... к Окунькам. Стеша отозвала близнецов в сторону и потихоньку о чём-то с ними разговаривала. Выражение лица при этом было у неё какое-то необычное: немножко сердитое, немножко смущённое и немножко беспокойное. Матвей подошёл поближе и услышал слова одного из Окуньков:

— Да, мы тоже знаем про сынов. Мы её спросили: «Тётя Доня, а у вас своих детей не было?»

— А она, — заговорил другой Окунёк, — а она... «Как же, — говорит, — не было? Два сына». Оба...

— Я и без вас знаю, что они на войне убитые, — перебила Стеша. — Так вот, чтобы вы с расспросами к моим Чертополохам не приставали!.. Вообще смотрите у меня! Если что сделаете у дяди Миколы не так, я вам головы отрываю!

— А мы чего? — сказал один Окунёк.

— А мы ничего, — сказал другой. — А ты не задавайся!

— Дураки вы! — вздохнула Стеша. — И вообще они бы меня совсем к себе взяли. В дочки. Я ведь к ним третий год хожу. Вся остановка в том, что они старые. Удочерить им не разрешают. А увнучивать не полагается.

Матвей слушал и понимал только одно: пока его не было, Стеша как-то по-особенному познакомилась с Окуньками. И какие-то у них общие дела. И почему-то Стеша Окуньков, кажется, немного недолюбливает.

— Вы Стешу не вздумайте обижать! — на всякий случай сказал Матвей.

Стеша машинально положила руку ему на плечо, но, хотя этим жестом ясно выражалась её приязнь, он чувствовал, что в эту минуту она совсем о нём не думает. И тут Стеша вполголоса произнесла что-то совсем непонятное:

— Мне как-то тётя Доня сказала... Ты не думай, говорит, у нас на всех хватит...

Близнецы захлопали глазами.

— Чего хватит? Борща? Так мы можем не есть, — сказал один.

— Тем более, мы почти всегда ходим к дяде Миколу после обеда, — добавил другой.

— Я ж и говорю, что вы дурни! — с досадой сказала Стеша. — При чём тут борщ? Мы все сытые... В общем, имейте в виду! Чтобы полный порядочек! Понятно?

— А чего хватит-то? Чего? Скажи! — пристали Окуньки.

— Сердца! — гордо ответила Стеша. — Сердца, души у неё на всех хватит. Вот. А вы — борща-а! Скажут тоже!

Она повернулась и пошла прочь.

— Хочешь, я тебе дробь объясню? — крикнул Матвей.

Стеша оглянулась:

— Да что дробь! Пусть они хоть вовсе провалятся, эти дробь!

Матвею стало обидно. Почему она сердится? Он не понимал, что Стеша просто немного ревнует Окуньков к старикам Чертополохам.

ТУМАН

— Кто-то проглотил горы, — задумчиво сказал Коля Воронков.

— Их проглотили облака. И вообще февральский туман, — рассудительно сказал Костя Жуков.

Пять ребят: Костя, Коля Воронков, Тамара Русланова, Маруся Петрова и Матвей — стояли на обочине шоссе и с удивлением смотрели вверх.

Всегда за этими склонами, поросшими мелким дубняком, высились горы. Ниже — скалистые, повыше — голубые или сиреневые, смотря по погоде и времени дня. А сейчас над дубками простиралась сплошная серая пелена, точно повесил там кто-то плотную занавеску из сурового полотна. Ключья тумана висели и на дальних дубочках, зацепившись за рыжие сухие листья. Кроме сосен и лавров, все деревья стояли голые. И лишь на дубах было много ржавых высохших листьев.

— А я нашла подснежник! — закричала Томка.

Крымский подснежник с овальными продолговатыми лепестками и в самом деле белел в её руке.

Зашуршали шины. На шоссе показалась из-за поворота грузовая машина. Резко хлопнуло. Заскрежетали тормоза. Машина остановилась. Шофёр вылез из кабины, обошёл грузовик, пиная ногами шины.

Мальчики подошли к грузовику.

— Что, спустила шина? — спросил Костя.

— А тебе что? — огрызнулся шофёр. — Ступай своей дорогой.

Он вскочил в кабину, дал газ. Машина рванула с места и умчалась.

— Опаздывает куда-то, — заметил Воронков. — Торопится очень.

— Хам он, больше ничего, — обиженно сказал Костя. — Я его вежливо спросил...

Шоссе убежало в туман. Лишь небольшой отрезок его был хорошо виден — пустынный кусочек дороги.

— Тихо как! — сказал тонким голосом Воронков. — По-

тому что зима. А летом тут полно туристов. Так и едут! И пешком идут.

— И зимой туристы в Крыму бывают, — возразил Костя. — Меньше, конечно, а всё равно они есть. Мама моя на теплоходе плавает, так говорит: и поздней осенью и зимой туризм на Южном берегу не прекращается. — Костина мать служила официанткой на теплоходе, часто уезжала в рейсы. Ещё у Кости, как у Матвея, была дома бабушка. Но папы у него не было.

Из канавы раздавались радостные восклицания: это девочки приходили в восторг от каждого подснежника. Мальчики пошли в дубняк, стали собирать жёлуди.

Спустя какое-то время на шоссе затрещал мотоцикл. Никто не обратил на него внимания. Но вдруг послышался оклик:

— Эй, ребята! Пойдите сюда!

Костя и Коля побежали к шоссе. Матвей пошёл за ними. У мотоцикла стоял человек в тёмно-синей форме с блестящими пуговицами. Мальчики догадались, что это инспектор ГАИ. В люльке мотоцикла сидел парень в штатском пальто.

— Не видели, ребята, тут никто не проезжал? — спросил инспектор.

— Проезжал один грубиян на грузовике, — ответил Костя.

— Почему грубиян? — поинтересовался парень в штатском.

— Я его вежливо спросил: «У вас шина спустила?» А он сразу обозлился...

— Торопился отчего-то, — добавил Воронков.

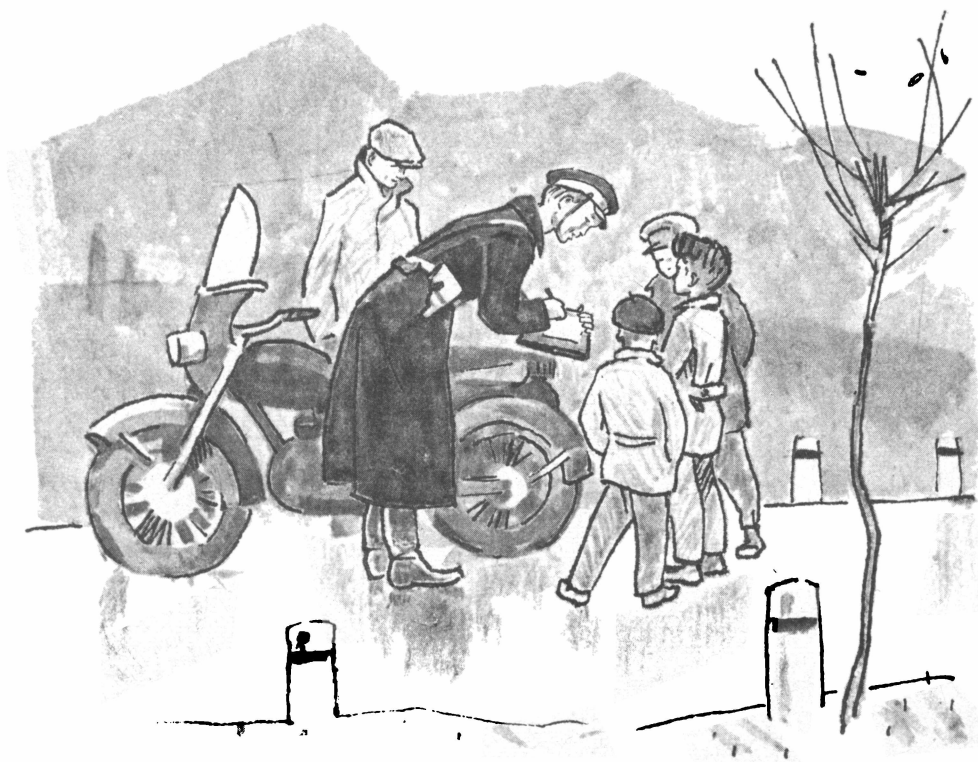
— Давно проезжал? — спросил инспектор.

Услышав, что мальчики с кем-то разговаривают, вылезли из канавы и подбежали девочки. На вопрос инспектора ответила Маруся Петрова:

— Давно-давно. Уже нам скоро пора уроки учить.

— А ты и не видела! — возразил Воронков. — Вы в канаве сидели. И совсем недавно. С полчасика.

— Всё равно мы машину слышали, — заспорила Томка. —

Целый час назад. Вон какой букетище успели собрать. — Она показала букет. — А подснежников ещё мало.

— Вы гуляете давно? — спросил штатский.

— Около часа, — ответил Костя.

— А сколько сейчас времени? — спросил до сих пор молчавший Матвей.

Инспектор отогнул обшлаг гимнастёрки:

— Без десяти минут шестнадцать часов, то есть, значит, четыре без десяти.

— Ну, так мы здесь гуляем ровно сорок пять минут, — сказал Матвей.

— Откуда такая точность? — штатский выпрыгнул из люльки. — Хоть ноги пока размять...

— Потому что когда мы были в раздевалке, — сказал Матвей, — надевали пальто, на часах было три часа, то есть

пятнадцать часов, я видел. Минут пять мы бежали досюда. Ну, и здесь, значит, ходим сорок пять минут. Конечно, не всё время возле этого столба, где сейчас стоим.

— Молодец, — сказал штатский.

— Та-ак, — протянул инспектор. — Значит, грузовик проезжал тут минут сорок — тридцать пять назад... А номер машины вы случайно не заметили? — спросил он безнадежным тоном.

— Мы не знали, что надо, — смущённо сказал Костя,

— Она быстро поехала, — сказал Воронков.

— Номер Це эс восемьдесят один ноль девять, — отчеканил Матвей.

— Как? Как? — инспектор поспешно вытащил планшетку из сумки на боку и мигом записал.

— Це эс восемьдесят один ноль девять! — повторил Матвей.

— А ты не ошибаешься? — спросил штатский.

— Матвей никогда не ошибается, если цифры, — обиженно заявила Томка.

— Никогда-никогда! — подтвердила Маруся.

— Ну, молодец, если так, — похвалил инспектор. — Как ты его назвала, девочка?

— Матвеем его зовут, — сказала Томка.

— А фамилия твоя как, Матвей? — спросил штатский.

— Горбенко.

Томка приблизилась к парню в штатском и потянула его за рукав. Парень пригнулся к ней.

— Только про мать не спрашивайте! — шепнула Томка. — Нельзя его про мать спрашивать: она помершая.

— Ну-ну, — смутился парень, — а я и правда хотел... — Он покосился на Матвея и громко спросил: — А вы откуда, ребята?

— Из интерната. Вон там внизу, — показал Костя рукой.

— Садись! — сказал инспектор и сам уселся на сиденье мотоцикла. — Бывайте, ребята! Спасибо.

Едва штатский поместился в люльке и махнул ребятам рукой, мотоцикл взревел и в одну секунду скрылся в тумане.

— И как ты номер запомнил? — спросил Костя Матвея. — Мне и ни к чему.

— А как его не запомнить? — удивился Матвей. — Ты, наверно, просто не посмотрел. Там четыре цифры в этом номере: восемь, один, ноль и девять. Сложи первые две цифры — будет девять. Значит, первая часть номера, до чёрточки, равна второй части, после чёрточки, потому что ноль не считается. Разделим первые два числа на третье и четвёртое, первую часть номера на вторую, восемьдесят один на ноль девять — опять получится девятка. А все четыре цифры сложи — будет восемнадцать, те же восемьдесят один, только цифры стоят наоборот. Вот какой номер интересный! Как же его не запомнить?

— Вот как ты запомнил! — с уважением сказал Костя. — Со значением, выходит, запомнил.

— Ох, уж этот Матвейка, Математейка! — Томка показала головой из стороны в сторону. — И где только он не уви-

дит какое-то значение, этот Матвейка! Вот опоздаем мы на самоподготовку, так будет нам от Любовь Андреевны значение! — Она сдёрнула берет с головы Воронкова и с хохотом помчалась вниз по склону. Ребята побежали за ней.

ВЕСНА

Пятиклассницы, подружки Стеши Федотовой, на уроках часто поглядывали на Стешу с тревогой. Боялись, как бы она не уснула за партой. Ведь каждое утро встаёт в шесть часов, а то и в половине шестого. Вскрикивает безо всякого будильника и сразу бежит в балку. И никак её не удержать.

Спустившись в балку, Стеша забиралась поглубже в кусты и замирала. Балка звенела птичьими голосами. Не только синицы, дрозды, зяблики, щеглы, малиновки и зеленушки сновали в уже крупной листве. Несравненный певец соловей каждое утро и каждый вечер выводил свои сложные, переливчатые рулады в ветвях бузины. А вскоре тонкий беспомощный писк стал слышен из гнёзд: вылуплялись птенцы.

Сладкий запах цветущих черешен, абрикосов и яблонь стоял над плодовым участком интерната. Весна! Короткая и яркая крымская весна поднималась от морского побережья в горы. Не прошло и недели, как затопила она всё вокруг, а в нижнем поясе, у самого моря, дышала уже знойным летом.

На Матвея весна подействовала неожиданным образом: он вдруг увлёкся физкультурой. К тому же отличным физкультурником был Костя Жуков, а Матвей с некоторых пор во всём хотел быть похожим на Костю.

За последнее время Матвей сильно вытянулся. Худой, долговязый, чернявый, он, сжав зубы, неловко карабкался по столбу, цеплялся за перекладину и... сваливался оттуда. Ребята хохотали. Но не над неловкостью Матвея, а над его хвастовством. Почему-то Матвей был убеждён, что физкультурные упражнения получаются у него превосходно.

Поднявшись с земли, красный и сияющий, он спрашивал хвастливо:

— Правда, я здорово влез?

— Потрясающе! — со вздохом говорила преподавательница физкультуры Инна Николаевна. — Будь в тебе побольше веса, ты задавил бы Женю Сергеева. Ведь почти ему на голову свалился.

Девочки часто удивлялись:

— Почему ты, Матвейка, никогда не хвастаешься, что так здорово задачи решаешь?

— Да чем тут хвастаться? — сердито отвечал Матвей.

Похвалиться своим знанием математики ему и в голову не приходило. Это было дело особое, он не мог бы этого объяснить... Решая задачи, он обо всём забывал, ни малейшей заслуги в том, что задачи у него выходят, не видел, только радовался, когда удавалось. Чем же тут, в самом деле, хвалиться?

Теперь Матвей постоянно играл вместе с ребятами. Ведь Костя, Коля и Слава участвовали во всех играх. Значит, и Матвею приходилось участвовать. Костя сказал, что звёздочка должна быть дружной. Непременно! Для Кости и для маленького Коли Воронкова, который упорно не хотел расти, Матвей готов был теперь сделать что угодно. Хоть из-за Коли ему и попало однажды от воспитательницы.

Как-то Любовь Андреевна увидела, что Коля горько плачет.

— Что с тобой? — Она обняла его за плечи, наклонилась к нему.

А Коля пуще разревелся:

— Не могу я больше так! Он меня... заставляет и заставляет! В голове всё перемешалось.

— Кто тебя заставляет? Что заставляет?

— Матвейка! — всхлипнул Коля. — Задачи решать. Каждую минуту. Затащит куда-нибудь и говорит: «Реши такую задачу!» Вчера меня к дереву привязал, чтобы я от него не убежал... Ему... Костя велел, а он, конечно, рад стараться! — И Коля залился слезами в три ручья.

Любовь Андреевна подозвала к себе Матвея и Костю:

— Вы что же это товарища замучили? Оставьте его в покое! Я запрещаю Матвею с Колей заниматься. Сама ему объясню, когда не поймёт.

— Но ведь у него больше тройки по арифметике не бывает, — с огорчением сказал Костя. — Да и тройка-то с минусом. Если бы не Матвейкино чистописание и Колина арифметика, у нас вся звёздочка была бы из отличников.

Матвей сконфуженно молчал: по чистописанию ему никак в пятёрочки не выйти, да и по письму то четыре, то три...

— Всё равно, — сказала Любовь Андреевна. — Нельзя так тиранить Колю!

И Матвей перестал наседать на Воронкова с задачами. Только на вопросы его отвечал, если Коля к нему обращался. Странно: после того как Матвей оставил его в покое, Коля вроде бы стал лучше учиться по арифметике.

После майских праздников на одной из линеек случилось неожиданное.

Линейки бывали почти каждое утро. После завтрака все ребята выстраивались на лужайке перед интернатом. Директор Сергей Петрович кратко сообщал им о том, что особенно хорошее или плохое произошло накануне в интернате, как дежурили старшие ребята, кто из ребят и в чём серьёзно провинился и что ему за это будет. А потом отдавал распоряжения на сегодняшний день. Настроение у ребят становилось деловое, подтянутое, и все расходились по классам.

В то майское утро Сергей Петрович сообщил, что интернатом получено благодарственное письмо из одного учреждения.

Матвей почти не слушал, что случалось с ним частенько. На этот раз он не слушал, потому что украдкой смотрел на Соню. Вчера Томка сказала ему, что Сониная мать не только не выписалась из больницы, а, наоборот, заболела ещё больше: у неё, кажется, совсем чахотка сделалась. Соня теперь нигде не уезжает по субботам, один раз её брала к себе на воскресенье Любовь Андреевна. С Матвеем Соня больше не заговаривала. Но не раз он ловил на себе её взгляд. Заметив, что он тоже смотрит, Соня быстро отворачивалась. Ясное дело, злится. Ну и пусть! Сейчас Соня стояла грустная. А ехидничать она стала теперь редко...

Вдруг печальное лицо Сони просветлело. Она радостно

улыбнулась, открыто, во все глаза посмотрела на Матвея и... закивала ему из своего заднего ряда. Матвей смутился и опустил глаза. И тут услышал, что директор называет его фамилию.

— Горбенко из второго класса и есть тот ученик, за которого наш интернат благодарит Госавтоинспекция. Они пишут: «Благодаря наблюдательности вашего воспитанника Матвея Горбенко удалось задержать преступника».

Матвей вытарашил глаза, дёрнул за рукав Томку, стоявшую рядом:

— Какого преступника? О чём это он?

— Да номер-то машины правильный оказался! — зашептал Коля.

— Не слушаешь ничего, по обыкновению! — возмутилась Томка. — Рассказал же Сергей Петрович: шофёр сбил женщину. Где-то на окраине Кореиза, что ли. Сбил, да и уехал. А это тот шофёр, у которого ты номер запомнил. Понял, наконец? — быстро-быстро всё это Томка проговорила сердитым шёпотом. Ей за одну минуту пятьдесят слов протрещать ничего не стоит.

— Молодец, Матвей! — сказал директор. — Всегда будь таким наблюдательным!

Ребята захлопали. Все смотрели на Матвея. От смущения он катал ногой камешек по земле. Да за что его хвалить? Вот Костя, тот и верно сделал замечательное дело. А Матвею просто попался номер из интересных цифр, ну и что тут такого? Очень ему было неловко.

В коридоре, когда расходились по классам, Матвея то и дело останавливали чужие мальчишки и девчонки:

— Номер, значит, заметил у машины нарушителя?

— Ишь ты! Маленький такой, а в разведчики годишься!

Всякие одобрительные возгласы и вопросы кричали ему вслед.

На перемене Матвей внезапно услышал оклик:

— Эй ты, купе-барш! С чего это ты вздумал номер машины запоминать?

Перед ним стояли избившие его большие мальчишки.

— Ни с чего не вздумал. Просто посмотрел и запомнил.—

На всякий случай Матвей сжал кулаки. Опять станут драться, так он сам их вздует, не дожидаясь Костиной помощи.

— А я думал, может, шофёр тебе подозрительным казался? — спросил Миша.

— Нет. Чего шофёр? Я на шофёра не посмотрел... — нехотя Матвей добавил для честности: — Номер был интересный.

Помолчали.

— Ну, отчаливай, барш, — разочарованно процедил Миша. — Не вертись под ногами!

Слегка вспотев от волнения — кому приятно ждать, что тебя, того гляди, отколотят ни за что ни про что? — Матвей убежал.

— Эх, везёт же каким-то дурачкам! — с досадой протянул Миша. — А мы сколько раз видели на шоссе грузовики да всякие машины! И ни к чему нам... А помнишь, на днях шофёр одной легковушки с такой скоростью гнал — с недозволенной? Чуть собаку не задавил.

— Помню, помню! — закивал Саша. — Так ты что думаешь?

— Ничего я не думаю... А где гарантия, что этот шофёр не вёз шпиона? Может, он от пограничников удирал. Вот бы нам номер запомнить!

— Да уж теперь ищи-свищи ту легковую машину, — уныло сказал Саша. Но тут же оживился: — А знаешь что? Будем теперь у каждой-каждой машины номера запоминать. Даже записывать. На всякий случай!

— Решено! — согласился Миша. — С сегодняшнего дня устанавливаем дежурство на шоссе. Наблюдение за машинами. Слушай мою команду!

Немного утешенные, мальчики отправились в класс.

День был субботний. В половине второго, как всегда, первая из родителей приехала бабушка.

Матвей схватил её за руку:

— Пойдём скорей на площадку, я тебе покажу, как я на брусках верчусь. Ох, и здорово!

— Подожди ты! — отбивалась бабушка от тащившего её Матвея. — Я тебе что-то важное...

В эту минуту к ней подскочила Томка:

— Здравствуйте! А Матвейка преступника поймал!

Бабушка задохнулась от испуга, еле вымолвила:

— Как так преступника? Господи! Где ж он его взял?

Матвей сморщился от досады:

— Да никого я не ловил! Не слушай, бабушка, Томку, она глупости болтает. Пошли на брусья, я тебе покажу!

А тут и Костя подбежал:

— Ваш Матвей помог поймать преступника!

Бабушка, оторопело на всех глядя, опустилась на скамейку.

— Ничего страшного, — успокоил её подошедший Сергей Петрович. — Слышу, как они вас тут пугают. Ни малейшей опасности ваш внук не подвергался. Я вам всё объясню, вот только одну минуточку... Сейчас я к вам приду. Но тщеславием он у вас не страдает, это хорошо.

— Как это не страдает? — раздался голос преподавательницы физкультуры Инны Николаевны. — Так хвастается своими ужасными сальто, что уши вянут. Сергей Петрович, вы мне очень нужны!

— Бабушка, ну идём же, наконец! — Едва отошли директор и физкультурница, Матвей вцепился в бабушкину руку.

И вдруг бабушка рассердилась:

— Подожди с чепухой! Совсем меня задёржали! Никак не успею сказать... Папа твой через неделю приезжает! Вот! Матвей остолбенел. Потом завопил:

— Папа?! Приезжает?! Так что же ты молчишь, бабушка?!

У самых бабушкиных ног, прямо на земле, он перевернулся через голову. Свалился на бабушкины широконосые туфли.

Ребята хохотали. Бабушка всполошилась:

— Сумасшедший! Шею сломаешь!

От радости Матвей не знал, что бы ему такое сделать. Поднялся с земли и при всех кинулся целовать бабушку. Оказывается, больше всего на свете он хочет увидеть папу! Он и сам не знал, до чего ему нужно, просто необходимо увидеть папу!

ПРОЩАЙ, ИНТЕРНАТ!

Стоя в тени под платаном, Стеша строго наказывала Матвею:

— Чтобы в гости ко мне ты приехал! Слышишь? Адрес дяди Миколы записал?

— Я бабушке отдал записку с адресом.

— Ну, смотри, чтобы не потерялся! А я твой адрес в самую лучшую тетрадку записала, где у меня про птиц. Как я рада, если б ты знал! — Она схватила Матвея за руки и закружилась вместе с ним.

Матвей знал, чему так радуется Стеша. Когда кончатся занятия в пятом классе, она насовсем переедет к дяде Миколу. Старик Чертополох добился своего: им разрешили удочерить Стешу. С осени она будет учиться в поселковой школе.

— У меня уже две фамилии в метрике: Федотова-Чертополох, — болтала Стеша. — Тётя Донюшка-то как рада! Но я буду часто ходить сюда в гости к нашим девочкам, тут же близко.

А через несколько дней Матвей уезжал из интерната. Тоже, как и Стеша, насовсем. Не каждый год папа будет уплывать в дальние экспедиции, у него и в своём институте работы очень много.

Матвей со всеми простился, все пожелали ему счастья. Вместе с бабушкой они уходили по дорожке.

Матвей оглянулся. Вон темнеет кипарис под окном спальни. До чего же он знакомый, свой! Да всё тут такое знакомое...

Когда шли мимо волейбольной площадки, Матвей вдруг увидел на открытом месте небольшую фигурку. Какая-то девочка сиротливо стояла, опустив голову. Кажется, плачет? Тёмные тонкие косички... Да это Соня Кривинская...

Что-то будто толкнуло Матвея в грудь. Соня-то не только по субботам не уходит. Она и на лето не уедет из интерната. Некуда ей. Мама её в больнице, а больше никого у Сони и нет.

Как она вдруг улыбнулась ему и закивала на линейке! Обрадовалась, что его похвалили за номер на грузовике. А ведь он и тогда отвернулся. И очень-очень больно наколотил её за Чикота. Может, она уже сто раз раскаялась в той своей подлости? А может, Соня любит хитрить, потому что нет у неё ни папы, ни бабушки? А вдруг у неё, как у Стеши, совсем-совсем не станет никого родных? А другой дядя Микола ей не попадётся, чтобы взять её в дочери...

— Бабушка, дай мне что-нибудь! — торопливо потребовал Матвей. — Скорей дай!

— Что же тебе дать? — всполошилась бабушка. Она порылась в сумке. — Вот яблоко, что ли... Взяла нам на дорожку несколько штук.

Матвей схватил большое румяное яблоко и в несколько прыжков оказался на волейбольной площадке. Подбежал к Соне, протянул яблоко:

— Вот! Это тебе!

Соня просияла и взяла яблоко:

— Ты не сердишься на меня?

— Нет, — сказал Матвей. — Нет, нет, нет!

Он не знал, что ещё сказать, и топтался возле Сони.

— Здесь будет у нас летний лагерь, — сказала Соня. — Мы будем ходить на море очень часто. Нам обещали.

— Это хорошо, если часто, — пробормотал он.

— Ты напишешь мне письмо? — с надеждой в голосе спросила Соня.

— Писать письма я ненавижу, — честно сказал Матвей. — Но... всё-таки тебе я, наверно, напишу.

Он дёрнул Соню за косичку. Чуть-чуть. На один миг в глазах её появился испуг. Потом глаза стали от смеха узенькими, как щёлочки: она поняла, что Матвей так с ней прощается.

Матвей побежал к бабушке, а Соня махала ему рукой.

— Подружка твоя? — спросила бабушка.

Матвей не ответил.

В автобусе он смотрел в окно и упорно молчал.

— Что притих? — ласково спросила бабушка. — Жить там ни за что не хотел, а теперь взгрустнулось?

А Матвею и правда было грустно. В интернате остались Костя, командир его звёздочки, настоящий товарищ, маленький смешной Воронков, хлопотливая Томка, Любовь Андреевна, бедняги Окуньки, которых дома колотят. С Костей и Колей он обменялся адресами, они обещали приехать друг к другу в гости. Но когда ещё это будет? Там, в интернате, осталась Соня... Антонина Васильевна! «Училка» у них хорошая: она давала ему интересные задачи. А Стеша-то, Стеша! Со Стешей они тоже обещали непременно навестить друг друга...

— Видать, оставил ты там кусок сердчишка-то своего, а? — добродушно промолвила бабушка и почему-то вздохнула.

Молча Матвей смотрел на шоссе за окном автобуса. Матово поблёскивал на солнце асфальт. Серо-фиолетовая лента шоссе, извиваясь, убегала вдаль.

СОДЕРЖАНИЕ

ОХ, УЖ ЭТА ЗОЙКА!	3
ПЯТЬ ПЛЮС ТРИ	75

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Котовщикова Аделаида Александровна

ЕСЛИ ПОСТАРАТЬСЯ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Т. С. Филиппова.
Корректоры К. Д. Немковская и Г. М. Шукан.

Подписано к набору 11/VIII 1969 г. Подписано к печати 21/I 1970 г. Формат 70×92¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 14,04. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 236. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 674.
Цена 44 коп.

